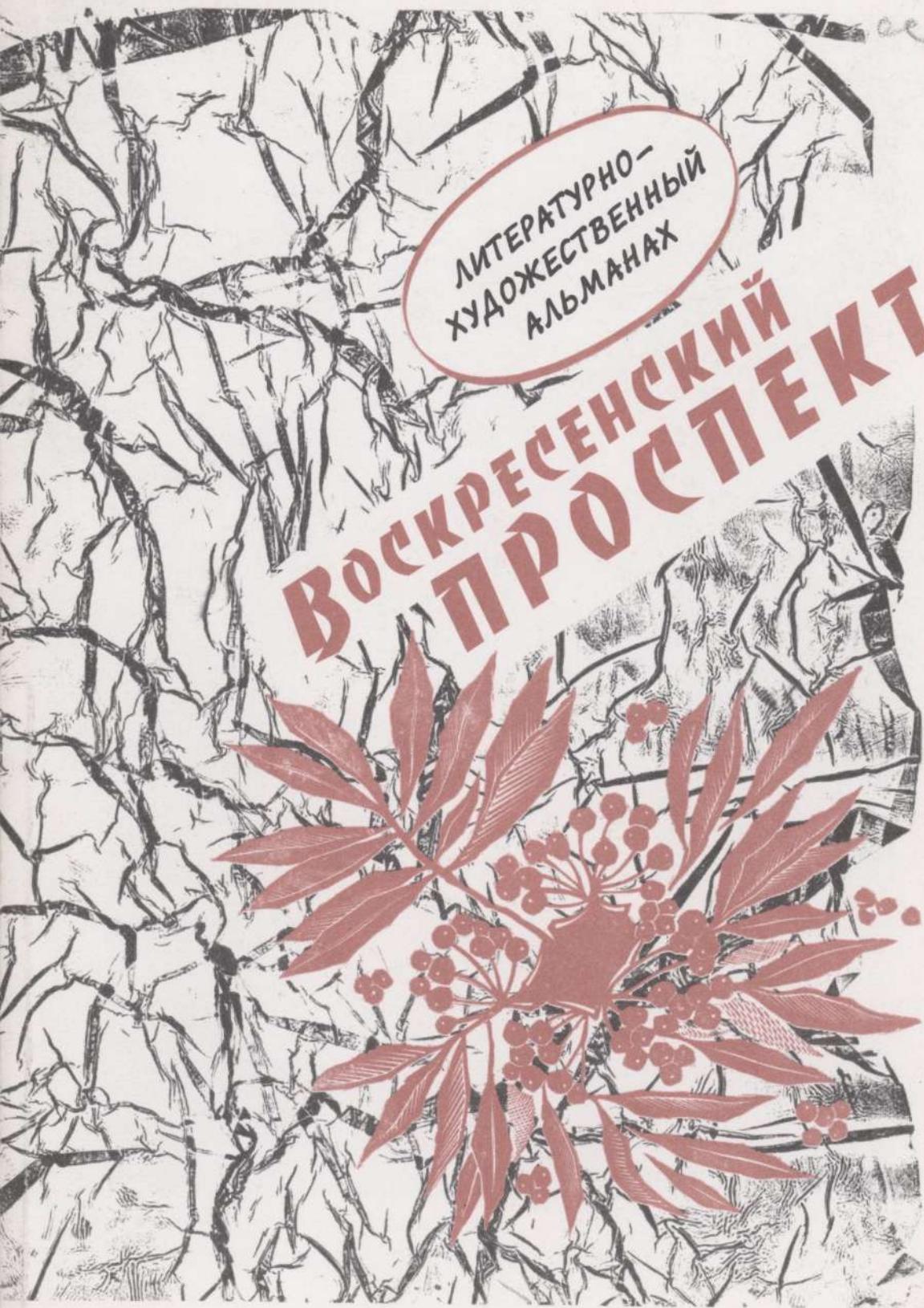

кп 1313843

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

Воскресенский
проспект

Медведев Д.В. Воскресенский собор, г. Череповец. Ксилография 24 x 17, 1998 г.

ВОСКРЕСЕНСКИЙ ПРОСПЕКТ

Литературно-художественный альманах

*Издание подготовлено Литературным советом
при Управлении по делам культуры
мэрии г. Череповца*

*Редактор-составитель –
председатель Литературного совета
доктор филологических наук
А. В. Чернов*

Череповец
ЧГУ
1999

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Лавров. Вместо предисловия 3

ПОЭЗИЯ

А. Пошехонов	4
В. Хлебов	7
И. Воробьев	9
В. Борисов	10
В. Златоустов	11
Н. Кузнецов	13
С. Созин	15
А. Петухов	16
С. Круглов	18
А. Сидоренко	19
Е. Кострико	21
Н. Бушенев	23
А. Якунов	25
М. Катышева	26
Т. Жмайло	27
А. Широглазов	29

ПАМЯТИ ЛЕОНИДА БЕЛЯЕВА

<i>Л. Беляев.</i> Избранное	36
<i>А. Кириллов.</i> Летопись в лицах («стихи на случай» Леонида Беляева)	43

КРИТИКА

<i>М. Сидоренко.</i> Полемические заметки о поэзии в Череповце	47
--	----

ПРОЗА

<i>А. Рулем-Хачатрян.</i> Мяксиканец плюс. Быль	54
<i>Н. Кучмиза.</i> Три рассказа	59
<i>А. Сидоренко.</i> Дневник тихой дурочки	65
<i>Е. Шалашов.</i> «Черный след» и корова	82
<i>Н. Н. Денисов.</i> Екатерина III	88

МЕМУАРЫ

<i>И. Ячменев.</i> Давние и далекие встречи (Публикация – А. Рулем-Хачатрян)	112
---	-----

ПЕРЕВОД

<i>Ж. Амаду.</i> Полосатый Кот и Ласточка Синья (История одной любви) Перевод с португальского Е. Беляковой	118
---	-----

Уважаемые читатели!

У каждого человека есть свое представление о духовных корнях, чувство истории, ощущение места и предназначения на этой страдающей и очищающейся земле. Но не каждому дана счастливая возможность выразить эти ощущения на чистом листе бумаги, подняться над обыденностью, суетой и пошлостью.

Вы открываете страницы первого литературно-художественного альманаха «Воскресенский проспект». Название — символично.

Для многих черепан, а позднее — череповчан, Воскресенский проспект является образом Старого Города, динамично развивающегося, образованного, имеющего яркого, умного, деятельного городского голову — Ивана Андреевича Милютина.

Альманах получился цельным и самобытным, потому что на его страницах объединились и маститые авторы, давно и плодотворно пишущие череповчане, имеющие индивидуальные сборники стихов, книги, и молодые, только начинающие авторы, полные юной энергии, живущие под знаком Любви: к человеку и к нашему непростому городу.

Альманах выходит впервые и приглашает к диалогу всех, желающих услышать **индивидуальное слово**, за которым скрыта и одновременно открыта сущностная сторона души его автора.

Выходит к читателю с поэтическим и прозаическим словом, оригинальными версиями переводов, критикой, мемуарами...

«Воскресенский проспект» представляет человека ищущего.

Вам, уважаемый читатель, выпуск, на страницах которого импульсы сомнения, постижения истины, понимания ближнего, любви к единственному звучат искренне и светло.

Альманах создавался долго и сложно: из сотен представленных и просмотренных рукописей были отобраны лишь немногие.

Альманах заряжен духовной, поэтической энергией Нового Города на Воскресенском проспекте.

Итак, он начал свою жизнь и будет искать своего читателя. И мы надеемся, что вы откроете его и дочитаете до конца, а конец — это будущее начало.

В добный путь!

Леонид Лавров,
начальник управления по делам культуры мэрии г. Череповца,
кандидат филологических наук

Поэзия

ПОШЕХОНОВ Александр Алексеевич родился 23 января 1956 года в деревне Доронино Череповецкого района. Живет и работает в Череповце. Поэт, член Союза писателей России, автор поэтических книг «Мне не будет покоя» и «Причастность».

Александр Пошехонов

СТРАННИК

Очарованный странник
По белому свету идет.
Очарованный странник
Веселую песню поет.
Вы не смеяйтесь над ним
И над песней его, господа,
Он из прошлого века
Забрёл ненароком сюда.

Очарованный странник
Шагает в штиблетах простых,
Путь его бесконечен,
И сам он в лучах золотых.
Очарован и странен!
Идёт, приминая бурьян.
Утомила дорога,
А вы говорите, что пьян.

Очарованный странник –
Кудрей неразвеянный дым!
Он пришёл молодым
И уйдёт за холмы молодым.
Через век, может быть,
Завернёт ненароком сюда...
Вы не смеяйтесь над ним
И над песней его, господа.

ВЕСЁЛАЯ И МОЛОДАЯ

Колдует ночь, стихи рождая...
Из тлена, из небытия
Весёлая и молодая
Ко мне приходит жизнь моя.

Без назидания, без драмы
Легко со мною говорит
И по квартире, как по храму,
Небесным ангелом парит.

В порыве жарких откровений
Дарует губ хмельной елей:
«Мой ласковый,
 мой грешный гений!..»
И я, как мальчик, верю ей.

К ЖЕНЩИНЕ

Не выразить словом
Высокие чувства,
Грехом и любовью
Лучится душа...

Божественный плод
Неземного искусства,
Ты так недоступна
И так хороша!

Тебя лишь, тебя лишь
Безумно желая,
Шепчу, в сладких муках
Сгорая дотла:

«Не страшен мне ад,
И не надо мне рая —
Ты их развенчала,
Ты их обрекла!»

ПОСОХ

Полюбил тишину и покой
С васильками в лазоревых росах,
Научился держать под рукой
Отшлифованный временем посох.

В этом посохе чудо-магнит
Заключён. Силой доброй и странной
Он меня спозаранок манит
И влечёт за седые курганы.

Сколько тропок и разных дорог
Пролегло без греха и навета!
Сколько путников —

в срок и не в срок —
Затерялось, загинуло где-то.

Но во все времена и века
Будут путникам Божьей наградой
Поле русское, лес и река —
Три вершины душевного лада!

МОТИВЫ ОСЕНИ

Мотивы осени печальны —
Как будто скрипка за углом
Рыдает горько о былом,
Поёт о чём-то изначальном.

И безысходно, и смурно
Ей вторит дождь, ей вторит ветер,
Как будто всё на белом свете
Давным-давно предрешено...

* * *

Мне в нашу осень не влюбиться,
По-юношески, сгоряча!
Как поминальная свеча,
Она высвечивает лица

Былых вздыхателей своих,
Своих любовников потешных —
Поэтов и хмельных и грешных.
Уж всех и не припомнить их!

Мне осень видится вдовой,
С печатью страшного проклятья:
Тот, кто попал в её объятья,
Всегда рискует головой.

И нет ответа, почему
Такое с нами происходит,
Но смерть любовника находит,
Креста не избежать ему.

Год, два — и вот уж воронье
Над ним раскаркалось коварно...
Ах, осень!

Я люблю её
Несуетно и благодарно.

ОСЕННИЙ ЛИСТ

Ольховый день уныл и мглист.
Октябрь. Лихое время года.
Я лист. Всего лишь желтый лист,
Гонимый в осень непогодой.

Во мне ещё живёт тепло
Большого дерева, и всё же,
Что было, то, увы, прошло,
И неизвестный мне прохожий
Башмак заносит надо мной...

Одной надеждой ободряюсь:
В грязи постылой и родной
Среди собратьев затеряюсь!

СНЕГИРИ*Виктору Лапшину*

Синь небесная после метели.
 Снегири в феврале прилетели
 В понизинный, простуженный край.
 Вот расселись — круглы, красногруды.
 Что им наши хворобы-простуды?!
 Словно яблоки — знай, собирай!

Снег не тронут ни ветром, ни следом.
 Поле спит, перелесок неведом:
 Что там деется в белой глухи?
 Не гадай, не томись, спину грея,
 А вставай-ка на лыжи скорее —
 В сказку зимнюю сам поспеши!

Убежав от житейского плена,
 Там, у самого сердца Вселенной
 Загляни за предел бытовой:
 Видишь, видишь, меж веток мелькает,
 Слышишь, слышишь, тебя окликает
 Вестник истины — птах зоревой!

10.02.99 г.

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГОПАД

Последний снег, как первый снег,
 И мягок и пушист,

Исход зимы под снегопад
 Волнует и бодрит.

Природа — что ни говори —
 Великий пейзажист,
 И лишь она с моей душой
 О вечном говорит.

Последний снег, как первый снег, —
 Простор для мудреца:
 Ищи конец, рисуй свой круг
 Земного бытия!

Но вот пейзаж передо мной —
 Без края и конца.
 Гляжу, любуюсь, и чиста,
 Как снег, душа моя!

НОЧЬ

Благословенные берёзы
 Мерцают призраками сна.
 Ночь индевеет от мороза.
 И — тишина!

Ни скрипа, ни возни, ни маты,
 Лишь бред незыблемых теней.
 Уснула Русь, грешна и свята.
 Бог — с ней!

БАЛЛАДА О ЖИЗНИ*Сергею Дмитриеву*

Я смою пыль дорог с усталого лица,
 Я смою пыль дорог, как повседневный грим.
 Пространства не обятья. Дорогам нет конца.
 Повсюду чудеса. Но где он, третий Рим?

Всё суeta сует, и в этой суете
 Я был не раз пленён земною красотой.
 Куда же я спешил? Наверное, к мечте,
 Которая всегда останется мечтой.

В лихие времена брал клятвы на крови,
 Но птицы не спугнул, но зверя не убил.
 И если говорить серьёзно о любви:
 О, как же я любил, о, как же я любил!

Теперь не сосчитать изношенных сапог,
 Теперь не пожелать себе судьбы иной.
 Чего же я искал? Коль веру, — видит Бог,
 Она была со мной, она была со мной.

К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина

ЭХО

Бутафорские хлопушки,
Злая удаль, чёрный хмель...
Александр Сергеич Пушкин,
Продолжается дуэль.

Русь – великая прореха,
Не заштопать, не стянуть...
Мне дуэли этой эхо
Не даёт в ночи заснуть.

Коль герои не отпеты,
В душах – морок,
в мыслях – мгла,
Продолжается вендетта
Узаконенного зла.

Но поёт струною звонкой
Ваша светлая душа,
И художник кистью тонкой
Мир врачует не спеша!

ХЛЕБОВ Вячеслав Михайлович родился 20.01.1939 в Шекснинском районе Вологодской области. Член Союза писателей России, автор книг басен «Собрание ослов», «Союз злодеев», «Ликующие сорняки», «Волчья мораль».

Вячеслав Хлебов

СВАЛОЧНИК

Юнец тяготел к одному:
К обилию шумных гулянок.
И жизнь рисовалась ему
В наличии слуг и служанок.
Заманчивым видел свой век,
Грешил ради денег, не каясь,
Всевышнего напрочь отверг,
К тельцу золотому склоняясь.
Всю молодость залил вином,
Подвергся преступной закалке,
Освоил тюрьму, а потом
Сражался за место на свалке.

ТРИУМФАЛЬНЫЙ ВОР

Чиновник делал капитал,
Блаженствуя у госказны.
Был осторожен, но попал
Со степенью большой вины.
Возникли многие тома.
Все говорили:
– Вор попался!

К нему готовилась тюрьма,
И суд в итоге состоялся.
Но основную роль тогда
Сыграла сила ассигнаций.
И вышел жулик из суда
Сияющим, под гром оваций.

*Когда судейство продается,
Ворам вольготнее живется.*

ТРАГИЧЕСКИЙ ИСХОД

Пристала боль к пенсионеру,
Мешала двигаться и спать.
И он, храня в лекарства веру,
Решил здоровье подлатать.

И свято веря в перемены,
Взял тонкобокий кошелек.
В аптеке посмотрел на цены
И долго говорить не мог.
Позднее, дав свободу злобе,
Он разрядил себя сполна.
А в этот миг в его утробе
Боль заявила: «Я сильна».
Он не спешил в иное царство,
И чтоб не маяться нутром,
Потратил деньги на лекарство,
Но умер с голоду потом.

ЗАБОТА О ПОТОМСТВЕ

В завалах теплого чулана,
Среди бесчисленных щелей,
Отец и мать, два таракана,
Имели множество детей.
Они наследников жалели,
И каждый ими был согрет.
Когда детишки повзрослили,
Настал волнующий момент.
В народ пошел один из деток.
Отец сказал:

— Не осрамись!

А мать твердила напоследок:
— Людей, сынуля, берегись!
Жилищ хороших много в мире,
Но человек не друг, а враг.
Старайся жить в такой квартире,
В которой вечный кавардак.
Давно известно: где неряха,
Там Таракан не знает страха.

МЕДОВОЕ ДЕЛО

У Думы дел невпроворот —
В стране давно неразбериха.
Она законов новых ждет.
Народ устал от бед и лиха.
Но там кому-то мысль пришла,
Что пчел закон не защищает.
Хотя известно, что пчела
Одни свои законы знает.
Идеей думцев окрылило,
Как рой, парламент загудел.

А в этот миг страну катило,
Круша устой, в беспредел.
Решая бурно судьбы пчел,
Парламент долго был на взводе.
С великой страстью споры вел,
Но думал он не о народе.

Народ давно устал от шума,
Который исторгает Дума.

КОСОЛАПЫЙ БАРД

Медведь гитару приобрел,
Сказав хвастливо:
— Буду бардом!
Он видел славы ореол,
И цель была, казалось, рядом.
Топтыгин изучал гитару,
Когтями струны шевелил,
Грозился дать на сцене жару,
Себя и свой талант хвалил.
Но не раскрыв ее секрета,
Запиховал большой хвастун.
Остались вместо инструмента
Обломки и обрывки струн.

А Звери весело твердят:

— Не вышел из Медведя бард.

ЦАРЬ И СЫН

Передавая царство сыну,
Отец дряхлеющий сказал:
— Я скоро, видимо, остыну,
А ты держи борьбы накал.
Гони завистливых и лживых
И дальше всех вперед смотри,
Распознавай врагов незримых,
Что губят царство изнутри.

Сын заявил:

— Обман не страшен.
Лукавить будут — отучу!..

Отец ответил:

— Ты отважен,
Но я одно сказать хочу:
За счет обмана и коварства
В руины превращались царства.

КЛЁСТ И СОЛОВЕЙ

Соловья увидев, Клёст
Молвил другу страшно:
— Вижу я: деревни рост
Выглядят контрастно.
Видишь близ особняков
Три невзрачных хаты?
А видок у них таков —
Словно в землю вмяты.
И владельцы тех домов
Будто жертвы кары.
Рядом много теремов,

А у них — хибary.
Не пойму... Убогость сплошь,
Нет ни в чем порядка...

Соловей пропел:

— Поймешь!

Здесь близка разгадка.
Жизнь у них проходит, друг,
Кое-как да лишь бы,
Оттого у всех пьянчуг
С перекосом избы.

Кто без меры пьет спиртное,
У того жилье плохое.

Воробьев Игорь Константинович родился в 1931 году, живет и работает в Череповце. Автор поэтических сборников «Песнь любви» и «Передо мной опять твои черты».

Игорь Воробьев

* * *

— Люблю! —

Однажды я сказал.

И ты

Ответила мне:

— Поздно... —

И заглянула ночь в глаза

Равниной снежной,

Блеском звездным.

Холодный блеск ночных светил

Был и задумчив,

И печален.

И я печали посвятил

Всю юность,

Резвую вначале.

Но молодость брала свое.

И я сказал:

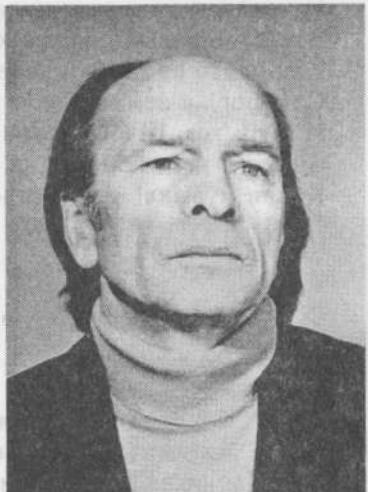
— Довольно! Будет! —

И чашу жизни

До краев

Наполнил

Тяготами будней.

И, честолюбие храня,
Теперь я в них

Ищу успеха...

И долетает до меня

Иной раз:

— Поздно... — словно эхо.

* * *

Не всегда рассветы радости приносят,
Не всегда закаты грудь мою печалят.
Почему же сердце ничего не просит,
Отчего же взору безразличны дали?

Иль отпела песни молодость былая?
И возврата нет ей,
 как всему на свете, —
Не вернуться снегу, что весной растаял,
Не собраться листвам,
 что развеял ветер.

МУЗЫКА БЕТХОВЕНА

...И было небо в стрелах молний,
И гром округу сотрясал,
И моря вспененные волны
Летели на громады скал.
Но вот среди и гроз, и бури
Уж звук иной. Он рос и рос, —
Красивей солнечной лазури,
Сильнее хаоса и гроз.
И превращался звук чудесный
В многоголосый дивный хор, —
Как будто из глубин небесных
Сам Бог на землю кинул взор.
И бури нет. Щебечут птицы,
Сияют в небе облака...
Какая музыка! — Молиться
Тянулись сердце и рука.

НА ШЕКСНЕ

Смотрю на ширь большой реки,
Ее спокойное теченье.
Ну что ж, и это увлеченье
Спасает душу от тоски.
И вот уж вековечный путь
Воды, в давно возникшем русле,
Во мне звучит: запели гусли,
Чтоб память в прошлое вернуть.
Веками бодрствует земля!
Забыть ли ей кортеж тот царский:
Здесь плыли Минин и Пожарский
В Москву, чтоб встать у стен Кремля.
Какой полей прибрежных вид!
Шексы теченье раздельно!
Плынут герои! Меч и щит.
И разве подвиг их забыт? —
Их ждут
 в Москве первопрестольной!
Смотрю... Горжусь!
 И все же грусть
Кольнет и отзовется болью:
Как часто твой покой и — волю
Спасать приходится,
 о Русь!

БОРИСОВ Владимир Сергеевич родился 14 апреля 1955 года в с. Ферапонтово, поэт и прозаик. Стихи и рассказы выходили в периодических изданиях, коллективных сборниках. Трагически погиб 2 июля 1992 г. Посмертно издана книга стихов и рассказов «Трешина».

Владимир Борисов

* * *

Опять хулиганить зовет соловей,
Задорит шальным перебором.
Опять я на несколько майских ночей
Лазутчиком стану и вором.

И снова отец твой, кидая с крыльца
Охапки черемухи белой,
Ворчать будет:
 — Ну, я найду молодца,
Которому нечего делать!

Но нет, не найдет он. Ведь даже и ты
Не можешь понять, кто чудачит,
И говоришь, прижимая цветы:
«Наверно, дурак, не иначе».

* * *

Хорошо, что осень,
Хорошо, что дождь,
Даже узкой просини
В небе не найдешь.

Сгинули желания,
И светла печаль.
В пору увяданий
Ничего не жаль.
Все, что было — не было,
Видно далеко.
Жду я снега белого
Просто и легко.

* * *

Отгорает осень над Россией.
Осыпает лес свою красу.
И крыла раскинув в выси синей,
Птицы грусть над Севером несут.
В этом тихом золоте прощальном
Заблудиться я не побоюсь.
Как светла и как она печальна
Осенью — таинственная Русь!

ЗЛАТОУСТОВ Владимир Дмитриевич, родился в 1940 г., работает в Череповецком государственном университете. Автор трех сборников стихов.

Владимир Златоустов

* * *

Ни того, что будет...
Ни того, что было...
Словно
Прovalился
в ледяную щель...
Знаю, не полюбит...
Знаю, разлюбила...
Возле мавзолея
Голубая ель.

* * *

Все живет в нашем северном kraе:
И добро, и печаль, и нужда...
Лишь Любовь, по Вселенной гуляя,
Не заходит сюда никогда.

* * *

Я построю белый дом.
Всё в нём будет белым.
Белой будет мебель в нем,
Потолок и стены.

В белых окнах белый свет.
И на землю белый
Упадет нежданно снег,
Медленный, несмешной.

Пусть смеются все кругом
Над моей затеей, —
В белом платье в белый дом
Приходи скорее!

Без тебя мой дом дожди
Перекрасят в серый.
Что же буду я один
В сером доме делать?..

Говорят, что однажды случилось —
Как-то раз, когда липа цвела,
К нам Любовь забрела — заблудилась.
Но озябла, и скоро ушла.

С той поры она к нам не бывала.
Может, прежней тропы не найдет...
Ты сегодня при встрече сказала:
— Посмотри-ка, как липа цветет!

НОЧЬ В «МЕЖДУГОРОДНЕЙ» НА СТАНЦИИ «Х»

Составы бесстрастно проносятся мимо...
Пространство не лечит...

В душевную рану
Вливаются голос до боли желанной
Далекий, немного усталый, любимый.
Бросаю монеты в карман автомата.
Пространство гудками
ответствует сонно:

— В составе Судьбы
опустели вагоны,
Никто никогда
не вернется обратно.

Пустое Пространство...
Ни взгляда, ни встречи...
Но вот... будто рядом —
Мираж телефонный...
Пространство не лечит.
И время не лечит...
Пустое Пространство...
Пустые вагоны...
— Не лечит, не лечит, —
несутся вагоны.

Не лечит, не лечит,
никто не вернется...
За все воздается нам
рано иль поздно...
Пространство...
И Время...
А что остается?..

ПОСОХ ИОАННА (фрагмент поэмы)

В монастыре уже дремали.
Звонарь, умаявшись, хралел,
Когда в ворота застучали.
— Кто на ночь глядя?
 Кто приспел?
Что за охальники такие?..
Да прекратите тарарам!
— Эй, открывай!
 Отцы святые,
Иван Васильич в гости к вам.
Сейчас подъедут!
— Прочь засовы!
— Звонарь, скорее марш наверх!..

Тут не отделаешься словом, —
Сам Грозный?.. Шутка?..

— Ах, ты, грех! —
Из-за Василия... С допросом?
Куда теперь? —
 Епископ стар —
Огни... Набат... — аки пожар... —
В руке дрожит священный посох.
— Нет, неспроста примчался Грозный!
Но кто донес? Кто повестил?
А, впрочем, все одно уж...
 Поздно...

Он дверцу в келью отворил.
Вошел Иван. За ним — Скуратов.
— Ну, сознавайся, старый пес,
Куда ты Странника запрятал?!

— Напрасно, царь, —
 Пустой донос.
Суди меня, как хочешь круто.
Здесь не найти тебе Его.
— А ну, тряхни его, Малюта!

— Царь, старец, кажется, того...
Сомлел.
— А ну, подай-ка палку.
Красна...

Да нет же, не подох —
Вон — ежится.

Все, все расскажет.
Прижи-ка бороду ему...
Красна... красна, себе возьму.
— Царь, посох сей
 тебя накажет.
Он в злых руках не может быть,
Его для блага сотворили...
— Ну, скажешь, где теперь Василий?
Скажи. Как прежде будешь жить...
— Все, царь!

Старик не скажет боле
Ни слова о грехах своих.
— Ну, что же, все в Господней воле.
Пораспрошайте остальных,
Да принеси-ка нашу чару —
Знобит чего-то, не пойму...
Что пес болтал про Божью чару?
А впрочем... Погох я возьму...
Устал я.
 И опять все снова...

* * *

Загадка русских городов,
Где твой исток, первооснова? —
Виденья чьих тревожных снов
Здесь пересматриваем снова?
И почему
во сне порой
Нас лихорадит крик набата
И мы невольно
рвемся в бой,
Уже законченный когда-то?

И глядя вниз с высоких стен
Сквозь озаренные бойницы,
Мы видим плеск чужих знамен
И различаем вражьи лица?

Я снова вдумываюсь в жизнь. —
Русь, где и в чем твои изъяны? —
Хазары...
орды Бату-хана...
Летят, от русской крови пьяны,
По городам моей души.

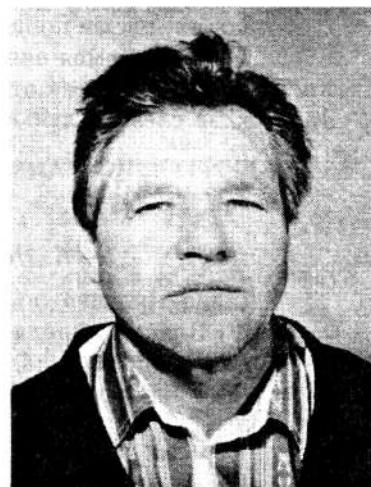
КУЗНЕЦОВ Николай Алексеевич родился в д. Васютино Костромской области.

Живет и работает в Череповце, произведения публиковались в периодике, коллективных сборниках поэзии. Выпустил три книги стихов: «Нежное имя твое», «Звенящий дождь», «Необитаемый остров любви».

Николай Кузнецов

* * *

В небесах аэроплан,
Огоньки горят.
А у нас с тобой роман —
Люди говорят.
Два плюс три равно пяти,
Знаю назубок...
Ты катись ко мне, кати,
Счастья колобок!
А в подъезде:
«Я плюс ты», —
Прямо в глаз, не в бровь,
Две крикливые черты
Говорят: «Любовь!»
Я от истины такой
Ошалел совсем...
Повстречаюся с тобой
Нынче ровно в семь.

БЛАГОРОДНЫЙ ВОЛК

Нашему волку ягненка не съесть:
Есть у бедняги и совесть, и честь.
Знает он, что у ягненка
Есть еще брат и сестренка,
А у обоих к тому же
Тетя есть добрая с мужем,
Также есть папа и мама,
Жизнь без ягненка им — драма!
Рыщет по лесу голодный
Волк, но зато благородный!

* * *

Когда в природе тени зыбки,
 И волки воют на луну,
 Прости за все мои ошибки,
 За смех, за слезы и весну.
 Прости за краткие свиданья
 В пустых покоях между дел.
 И за неловкие признания,
 В которых я не преуспел.
 Прости за веточки сирени,
 Которые тебе дарил,
 За синь, за зыбистые тени,
 За ветхость стареньких перил,
 За громкое сердцебиение
 В тиши задумчивых ночей,
 За мрак, за музыку, за пенье,
 Печаль задумчивых свечей.
 Прости, хотя к чему прощенья,
 Когда мы расстаемся вновь,
 Когда прощенье — как отмщение
 За смех, за слезы и любовь..

* * *

A. Пошехонову

Давно проживаешь
 Без Власа и Фрола
 И в городе вянешь,
 Как дикая флора.

И помнится вьюжье,
 И — бабка Марина,
 Деревня Заюжье, —
 Овины, малина.
 Всё кануло в Лету,
 Пропало куда-то...
 Но стал ты поэтом
 С мечтой крылатой!
 И стал ты поэтом
 Событий и флоры...
 Давно только нету
 Ни Власа, ни Фрола.

* * *

В общежитие наше мужское
 Каждый вечер, тиха и грустна
 (Мы смеялись: «Чудо морское»),
 Приходила старушка одна.
 Нам она эскимо продавала,
 Долго шаркала по этажу,
 То и дело протяжно кричала:
 — Ухожу, у-хо-жу, у — хо — жу!
 Так она зазывала ребяток:
 — Мол, чуток я еще погожу!
 Покупайте, последний десяток!
 Ухожу, у-хо-жу, у — хо — жу!
 В жизни, полной тревог и загадок,
 Нынче я одиноко твержу:
 — Покупайте, последний десяток!
 Ухожу, у-хо-жу, у — хо — жу!

СОЗИН Сергей Аркадьевич, родился 18 августа 1955 года в Череповце, служил в вооруженных силах, автор поэтического сборника «Талица», стихи публиковались в периодике и журналах «Свеча», «Наш современник» и др.

Сергей Созин

ПРОСТИ НАС, ГОСПОДИ, ПРОСТИ...

Прости нас, Господи, прости.
Тебе нас, грешных, не спасти...
 От подлости!
И нас куда ни поведешь,
Ты с нами счастья не найдешь...
 Мы в пропасти!
Прости нас, Господи, прости:
У нас святые не в чести...
 А в нечисти!
Молитвы можешь не читать:
Нас все равно не удержать...
 От глупости!
Не надо мест для нас в раю:
Все разменяли по рублю...
 От жадности!
Хоть нет невинных на Руси,
Прости нас, Господи, прости...
 Из щедрости!

* * *

Уже не бьют фонтаны в парке.
Да... времена уже не те:
Старухи ползают по свалке.
Их внучки скачут в варьете...

* * *

Картошки у нас немеряно!
И водки у нас полно!
В общем, живем уверенно!
В общем, скользим... в дермо...

ПЬЯНАЯ ЭЛЕКТРИЧКА

Еду в пьяной электричке:
Мусор в окна, под откос,
Пьянь загнала в тамбур птичку,
Пьянь целуется взасос.

Жмется к стенке обыватель,
Прикрывает дочку мать.
Три «качка», мат в перемате,
Просят «милостыню» дать...

Разудальные, лихие
Мчатся в вечность поезда...
Шумно, весело Россия
Улетает в никуда...

ПАЛАЧ

Указательный палец... Сухая мозоль...
И детский надрывный плач.
Ты помнишь затылки добитых тобой?
Зачем ты живешь, палач?

Малиновый ромбик, окольышек в цвет...
И этот звериный вой...
Что было в их взглядах, седеющий дед?
Безвинно убитых... тобой!

Телами несчастных на русской земле
 «Удобрив» леса и поля,
 Ты внукам-то что говоришь о себе,
 Затылочки их теребя?

Завидуют братья: ни ссадин, ни ран...
 Война — не медовый калач.
 Гордится тобою страна, «ветеран»!
 Тебе б застрелиться... Палач!..

И я усну в свой час печальный
 В любимой северной земле...
 Ну, а пока снежок хрустальный
 Скрипит на утренней заре.
 Друзья бокалом не обносят.
 Пылает милое лицо.
 И под гармонь еще выносят
 Хмельные ноги на крыльцо.

* * *

Тридцать три... Уже возраст Христа,
 А меня и распять-то не за что!
 Позади лишь одна суета
 И сплошное невежество...

* * *

Над Вологодскою землею
 Плынут седые облака.
 Под монастырскою стеною
 Заснули прошлые века.

У ТАЛИЦЫ

Я у речки Талицы,
 Тридцать лет спустя,
 Постою на мостице,
 О былом грустя.

Вот на этом плотике
 Полоскала мать.
 Пузырьки на дождике
 Я мечтал поймать.

Многое теряется...
 Дом снесен давно.
 В речке отражается
 Прошлое одно...

ПЕТУХОВ Андрей Юрьевич родился 20 февраля 1964 года в Череповце, океанолог, в настоящее время живет и работает в г. Пушкине. Автор трех книг стихов — «Особый материк», «В непогоду», «Рассказ героя», — вышедших в Санкт-Петербурге в 1997-98 гг. Член Союза писателей России.

Андрей Петухов

ВЕК

Десятый десяток двадцатому веку.
 Суровый учитель, глубокий старик
 Пророчит чужую судьбу Человеку,
 Считая, что суть Человека постиг.

Ну что же, гляди испытующим оком,
 Плоды прорицанья, копи мятежи...
 Душа так добротно сработана Богом,
 Что нет в ней лазейки для лжи.

* * *

Воды реки и мостки на воде,
 Берег пологий, поросший осокой,
 Поле над ним — борозда к борозде,
 В сердце моем стали песней высокой.
 Грязнет ли гром над свинцовой водой,
 Скосит ли кто луговую осоку,
 Хлынет ли в поле бурьян чередой,
 Сердце ль пробьется
 к последнему сроку:

Надо мне жить ради отчей земли,
Кней прикасаться с великой любовью,
Знаю: за волю в душе и в крови
Предками щедро заплачено кровью.

* * *

Не обвесит рыночный сквальга,
Так облает уличный наглец.
Не обманет форменный барыга,
Так ограбит фирменный делец.

Вправду ли мой город стал пропащим?
Проданы ли «западу» мозги?
В поисках души глаза таращим.
В царстве Хама не видать ни эги.

* * *

День отшумел. Сгорели облака.
Букеты роз погасли на обоях.
Бессвязный сон, как быстрая река,
Увлек меня под небо голубое.

Куда? Зачем?

К чему он — мир другой?
Чего ищу? Каким пророкам внемлю?
Иду во сне, на ощупь, под ногой
Давным-давно не ощущая землю.

Прости, прощай!

Мир, чуждый чудесам,
Прошенья нет
твоим страстям и странам.
Мой путь земной —
стремленье к небесам,
Куда нельзя телам и чемоданам.

РОДИНА

Любви сближающая сила
Влечет меня в родную глушь.
Жива Небесная Россия.
Как много и ней прозревших душ!

В kraю, не знающем корысти,
Придет и мой черед прозреть.
Я жить хочу светло и чисто,
Легко и просто встретить смерть.

* * *

В дивном мире, похожем на шар,
Ничего не бывает случайным.
Ножевой в подворотне удар
И звучанье мелодий венчальных
Напророчил нам взбалмошный грай
Бестолковых вороньих кочевий.
И проносятся с края на край
Неустроенной жизни качели.
И хотя верховодят в судьбе
Неземных мудрецов предрешенья,
Я уверен, что воля к борьбе
В мире этом имеет значение.

ДОМ

Мой дом в краю стариином
Теплом любви согрет.
И клином журавлиным
На нем сошелся свет.
В душевное ненастье
Встречает отчий кров
Надеждою на счастье
И верою в любовь.

1313843

КРУГЛОВ Сергей Федорович - автор поэтических книг «Вечности причал», «Время утрат», «Ранняя красота». Живет и работает в Череповце.

Сергей Круглов

* * *

Поле... Оно, как доля,
В поле ее искать,
Словно почувяв волю,
Просто коня поймать...
Знает один ретивый:
Быть иль не быть счастливым...
Даже в моторный век
Жизнь - от нужды побег.

* * *

«Жена за лоцмана встречает,
А на столе - вино и торт...»
И Бело-Озеро тебя качает...
Оно - твои надежда и оплот...
Стихи - непотопляемый твой плот,
Стихи - незамерзающий твой порт,
А это уж венец для Волго-Балта,
Согретого дыханием таланта
Беляева...

* * *

Я притаился в роще. И молчу,
Но вот раскаты грома все сильнее.
Глядишь, над миром властвует смелее
Царь-молния, подобная мечу.
А рощица притихла... Лишь порой
Она благовонийно замирает,
Когда ее от пыли избавляет
Кудесник-дождь...

* * *

Сказал Христос: «Живите, словно дети»,
Я есть дитя, но дети ли - соседи?..

* * *

Я в ожидании августа
Выйду опять за околицу,
Свету небесному радуясь,
Радуясь милому голосу...
Словно осколки от радуги,
Падают в травы нешуточные
Звезды, как спелые яблоки,
Может быть, самые вкусные.
В самое доброе верится,
Худшее все перемелется...
Будет смеяться любимая,
Скажет однажды:
— Люби меня!

СИДОРЕНКО Александр Михайлович родился в 1957 г. в г. Ейске Краснодарского края, преподаватель русского языка и литературы, живет и работает в Череповце.

Александр Сидоренко

ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ

Уже минуты сочтены:
Скорей, прохожий — прочь!
Стекает с мраморной Луны
Вальпургиева ночь.

Скорей! Скорей! Туда, где ждет
Дрожащий свет лампад.
Собаки жмутся у ворот.
Скулят, скулят, скулят.

Качнулся звук. Холодный свет
По крышам пробежал.
Мелькнул косматый силуэт.
И скрылся, и пропал.

И вот за ним, визжа, урча,
Седой роняя пух,
Идут, костяшками стуча,
Три тысячи старух.

Они визжат, они орут:
«Еда! Еда! Еда!»
Младенца нежного несут
Туда, туда, туда!

Тихонько лапой посучил
И встал издохший кот.
Со свежих холмиков могил
Сочится красный пот.

И где так бережно цвели
Нарцисс и филорет,
Полезли руки из земли,
Хватая лунный свет.

А там — у мира на виду —
Распахивая плащ,
Кричит им: «Жду! —
зовет их: Жду!»
Их гений и палач.

Они спешат, сметая прочь
Траву, кусты, туман.
Храни в Вальпургиеву ночь
Меня, мой талисман!

Но что-то рвется из груди,
Как вор в чужом дому,
Толкает, требует: «Иди
К нему! К нему! К нему!»

И я шепчу:
«Не с ним... не с ним...»
Толкая стены прочь.
Храни меня... храни меня...
Вальпургиева ночь.

* * *

Я помню — смутная тревога
Мешала дню венчаться сном.
Мы тихо спорили о боге,
Как о прадедушке своем.

И вдруг сквозь бархат полумрака,
Не оскорблённого лучом,
Сказала тихо ты: «Однако,
Мы все когда-нибудь умрем.

Мы все умрем, умрем... поверьте.
И, право, кто в том виноват...»
Но робко плыл
твой грустный взгляд
Ко мне в надежде на бессмертье.

ВЕЧЕР ИМЕН

Лимонные блики спустились на стекла,
И в доме заброшенном, доме старинном
Туманно качнулись холодные окна
Давно безголосых и пыльных гостиных.

Как будто от сна встрепенулась струна,
Шаги у тяжелых дверей замирают.
И медленно входят в подъезд имена,
И медленно
шляпы в прихожей снимают.

И ищут, хозяевам руки пожав,
Знакомые лица, знакомые моды.
И словно в смятенье их тени дрожат,
Когда они старых имен не находят.

И снова беседы: «О, вы безупречны!»
«Ну, что вы. Ну, что вы».
«Да нет, в самом деле».

«Позвольте поздравить —
вы молоды вечно».
«А вас вспоминают —
вы так постарели».

Но вот зажигаются длинные свечи,
Но вот прекращаются тихие речи.
И вот уж сменяется вальс менюэтом,
Поэт седовласый — безусым поэтом.

И через минуту луна заиграла
На вензелях хитрых старинных бокалов,
И в тихую песню слились не случайно
Эпох отгоревших земные печали.

И властвуют снова старинные даты,
Обряды венчальные, траурный звон.
И тени свечей, отгоревших когда-то,
Незримо струятся по лицам имен.

ДЕВОЧКА С СОБАКОЙ

Что бы ни случилось, ни происходило —
Девочка с собакой в скверике бродила.
Выюга ли кружилась, солнце ли рождалось,
Лето ль на осколки листьев разлеталось;
Сердце ли болело, царство ли пыпало —
Девочка с собакой медленно гуляла.
...Сквер от снега белый — школьная тетрадка.
И из темных окон тянутся украдкой,
Словно из темницы, словно из осады,
К девочке с собакой взгляды, взгляды, взгляды.

ПРОЩАНИЕ

Неси меня, Ветер, путями небесными,
Над синими безднами, черными безднами.
И пусть никогда, никогда не воскресну я
Для мира бессонного, мира железного.

Для мира железного умер навечно я.
Огни городов подо мной бесконечные
Бегут, угасают. Созвездия встречные
Спешат красотою своею увлечь меня.

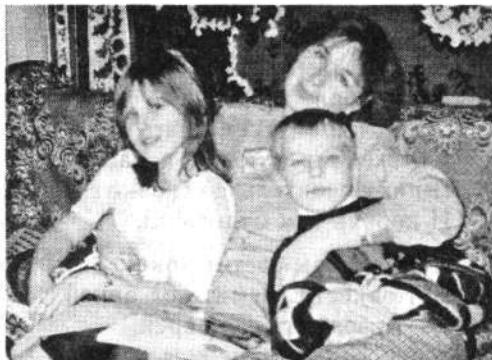
Неси меня, ветер, путями воздушными —
И люди, и звезды — все это так скучно мне.
Пусть только одни сновиденья послушные
Ласкают, и нежат, и радуют душу мне.

Любимая, только теперь понимаю я:
 Пусть дивные сны бесконечными стаями
 С тобой нас уносят, чтоб вместе растаяли
 В их плоти бесплотной и вечными стали мы.

К тебе прилечу я не соколом – вороном,
 В ладонь положу я жемчужину черную,
 И вместе поделим мы вечность просторную,
 Во сне растворяясь, поровну, поровну.

КОСТРИКО Евгения Эдуардовна родилась в 1966 г. в Свердловске (ныне Екатеринбург), закончила МГУ, живет и работает в Череповце. Некоторые стихи публиковались в городской периодике.

Евгения Кострико

ЧАША ГРААЛЯ

По преданию – это чаша, в которую апостолы собрали кровь из раны Христа, нанесенную ему на кресте копьем легионера. Потом она таинственным образом исчезла. Рыцари короля Артура мечтали вернуть миру эту чашу, но получили предсказание, что завладеть ей сможет только самый чистый душой из них. Ему было знамение: на пиру рыцарей Круглого стола он увидел светящуюся чашу и копье, тогда как все остальные ничего не видели.

Скрип полозьев несущихся вихрем саней
 Или посвист кнута, что терзает коней,
 Или капает в чашу кровь из раны Христа,
 Или сердца стук чаственный, а вокруг темнота...

Месяц – лодкой хрустальнойю в бездне небес.
 Кто же это незваным из небытъя воскрес?
 Как корабль, затонув, погружаюсь во тьму.
 Груз, заполнивший трюмы, не снести одному.

Только чистый душой видит свет средь теней.
 Вдаль уходит просёлок непрожитых дней...
 Сохраню ль в чистоте своей жизни свечу,
 Пока семь пар сапог по просёлку стопчу?

Назовем полутьмой то, что был – полусвет.
 Это было зимой, было целых шесть лет.
 Шесть голов отsekли – и, последней лишён,
 Умирая, забился сраженный дракон.

Черной крови драконьей в глазах темнота.
 Как теперь разгляджу я чашу с кровью Христа?
 Нет! Не верю! Не верю — было МНЕ суждено
 К заколдованный чаше прикоснуться давно.

Но маячат в тумане чужие огни...
 Боже мой! От безумья меня сохрани!
 Неужели свой жребий разменяла на медь
 И священную чашу не смогла разглядеть?

Холод. Волны тумана, качая, несут,
 И холодные губы касаются губ.
 Может, я б одолела мрак бездны ночной,
 Если б светоч Грааля остался со мной...

РОМАНТИЧЕСКОЕ

Знайте, дамы, кавалеры —
 Нынче бал у королевы,
 Съезд карет к семи часам.
 Кто желает — можно в масках,
 В них пленительнее глазки.
 И король там будет сам.
 Канделябры светят ярко,
 Вот оркестр гремит под аркой,
 Веет свежесть из дверей.
 Грудь открыта, нежны плечи,
 Комplименты, шутки, речи
 И перчатки до локтей.

В романтических мечтаньях
 Ходят нежные созданья,
 Локон треплет ветерок.
 С замирающим дыханием
 Назначает им свиданья
 Кавалеров шумный рой.

Вот письмо в одно мгновенье,
 Под вуалью скрыв волненье,
 Дама прячет за корсаж.
 Пышноцветье георгинов —
 Украшенье шляпы синей.
 Вот подали экипаж.

С видом страсти и отваги
 На эфес фамильной шпаги
 Гордо положив ладонь,
 Посреди огромной залы
 На танцующие пары
 Смотрит молодой барон.

Платья краешек маркизы
 Неожиданным сюрпризом

Служит нежному пажу.
 А она, слегка скучая,
 Чувств пажа не замечая,
 Манит графа сквозь толпу.

Недоступна и прелестна,
 Легкой поступью принцесса
 В зал со свитою вошла.
 Говорит с улыбкой нежной,
 С взором томным и мягким,
 В такт ей машут веера.

В их веселья шумном плене
 Забываешь, что лишь тени
 Дней минувших пред тобой.
 Что вернуться невозможно
 В век их пестрый, шумный, ложный,
 В век прошедший, в век чужой.

И опять ты, как и прежде,
 Вслед им всё глядишь в надежде,
 Что удастся хоть на миг
 Вдруг взлететь над крышей буден,
 Что и ты там с ними будешь —
 Храбр, влюблен и родовит.

* * *

Ещё цвету, но в сердце осень...
 Лишь хрупкой нежности вино
 Согреет сердце.... Но давно,
 Бесплодно длится ожиданье.
 Чай разговор или молчанье
 Развеет сердца тишину?
 Кто ищет лишь меня одну?
 Повисли в воздухе вопросы...

* * *

Мои дни бесконечны, как солнечный свет,
 Что летит между звездами тысячи лет.
 Я иду, не касаясь ногами земли,
 Защищенная облаком Вечной любви.

Я здесь и сейчас, и я там и всегда.
 Что важно для «Здесь» — то «Там» ерунда.
 Шагну во «Всегда», меж мгновений скользя,
 Стараясь запомнить дорогу назад.

«Здесь» у нас светит солнце — «Там» в небе луна,
 И цикадами дышит в горах тишина.
 Этот мир — как горошина в сердце души,
 Тот — краями уходит в просторы вершин.

«Здесь» я тряпкою тру надоевший паркет,
 «Там» — рисую на небе хвостами комет,
 Там легко счастья миг безгранично продлить.
 Только там — во «Всегда» — и могу я любить.

1999

БУШЕНЕВ Николай Тимофеевич родился 3 ноября 1946 года в п. Поперечное Брянской области, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Гуманитарного института ЧГУ. Произведения публиковались в периодике, коллективных сборниках. Автор двух поэтических книг: «Полчаса на нежность» и «Созвучия по случаю».

Николай Бушенев

* * *

Вдоль крыльца — в порыве ветровом —
 Тополиный лист несется, скомкан.
 Гонится котенок за листком.
 Думает он, глупый, — за мышонком...

Мне смешно. И грустно мне чуть-чуть.
 Золотое розовое детство...
 Жаль: меня не может обмануть
 Осенни чарующее действие.

1989

* * *

От восторженности хмелею.
 Увлекающая, прости,
 Что удерживать не умею
 Счастье, тающее в горсти.

Наша встреча мгновенье длилась...
 Я ль не ласковый, нежный зверь?
 Ты растаяла, испарилась.
 Ах, Снежинка, ты где теперь?..

1993

МИМОЗЫ

В морозный вечер нес тебе цветы.
 Спешил к тебе. И вовсе не от скуки.
 Букетик скромный... Символ красоты,
 Весны, надежды и, увы, разлуки...

Глухих обид уже огромен счет.
 Все меньше верю в счастье год от года.
 И лишь коварной прелестью влечет
 Загадочная женская природа...

Пусть порвала ты
 встреч — нежданных — нить,
 Даря не мне — кому-то! — свет весенний,
 Я все могу понять и объяснить,
 Но ты права — не надо объяснений.

1981

* * *

Наш дворик листвой занесен.
 И к тихому старому дому
 Не тропкой иду — изумлен,
 Иду по ковру золотому.

Ах, осень, царица, постой!
 О славе я разве забочусь?
 За что мне, помилуй, за что
 Такая великая почесть?!

1977

* * *

Он все о Ней...
 О невесте?
 О кассе?..
 Нет, об Отчизне!
 Но цель одна — обесчестить.
 А цель другая — обчистить...

1999

* * *

Захотелось — праздно...
 Догадались — поздно.
 Получилось грязно.
 Загремело грозно.

Ожидали: знойно.
 Оказалось: вьюжно.
 Отчего нестройно?
 Оттого — недружно...

Кто-то там у корта.
 А кого-то — в битву.
 Для кого-то подло.
 Для того, кто быдло.

У кого-то виллы.
 Для кого-то — грабли.
 Хилый я, немилый —
 Никого не граблю.

Козыри ли в руки? —
 Сладкие ли враки?
 Облегчая муки,
 Расцветают маки...

Если было криво,
 Будем делать косо...
 Если будет пиво,
 Будут ли вопросы?!

1996

ЯКУНОВ Александр Вячеславович родился в 1973 г. в Череповце, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка и общего языкознания Гуманитарного института ЧГУ.

Александр Якунов

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Стерся след на горизонте
Грозной тучи дождевой.
Вот и все. Под мышку зонтик.
И легко идти домой.

Пыли нет. И пуха тоже.
И у неба на виду
Я – единственный прохожий –
Мокрой улицей иду.

Отражают небо лужи –
Обойду, махну прыжком!..
Что за вымысел досужий
Ваша жизнь под потолком?!

ВОРОБЕЙ

Мой дом не бывает пуст:
Вот присел на карниз воробей –
Задорный, смешной карапуз,
Врачеватель моих скорбей.

Серый, пушистый ком,
Собиратель вселенских крох...
А на улице снег с дождем –
Поздней осени тяжкий вздох.

Водит клювиком вверх и вниз
И, не зная, что я в тепле,
Мне кивает: «Ну что раскис!
Мало ль зернышек на земле?!

* * *

Поэзия рождается на вдохе.
На выдохе она уже – волна.
Сметая нас, как суетные крохи,
На волю вырывается она.

И мы – опустошенные, немые,
Беспомощные, точно острова, –
Следим, как пробужденная стихия
Смыает изреченные слова.

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Ночь – продолжение
дня сумасшедшего.
Что ж: по заслугам и честь!
Не хлопочи для нежданно пришедшего
Гостя – пусть будет, что есть.

Не заскучаешь и сном не забудешься
Под прихотливый рассказ
О временах миновавших и будущих
И наступивших сейчас.

Плоть обретает, что любо и дорого,
В слове неспешном его:
То, что скрывалось от друга и ворога
И от себя самого.

Беды и горести перелопачены,
Вынесен из дома сор –
Как черновик, переписанный начисто,
Этот ночной разговор.

А завершит гостевание чинное
Крепкий заутренний чай.
Что ж, расставайся
с ночных морщинами,
Новых гостей привечай.

КАТЫШЕВА Марина Семеновна, студентка II курса ЧГУ, произведения публиковались в городской периодике.

M. Катышева

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

Я люблю тебя, как любит
Птица, пойманная в сети:
Даже если больно будет,
Ты — желанней всех на свете!
Я люблю тебя, как любит
Зверь лесной, попавший в яму:
Пусть вокруг смеются люди —
Я любить не перестану.
Я люблю тебя, как любит
Рыба на песке у моря...
Пусть Судьба сама рассудит:
Счастье это или горе.

ЧИСТОЕ ЧУДО

Однажды ты, серьезно заболев,
Лежал, снаружи запертыи в палате...
...На корточки присели у кровати
Орел и Вол и Огнегривый Лев.
Орел вздохнул и молвил не спеша:
— Мы за тобой пришли из Ниоткуда..
— Вставай скорей!

Ты будешь Чистым Чудом, —
Закончил Вол, ресницами шурша.
А Лев покорно спину подставлял,
Помахивал хвостом, оскалясь мило...
...Сквозь стены,
сквозь огромный светлый Зал
Загадочная троица спешила.
Тебя оставив около Дверей,
Умчались, как охваченные зудом,
А на прощанье крикнули: «Скорей!
Иди туда! Ты будешь Чистым Чудом».

* * *

Огромных рыб рисую на песке:
Три линии и точка вместо глаза...
...И письмена какие-то от сглаза,
И семь фигур на шахматной доске.

Двух кошек, не дающих ночью спать,
И дворника, ругающего кошек...
Застрявших в паутине глупых мошек,
Пустую и холодную кровать.
Большой пирог с единственной свечой.
Гостей, что не пришли
на День Рожденья...
Еще пишу одно стихотворенье...
...И все это смывается волной.

СОБАЧЬЕ НАСТРОЕНИЕ

День уронил веснушки
Прямо на дно асфальта...
Круглые печеньшки
С точечками из мака
Я раздаю бездомным,
Вечно крутящим сальто
Своим языком огромным
Жалостливым собакам.

* * *

День растянулся коричневой таксой,
Нюхая пальцы случайных прохожих.
Он не приехал.

Становишься плаксой.
Губы соленые нервно скучожиши.

Небо, как шкура щенка-далматина,
Заулыбалось, хвостом завиляло,
Руки протянутые покусало...
И убежало...

* * *

Черная лапа...
— Здравствуйте, Пудель!
— Я вам не пудель.
Я — МЕФИСТОФЕЛЬ.

ЖМАЙЛО Татьяна Владимировна, выпускник Литературного института им. А. М. Горького, поэт, произведения публиковались в республиканской и региональной периодике, автор поэтических книг, участник коллективных сборников. Живет и работает в Череповце.

Татьяна Жмайло

Тихому звону лета —
июньская благодать.
Вдоль по дороге к Храму
бабка бредет с клюкой.
От моего окошка
до неба рукой подать,
а от порога до Бога —
ой, как далеко!
Терпкому запаху яблок —
июльская тишина,
чтобы услышать весомость
гнущего ветку плода.
Там, за зеленым садом —
Храмовая стена,
здесь, под моим окошком,
густо растет лебеда.
Бабке с лицом ребенка —
августовский венок,
ветер роняет звезды —
вдоль серебра седина.
Там, на дороге к Храму,
путник не одинок.
Здесь, за порогом дома,
я, словно перст, одна.
И не услышать слова,
взгляда не увидать.
Даже когда в потемках
ярко горят огни,

даже когда ты рядом,
так что рукой подать.
Даже когда мы рядом —
мы все равно одни.

Октябрь 1994 г.

Не запираю двери,
но согреваю печи,
ибо друзья приходят
души отогревать.
Враги не заходят — ибо
здесь поживиться нечем:
не погулять на поминках,
на свадьбе не горевать...
Не запираю окна,
в окна влетают птицы,
тянет весенним ветром,
мартовским калачом.

Друг мой,
тебе печально?
Друг мой,
тебе не спится?
Возле натопленной печи
сидем к плечу плечом.
Можно без слов,
а можно
так, ни о чем,
как пудру,
сыпать слова на ветер
с вечера до зари.
Важно
то,
что мы рядом,
то,
что наступит утро,
то,
что трещат поленья,
то,
что огонь горит...

Осень 1994 г.

* * *

В последних числах января
и первых числах февраля
он вспоминал о тех морях,
которые теперь поля,
он вспоминал о тех горах,
которые распались в прах
и стали тучною землей
в оврагах и глубоких рвах.
Он вспоминал о той луне,
которая была — огонь.
А не маячила в окне,
поскольку не было окон.
О космосе, который был
похож на дикого коня.
... еще о том, что он любил
одну меня, одну меня.

Январь 1996 г.

* * *

Я не люблю полутона —
предательство размытых граней.
Когда за плоскостью окна
весь мир теряется в тумане,

когда земля и небо врозь,
но все же, кажется, едины.
Когда не в крике сорвалось,
прошелестело: «Сгину, сгину...»
Рукой неспешно, чуть дыша,
отдерну тканевую завесу.
И в теле съежится душа,
как в почке лиственная завязь.

Февраль 1991 г.

* * *

Сентябрем потемнела вода,
Черный ветер то плакал, то ахал.
Мне хотелось отплыть в никуда,
любопытство мешая со страхом.
Прахом листьев, сгоревших в костре, —
легким пеплом осыпаны руки.
Я люблю уходить в сентябре.
Я обучена этой науке.

Сентябрь 1990 г.

* * *

Легокрылый ангел утренний
не поет.
Он вдоль тела крылья уронил —
слезы льет,
он ресницы долу опустил —
нет лица.
Легокрылый ангел загрустил
без отца.

Январь 1992 г.

* * *

Когда свеча чуть теплится в окне,
без солнца души сирых обогреты,
когда в канкане легкой оперетты
смешной Петрушка

Гамлета сильней —
не простота, что хуже воровства,
но простота — сродни иным талантам.
И, может быть, весомей
речи Канта

Ван-гоговская

сущность естества.

20 января 1996 г.

ПОРА

Мне нравится слово «пора». Не поздно еще и не рано, а в пору грубеет кора и листьев ладони багряны. Мне нравится слово «пора». Не рано уже и не поздно, рассыплются по небу звезды и будут гореть до утра. Пора для любви и разлук... Пора для костра стать золою... «Пора» — как натянутый лук с готовой сорваться стрелою.

1985 г.

* * *

Вдоль засохших букетов
стеною стоит тишина,
или вдоль тишины
задыхаются словом букеты.
На могиле поэта
мы выпьем по стопке вина,

бросим горстку зерна
для скворцов
на могилу поэта.
И вдоль века пройдем
от начальных камней до песка,
что заплавится временем
в серые мудрые камни.
И отживший свое,
отлетевший,
коснется виска
бледный лист,
добавляя созвучье
к мифической гамме
торопливо звучащих шагов,
равнодушных цветов,
и несказанных слов —
не из тех, что звучали в избытке.
По песчинке, по стеблю,
по зернышку или по нитке
собираем теперь урожай
сожженных листов.

Январь 1993 г.

ШИРОГЛАЗОВ Андрей, 33 года. Родился в Сибири, окончил Иркутский государственный университет. После переезда в 1987 г. в Череповец пополнил отряд череповецких журналистов. Работал корреспондентом, редактором, ответственным секретарем, в настоящее время — редактор газеты «Вестник ФМК». Лауреат многих фестивалей авторской песни, в том числе — международного фестиваля памяти Валерия Грушина. Автор двух поэтических сборников — «На краю земли» и «Как долго не кончается игра».

Андрей Широглазов

МУЗЫКА

Музыка...
Язык богов
в переводе для скрипки с оркестром.
Запах первого снега
в тональности си минор.

Оратория неба.
Симфония звезд.
Сюита черной луны.
Музыка...
Универсальный растворитель быта
с сиюминутной гарантией качества.

«Красный квадрат» Малевича,
свернутый в саксофон.
Море, поющее в раковине
свою извечную песню.
Музыка...
Страдивари, глядящий во тьму
неизбежного Завтра.
Бах, протирающий органные клавиши
бархатной тряпкой.
И тишина,
что живет в глубине
дирижерского пульта.
Музыка...

ТЕНИ

(попытка рецензии на приезд
в Череповец столичного балета)

Я притушил горящие глаза
внезапною вторичностью столичной
и сквозь туман безличности ресничной
я стал смотреть на затемненный зал.
О, этот зал, который заказал
вершину театрального ранжира,
надменностю подобный пассажирам,
 входящим по билетам на вокзал!

Он погружен в спасительную тьму.
И по партеру — тени, тени, тени...
И с креслами сливаются колени,
не доставаясь взору моему.

И вдруг — слеза шальная, а за ней
весь мир вступил в таинственные кущи,
и тени все расплывчатей, все гуще,
все дальше, нереальней и черней.

И я подумал с грустью: если вдруг
с балкона хлынет теневыводитель,
останемся лишь я, да осветитель —
мой старый друг, а зрители вокруг

исчезнут. И столичные танцоры
исчезнут. И столичный режиссер
исчезнет, потому что с давних пор —
он худший враг изящной Терпсихоры
и кончит жизнь тапером кабака...
Я незаметно выскользнул из зала,
пока меня вконец не доконала
дрянная фонограмма «Спартака».

И вышел в ночь. К созвездию ларьков.
К чужому равнодушью и везенью.
К планете, где я был всего лишь тенью
в бессмысленных глазницах земляков.

* * *

Пока я к жизни примерялся,
пока вынашивал мечту —
набрать такую высоту,
чтоб к ней никто не подобрался, —
я незаметно потерялся
в литературе и в быту.

Пока я с книгами носился
и скромно звал себя «лийт»,
я растерял свой внешний вид
и как-то весь поизносился.
А на Парнасе воцарился
какой-то скверный индивид.

Он так уверенно и ловко
на мой уселся табурет,
что я сперва подумал: «Бред!»,
потом: «Вот это подготовка!».
А после выпил поллитровку
и в кому впал на пару лет.

В ней было весело порою,
порою грустно — как когда...
Я жил, как все. Но вот беда —
обидно стало мне, не скрою,
всю жизнь слоняться под горою,
кидая под ноги года.

И я очнулся и побрылся.
Поджег мосты. Развеял дым.
Но шестикрылый Серафим
на пепелище не явился.
Тогда я Богу помолился
и вышел, славою томим.

И вот — иду...

ИСКУССТВО

1

Работал живописец не за страх —
за совесть. И к утру явил картину:
зеленый гриф в оранжевых горах
читает Солженицына раввину.

И на обратной стороне холста
поставил год, число, инициалы.
Подумал и добавил: «Жизнь пуста,
когда вокруг оранжевые скалы».
Потом исправил надпись на холсте:
«Апофеоз космического пьянства».
Опять исправил: «Сага о Христе
(еврей за полчаса до христианства)».

2

Поэту надлежало быть к восьми.
А он пришел в двенадцать. И с порога
сказал хозяйке дома: «Черт возьми!
Я задержался, кажется, немного.
Всему виной мой маленький закон
(он, согласитесь, говорит о многом):
я выношу будильник на балкон,
когда я разговариваю с Богом».
Хозяин угостил его вином.
Хозяйка назвала его желанным.
А он с восьми маячил под окном,
чтоб быть чуть-чуть загадочным
и странным...

3

Давно, когда страна плясала твист
и был броваст ее руководитель,
попал один заслуженный артист
в услужливый районный вытрезвитель.
Он принял душ, проспался, и чуть свет
себя пивком «Российским» удостоил.
А после — через много-много лет —
он написал «Заметки о «застое».
В них был накал, в них был ХХ съезд,
подъезд, где он клеймил поэму Блока,
донос, потом, естественно, — арест
непонятого массами Пророка...

АВАНГАРД

Я не любитель авангарда.
Тем более, что авангард —
не дом поэта, а мансарда,
где обитает пьяный бард.
Он неспокоен в этой клети —
она нелепа и тесна.
И виден мир в превратном свете
из запыленного окна.

ВЫСТАВКА

«Ленин в Польше», «Ленин в шалаше».
«Ленин у Финляндского вокзала».
«Ленин за минуту до отвала
на ВКПбэшном шабаше».
«Ленин в бане с веником в руке».
«Ленин выступает на «барыге».
«Ленин дарит сталинские книги
грузчикам в портовом кабаке».
«Ленин, примеряющий шиньюн».
«Ленин покупает сигареты».
«Ленин и российские поэты
послеперестроечных времен».
«Ленин, выбивающий палас».
«Ленин, наблюдающий цунами».
«Ленин с нами», «Ленин возле нас».
«Ленин позади и перед нами».

НА РУБЕЖЕ...

Черный вечер. Белый снег.
Фонари. Аптека.
Позади — ХХ век —
сирий век-калеа.
Он в отчаяньи своем
(оттого, что краток)
грозно целил костылем
мне промеж лопаток.
Я шепчу себе: «Не трусь.
Он прошел. Он сгинул».
Бру. По-прежнему боюсь.
Жду удара в спину...

* * *

Стирая события и лица,
как ластиком, тропкой лесной,
я шел, и болотная птица
рыдала вдали надо мной.
Летела в лицо паутина,
и брюки мои на ходу
хлестала лесная малина —
любимая ягода сына
еще в позапрошлом году.
Я очень хотел заблудиться,
по жизни пройти стороной,
стирая события и лица,
как ластиком, тропкой лесной.

Но если идти наудачу,
судьбе предоставив маршрут,
то вечно выходишь на дачу,
на эту дурацкую дачу,
чужую, холодную дачу,
где ценят лишь каторжный труд...

ОДИН ДОМА-2

Один. Дома. Два.
Полтретьего. Чай. Глазунья.
И вдруг... какая-то тварь –
незданная, как Везувий.
Негаданно так вошла,
бутылку, как портупею,
сжимая, чтобы дотла
разрушить мою Помпею.

Сидим. Выпиваем. Три.
Беседа: рыбалка, дамы...
А с улицы – блеск витрин
и злые огни рекламы:
«Летайте «Боингом» в Рим!»
Да чтоб он сгорел – не жалко!

Четыре. Сидим. Говорим:
дамы, вино, рыбалка...
Мало. Я – за гонца.
Он спонсор. Ему до фени,
что ночью из Череповца
тучи воруют тени.
Страшно. Темно. Ларек –
как обитаемый остров.
«Два «белого» и сырок».
«С вас – пятьдесят девяносто»

Полпятого. Снова пьем,
все больше и больше тупея.
Качнулся и вздрогнул дом.
Прощай, родная Помпея!
Твой непутевый сын
уходит в пары алкоголя,
как пленный солдат-грузин
под знамена Де Голля.
Мне уже не помочь.
Не поминай меня всуе.
Я ухожу в эту ночь –
огромную, как Везувий...

ЗИМА В ДЕРЕВНЕ

Снег скрипит за окном. Мои двери рассохлись от старости
и скрипят в унисон с рыхлым снегом. И этот дуэт
мне напомнил о том, что помимо тоски и усталости
в этой сирой деревне есть почта и сельский Совет.

Надеваю тулуп и подшитые дедовы валенки,
опускаю конверт в самодельный холщовый карман,
и на почту иду, поклонясь сельсоветской завалинке,
где степенные тетки слагают житейский роман

о добре и о зле, о гулянках с гармонью и песнями,
о беспутных мужьях, что забыли и совесть и стыд...
И совсем мимоходом о том, что «и нонича пенсии,
знать, не будет – ты глянь-ко: кассирша на нас не глядит».

Эх, российская жизнь! Вся-то ты не впритык, да ухабами!
Все-то «мэры» твои, «президенты» и прочая шваль,
оседлав «мерседесы», воюют с усталыми бабами,
добавляя тоску в без того вековую печаль...

Я иду по деревне, обляянный шумною сворою
одичавших собак, на которых уже и не злюсь.
Я иду сквозь свою одряхлевшую, битую, хворую,
и по-прежнему очень любимую зимнюю Русь.

А на почте — обед. Как же я позабыл расписание?
 Вот ведь — «с часу до трех». А еще без пятнадцати два.
 Ну куда тебя деть — мое глупое злое послание,
 где убористым почерком — глупые злые слова?

А, была — не была! Улетает конверт за околицу,
 камень падает с сердца на чистый декабрьский снег.
 Надоело молить, выяснять, разбираться и ссориться —
 не такой уж я склонный и злой на земле человек...

Возвращаюсь домой. Вновь киваю заснеженным теткам,
 вновь рассохшейся дверью привычно на входе скриплю.
 И гляжу на огонь в настроении тихом и кротком,
 понимая в душе, что я вряд ли тебя разлюблю...

* * *

Тупею.

Медленно, не торопясь.
 С чувством, с толком, с расстановкой.
 Примериваю портупею,
 и в кухне, на табуретку садясь,
 представляю себя с винтовкой.

Забываю,
 что когда-то был признан своим двором
 единственным специалистом
 по икебане.
 И по вечерам старательно разбиваю
 кегли тяжелым шаром
 в занюханном кегельбане.

Стараюсь
 быть в курсе семейных драм
 и деталей рыбного лова.
 Старательно обтираюсь
 холодной водой по утрам
 по системе Порфирия Иванова.
 Высоты,
 которых хотел достичь,
 не видны из окон родных Пенатов...
 Теперь перед каждым концом работы
 я произношу поэтический спич
 о пользе перетягивания канатов.

При этом
 я замечательно лажу с людьми,
 и общаясь с собственным сыном,
 говорю ему: «Можно не быть поэтом,
 черт возьми,

но когда-то ведь нужно
 стать гражданином!»

И даже
 мой пепельно-серый кот
 питает ко мне особое уваженье
 за то, что в продаже
 есть хек, закованный в лед,
 а я — специалист по его обнаружению.

Наверно,
 мне достался не самый удачный век
 для просто жить и потачивать лясы,
 потому что порой
 мне бывает ужасно скверно,
 как человеку,

потерявшему товарный чек
 у самого окошечка кассы.

Но это
 всего лишь минутная блажь
 и томление духа на почве былого.
 И вот уже закуривается сигарета,
 и вологодский пейзаж
 убивает готовое вырваться слово,
 и придуманной жизни
 смешной антураж
 воцаряется снова...

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Я в осень ушел, проклиная Наталью,
 отрезав любые пути возвращенья...
 Мое отражение из Зазеркалья
 порхнуло за мной демонической тенью.

Я брел сквозь сентябрь —
равнодушный и жаркий —
слепой от отчаянья и унижения.
Мое отражение зрячей овчаркой
меня уводило в мое отражение.

Когда я очнулся — уже было поздно:
все левое вдруг поменялось на правое.
Мое отражение хмурилось грозно,
являя меня за зеркальной оправою..

А рядом Наталья просила прощения.
Надменная, гордая, злая Наталья
просила прощения у отражения,
не видя меня в глубине Зазеркалья...

ГЕРАНЬ

Задумчивость цветочного горшка
во мне всегда будила чувство мести
к хозяйке той квартиры. И пока
мы были почему-то с нею вместе
и коротали наши вечера
бессмысленной ходьбой по полю браны,
мне так хотелось росчерком пера
увековечить ненависть к герани.
Стереть ее глаголом в порошок,
сослать навеки в сумрак коридора...
Но тот цветочный глиняный горшок
не стал причиной нашего раздора.
Вернее, стал, но этого она
не поняла в припадке глупой злости...

Стоял апрель, и мерзкая весна
трепала нервы и ломала кости.
А мир упорно шел в Тьмутаракань.
И я решил свернуть, покуда мною
не завладела пошлая герань
на пару с переменчивой весною...

И пусть сменял вершок на корешок
и не блещу ни славой, ни богатством,
я часто вспоминаю со злорадством
тот идиотский глиняный горшок.
Он пятый год взирает со стола
на пыльный мир чужой Тьмутаракани.
И женщина, которая спала
со мной, давно устала от герани.
И дни горшка, конечно, сочтены:
он канет в бездне мусоропровода

в какой-нибудь бездарный день весны
унылого и суэтного года...

ВАЛЬКИРИЯ И ВАЛЕРИЯ

С. Алексееву

Обкусанных губ перемирие
на фронте обкусанных губ.

Психованных рук кавалерия
замедлила яростный бег.

— Куда ты летишь, Валькирия?
— На зов неведомых труб.
— О чем ты грустишь, Валерия?
— О том, что не выпал снег.

— А что тебе снег, Валерия?
Он бел и похож на пух.

— А что тебе труб, Валькирия,
неясный январский зов?

— Люблю я зимы мистерию
и снежных колючих мух.

— Устала в твоей квартире я
от звука чужих голосов.

— Я буду молчать, Валькирия,
ты только не уходи.

— Я буду лепить, Валерия,
снежки из своих седин.

— Прощай. Песчаная Сирия
лежит у тебя в груди.

— Прости, но больше не верю я
в клятвы, мой господин.

ГРАНИЦА

Как перелетная синица,
что с юго-запада стремится
попасть на северо-восток,
я нелегально пересек
нас разделившую границу.
Границу-сны, границу-лица,
границу-происки судьбы...
И пограничные столбы
оставив за своей спиной,
я погрузился в мир иной,
где по-другому пахнут дети,
где по утрам о сигарете
никто не думает, где мной
пренебрегают на рассвете,

боюсь нарушить чудный сон
внезапной встречей трех персон...

Я воровато шел вперед
сквозь незнакомый мне народ,
и, извиняясь за вторжение,
чужие видел выраженья
недоуменных лиц. И вот
среди безумного круженья
мелькнул знакомый силуэт.

Неужто это я? Ах, нет...

Костюмчик — не бывает проще.

А то, на что костюм надет —
не тело, а святые мосхи...

Я был таким смешным и тощим,
когда мне было 20 лет,
и мой студенческий билет
давал мне право прокатиться
за полтарида до столицы...

Я изменился. Стерли годы
с лица следы былой свободы,
и некогда мятежный дух
среди житейских заварух
затух. И вечные приходы
мои домой в районе двух
с очередной хмельной гулянки
весьма сказались на осанке.
Я стал другим. Иным. Статичным.
И в этом мире заграничном
я попытался отыскать
себя такого. И опять
столкнулся с тем — категоричным,
несущим на челе печать
таланта делать все иначе,

страдать, метаться и решать
неразрешимые задачи.

Он на меня взглянул в упор
и предложил мне «Беломор».

Я равнодушно отказался,
а он радушно засмеялся.
И вновь исчез. И вновь возник
среди развала старых книг.
И я внезапно испугался
того, что где-то мой двойник
пронзен насекомой вязальной спицей
на пятьдесят седьмой странице
твоих сомнений. И помочь
ему уже нельзя. Как птица
я в страхе устремился прочь —
назад к спасительной границе...

В моем мирке стояла ночь.
Как пугало на огороде.
Ее бессмысленный оскал
все вещи делал в среднем роде.
И лишь будильник на комоде
заботливо напоминал
о том, что все течет в природе.
Я тихо сел на край тахты,
где в этот миг царила ты.
Во сне глубоком и тревожном
ты грезила о невозможном
и вновь кидала на весы
мои минуты и часы.
И я окликнул осторожно
из-за нейтральной полосы
тебя по имени. Но эхо
вернуло мне осколки смеха...

Памяти Леонида Беляева

На фото - Леонид Беляев, 1990 г.

Леонид Беляев

* * *

Выходит в море пароход,
Выходит в море.
Привычно думает народ
О разном вздоре:
Валюта, ужин... Боже мой!
Уже качает,
А след мерцает за кормой,
Наш путь венчает.
Завинчивается вода
И пузырится,
Потом отстанет навсегда
И усмирится.
И я и все, как этот след:
Дни скоротечны.
А берегам износа нет,
А волны вечны.

* * *

Сугробов сивые чубы,
Контрастно черные деревья,
Четыре сереньких избы –
«Неперспективная» деревня.

На улице трескун-мороз,
Напали ветры продувные.
Старик, с утра кляня склероз,
Портянки ищет шерстяные.
Не больно хочется шагать
В сельмаг в такую заваруху.
Ну как в сердцах не обругать,
Хоть нет причин, свою старуху:
Танцует около шестка
Румяная, как молодуха.
Понапустила из горшка
На всю избу мясного духа.
Щи хороши, да хлеба нет,
А это – первая потреба...
За три версты плется дед,
Чтобы купить буханку хлеба.

НА МЕСТЕ ДЕРЕВНИ

Опустела земля, опустела —
Будто вынули душу из тела.
Почему? Не находят ответ
Всем ушедшими глядящие вслед
Две сосны.

По привычке сорока
Залетела сюда издалека,
Новостей накопила, видать.
Только некому их передать.
Шапку снега надвинув глубоко,
Пригорюнясь, стоит одиноко,
На высокий зайдя бережок,
Позабытого сена стожок.

* * *

Древний видится вал,
Брежу озером Белым:
Месяц там не бывал —
Годом кажется целым.
Чтоб совсем не заchaх,
Мне хоть изредка надо
Согреваться в лучах
Материнского взгляда,
Под сиянием звезд
Побродить по бульвару
Между лип и берез
С легкой грустью на пару.
Я приеду опять
В тихий час листвопада.
Буду яблоки рвать
Из отцовского сада
И ловить пескарей
В нашем старом канале.
Лишь бы только скорей
Эти дни наставали.
Здесь я сын, а не гость,
Я не за день, не за год
Пропитался насквозь
Соком северных ягод.

ВЕЧЕРНИЙ РАЗГОВОР

— В доме нашем топи хоть нет:
Мох-то весь уж иструх в пазах.
Дому добрая сотня лет,
Весь осел на глазах.

Если плотников нанимать —
Чем расплатимся с ними мы?
Кто нам эстолько даст взаймы?
Как ты думаешь, мать?
— Хорошо бы наш дом продать,
А купить небольшой другой.
На двоих-то куда такой.
Было бы — благодать!
— Да, другой бы, поменьше, — рай.
Больно наш-то здоров.
Кто поедет в такой сарай? —
Не напасешься дров.
Надо что-то предпринимать.
Как ты думаешь, мать?..

* * *

Тополя роняют пух.
Белоснежных, невесомых
Ветерок гоняет сонный
Крупных мух.
Тополя роняют пух.
Он лежит, скопляясь в лужах
Белой вязью легких кружев,
Мягок, сух
Тополиный белый пух.
Шла девчонка вдоль вокзала,
Улыбнувшись, вдруг сказала
Ясно, вслух:
— Тополя роняют пух.

* * *

И пролились дожди грибные...
Да усидишь ли дома тут —
Ребята чуть ли не грудные —
И те с корзинками бегут.
Постели мигом опустели.
Мы тоже в лес пошли с отцом
И по дороге захрустели
Свежепросольным огурцом.
Проселками и большаками
В осинники, в березняки,
Наполненные грибниками,
Бегут, бегут грузовики.
Туда, в лесные коридоры,
Где свежий ветер меж вершин.
Кряхтят придавленно рессоры
У перегруженных машин.

Кругом ауканье и свисты,
Так, ни над чем, хоочут всласть
Весельчаки и пессимисты,
Осеним лесом надышась.
Последний гриб в корзину кину.
«Пошли домой!» — отца зову
И между веток паутину,
Как ленту финишную, рву.

* * *

Не касайся дна
Ты моей груди.
Холоднее льда,
Тяжелей свинца,
Не ломай, беда,
Моего отца.
Пожалей, волна,
Ты хоть мать мою,
Ждет меня она
В дорогом kraю.

Станция Тайбола,
Станция Кица.
Молодость там была.
Все еще снится,
Как мы шагали
С песней поротно
В кольские дали...
Бесповоротно
Годы умчали,
Молодость то есть.
Помню, как ждали
«Дембельный» поезд.
А подошел он
Грузно, устало —
Нехорошо так
На сердце стало.
Где вы, ребята,
Где вы, подруги
Из Ленинграда?
Из-под Калуги?
В дымке растаяли
Сопки и лица.
Станция Тайбола,
Станция Кица...

* * *

Открылась моря вспаханная нива,
Подняли чайки свой голодный гвалт.
Выходит в воды Финского залива
Постройки астраханской «Волго-Балт».
Земля родная в далях растворилась,
И Ханко, и Аландская гряда.
Мы в шведский порт вошли.
И повторилась
Знакомая мелодия труда.
Кружась среди разгрузочного шума,
Как исполнитель чьих-то тайных сил,
Выхватывая коршуном из трюма,
Добычу ковш на берег уносил...
И снова воды Финского залива,
С мостами разведенными Нева
И храмов белокаменные дива —
Как старины глубокой острова.
Куда б, дорога, нас ни позвала ты,
Нам возвращаться к Волге и Свири,
Нам заходить в онежские закаты,
А выплывать из ладожской зари...

* * *

Не топи, волна,
Усмирись в броске —
Пусть поспит жена
На моей руке.
Укроти свой бег,
Тяжела, горька,
Сиротой навек
Не оставь сынка.
Пощади, волна,
Под килём пройди,

СУХОЕ ДЕРЕВО

Сухое дерево торчит.
Живые рядом с ним.
Оно, конечно, портит вид
Присутствием своим.
В смущенье молит об одном,
Чтобы зима скорей
Сошла на землю белым сном:
Ведь безразлично ей,
Какое дерево стоит, —
Снежком присыплет их.
Тогда никто не отличит
Его среди живых.

ЛЕБЕДИ В ГОРОДЕ

Плавают в пруду спокойно лебеди
На виду, во всей своей красе,
Плавают, как будто вовсе нет беды
В десяти-то метрах от шоссе.
Даже и не верится, что дикие —
Очень уж похожи на ручных.
Прибежали ребяташки с гиканьем
В переменку поглядеть на них.
Ветер гонит лист осенней улочкой,
Невеселый ветер ноября.
Лебедей бабуся кормит булочкой,
Эта не придушит втихаря.
Молодой папаша смотрит ласково
И приподнимает малыша.
Тут совсем надежно: кто с коляской —
У того из нежности душа.
А вот этот, выдохнувший: «Надо же!»
В розовой дубленке, с перстенеком?
Или этот — с виду старец набожный,
Но глаза с болотным огоньком.
Вдруг уже змеятся мысли тайные
Над прудом, над парой лебедей?..
Плавают они, как испытание,
Как зачет на звание людей.

ПОСЫЛКА

Не зря вы удивились вдруг,
Сбежались в круг вы:
Друзья послали мне на юг
Посылку клюквы.
Причём с болотным мусорком —
Иголки, мшишки.
Такой не встретишь нипочем
Нигде на рынке.
Ну, угодили мне, ей-ей,
Попали в точку.
Увидел памятью своей
Я чудо-кочку:
На изумрудной ткани мха
Горят рубины.
Крадём их, не боясь греха,
Кладем в корзины...
Спасибо за лесной привет,
За эту сказку.
Я вам хурмы пришлю в ответ,
Бананов связку.

ПРЕДЗИМЬЕ

Замелькали первые снежинки —
Вот и осень кончилась уже.
Но кузнецкий пишущий машинки
Всё трещит на третьем этаже.
Всё поёт о лете да о лете
На одном дыханье заводном.
Видно, увлеченный, не заметил,
Что сменились краски за окном.
Время стылых луж, пора простуды.
Как в насмешку, чёрт их побери,
Веселы, круглы и красногруды
Вспыхнули на ветках снегири.

УВЛЕЧЕНИЕ

Чёрные точки на белом снегу —
Это сидят рыбаки у лунок.
Я у своей судьбу стерегу,
Может, какой-нибудь ёрш и клюнет.
Разные способы переберу:
И на блесну, и на мормышку.
Вглядываясь в ледяную нору
Будто кот, стерегущий мышку.
Холод забрался давно под пальто,
Щиплет лопатки, пятки щекочет.
Ни на какую приманку никто
Там, подо льдом, и смотреть не хочет.
Гаснет в безрыбье мой выходной,
Мелкий снежок засыпает лунку.
Эй, краснопёрый, хвати, родной,
Вытяни леску в тугую струнку!
Что тебе стоит, возьми и клюнь.
Вздрогнула жилка и стихла.
Словом,
Окунь сказал мне: «Товарищ, плюнь,
Не занимайся подледным ловом!»

* * *

Передо мной стена глухая.
Но знаю я: за той стеной
Цветы цветут, благоухая,
И светел дух берестяной.
Все замурованы проемы,
Крапивный лес и густ, и жгуч,
Заброшенные водоемы,
Ил, как расплавленный сургуч...

Но знаю я: там до рассвета
Уже светло от белых роз.
Что мне стена и яма эта? —
Не принимаю их всерьёз.
Пусть превращу одежду в тряпку,
Обратно выберусь не вдруг,
Но принесу цветов охапку
Для милых глаз, для милых рук.

У МОРЯ

На пляже все равны. Неважно,
Профессор ты или завгар.
Хвала ныряющим отважно,
В цене фигура и загар.
На месяц охладевши к делу,
От всех сует отгородясь,
Лежишь, по розовому телу
Лечебную размазав грязь,
И наблюдаешь, как старуха —
Видать, вода попала в ухо —
Все скачет на одной ноге,
Хоть ей по возрасту, не скрою,
Не стыдно старшею сестрою
Назваться бабушке Яге.
Дедок —
лежать бы дома с грелкой —
Нет, он «летающей тарелкой»
Решил внимание привлечь
Владелицы роскошных плеч
И вокруг нее резвится белкой.
Другой такой же старичок,
Подставив солнышку бочок,
Жука песочком присыпает
И с интересом наблюдает,
Как пробивается жучок.
У моря все впадают в детство —
Так пагубно его соседство.

МЕСТЬ

В день субботний дело это было:
Я стирал. Не вижу в том беды.
Как дельфин, выпрыгивало мыло
Из горячей пенистой воды.
— Ха, ха, ха!

Полощешь распащенки?! —
Мой сосед с порога вдруг заржал.
На него бы плещь насыпать пшенки —
Я бы петуха над ней держал.
Ничего ему я не ответил,
Затаился, выждал, проследил,
Как он тещу поцелуем встретил,
В магазин покорно уходил.
А когда принялся мыть посуду —
— Ха, ха, ха! — с порога я заржал.
Никогда, наверно, не забуду,
Как он губы горестно поджал,
Как промямлил тихо и смущенно
Что-то в оправдание свое...
Удовлетворенный, отомщенный,
Я пошел достирывать белье.

* * *

Я не берег свое здоровье —
Не по режиму ел и спал.
Случалось, молоко коровье
Другим напитком заменял.
Да с кем такое не бывает?
Что тот напиток и режим:
Снег, помню, не везде растает,
Уж мы купаемся, дрожим.
В душе такое жило что-то:
Промерзну до костей, хоть вой.
Без клюквы все же из болота
Меня не выгонишь домой.
И вот пришла пора по счету
Долги выплачивать сполна.
Какое там болото к черту
Теперь, когда скрипит спина.
Пошли хворобы полосою...
Пусть не щадят меня врачи,
Но ты хоть, старая с косою,
В мою калитку не стучи!
Оружье не ахти. А все же,
Когда услышишь этот стук,
Такой мороз пойдет по коже,
Что ложка выпадет из рук.
Еще десятка три — четыре
Хороших и веселых лет
Дай мне побегать в этом мире,
А там за всё один ответ.

* * *

Ты некрасива, неуклюжа,
Вовек себе не сышешь мужа.
Твои богатые наряды
Не привлекут чужие взгляды.
Твои зеленые глаза
Разъест соленая слеза...
Но если ты мне скажешь «да» —
Все вмиг изменится тогда.
Копировать твои наряды
Все жены мира будут рады.
Ослеплены твоей улыбкой,
Поражены фигурой гибкой,
Пойдут мужчины за тобой
Всё возрастающей толпой.
И я шагну, влюблен и тих,
На свет зелёных глаз твоих.

НА СВОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ (шуточное)

А мне пошел сороковой.
Для слуха ох как
непривычно:
Я не могу самокритично
Взглянуть на зрелый
возраст свой.
Но мне пошел сороковой.
И тут уж никуда
не деться:
Все ближе старость,
дальше детство.
Хоть падай в обморок,
хоть вой —
Уже идет сороковой.
Так почему же, почему же
Я, как пачан, бегу
по луже
От брызг веселых сам
не свой? —
Ведь мне идет сороковой!
И всех красавиц замечаю,
Им удивленно вслед качаю
Посеребренной головой,
Хоть мне пошел сороковой.
Справляюсь я с годов нагрузкой,
Так лучше выпью «Старорусской»,
Заем какой-нибудь травой...
Пускай идет сороковой.

Ласкать меня словечком «неудачник»
Тебе, гляжу, понравилось всерьез.
Согласен только в смысле,
что не дачник
И не владелец четырех колес.
Борьба идет на равных, чтоб ты знала.
Сегодня темной силы перевес:
Стихи вернули оптом из журнала,
В путевке отказали наотрез.
С любимым словом не спеши, однако,
Быть может, завтра повезет с утра:
Промчится мимо, не куснув, собака,
И наловлю сороги полведра.

САМОКРИТИЧНОЕ

Я за руку себя укушу —
Почему ничего не пишу?
Вот приятель — дистрофик на вид,
А усидчив и так плодовит,
Верен кличу: «Без строчки ни дня!»
«В день ни строчки!» — девиз у меня.
И доходы у нас по труду:
Он в кафе, я — в столовку иду.
Он пол-лета проводит в Крыму,
Ну а я в долговую тюрьму
Угодил бы давно наяву.
Хорошо, что в России живу.

* * *

Не под силу стали деду
Сучковатые дрова:
Тюкал, тюкал, а к обеду
Так устал, что жив едва.
Шей не надо, ставь-ко чаю
Да настойку с корешка.
Слыши, старуха, замечаю:
Ровно столб, гудит башка.
И в боку, похоже, шило,
Будто кто воткнул его.
Как добро вчера-то было —
Не болело ничего.
А назавтра в то же время
Разговор у них такой:
Слыши, старуха, прямо в темя
Словно кто стучит клюкой,

И плечо с утра заныло,
Будто стиснули его.
Как добро вчера-то было –
Не болело ничего.

* * *

Сидит старушка, головой качает,
Вся в прошлое свое погружена.
Ничто вокруг ее не огорчает,
Не радует – сторонняя она.
Но ум у ней на удивление ясен,
Ей дома доверяют быть одной.
Вот только внука Петю кличет Васей –
Так звали сына, взятого войной.

САШКА

Выгорели брови,
Облупился нос.
Братику моркови,
Яблочек принес.
Смех рассыпал в доме,
Брызнул синью глаз.
Прятаться в соломе
Побежал от нас.
Наигрался в прятки
И опять исчез:
Засверкали пятки
По тропинке в лес.
С песенкой, со свистом,
С яблоком в руке
Мчится в поле чистом,
Плещется в реке.
Славная водица,
Добрая купель.

На шкафу пылится
Новенький портфель.

* * *

Оттишайших рек и леса –
Неразумного раба –
В край бетона и железа
Увела меня судьба.
А нехудо бы, нехудо –
Вдруг найдет же стих такой –

Озера живое чудо
Тронуть дрогнувшей рукой.
Посидеть на берегу бы,
А потом взойти на вал,
Вспомнить, как девочонку в губы
Тут впервые целовал,
Как зимой с того же вала
Вниз летел – аж свист в ушах.
Замереть не успевала
Восхищенная душа.
И опять по славе Спасской
Поскорей туда, туда,
Где я был озерной сказкой
Околдован навсегда.
Плеск волны, песок прогретый,
Бечевник, гряда камней –
Милой родины приметы
Живы в памяти моей.
Речки Маэksa и Куность...
Выручай, автовокзал:
– Дайте мне билетик в юность!..
– ?..
– В юность, я же вам сказал.

СОН

Странный сон привиделся недавно,
Для моих годов забавный сон
И к тому же с подковыркой явной:
Будто я крылат и невесом,
Опускаюсь плавными кругами
С полудосягаемых высот.
А внизу меня уже ругают
И кричат: «Куда тебя несет?
Занято! Проваливай!»
И вицей
Машут – каждый на своем посту.
Так ведь и не дали приземлиться.
Неужели все еще расту?

ПО БЕЛОМУ ОЗЕРУ

Есть особая радость в этом –
Приезжать иногда домой.
Очень здорово, если летом,
И совсем неплохо зимой.
Наше озеро – чем не море?
По нему мне не раз и впредь

На стремительном «метеоре»
К дорогим берегам лететь.
Ах, кораблик – вот это штука! –
Жмет под семьдесят, с ветерком.
Едет бабка на свадьбу внука,
В мягких креслах сидим рядком.
Не заметили за разговором
(Как дорога-то стала мала) –
Засияли за Липиным Бором
Белозерские купола.
Что мне Ялта, Мисхор, Анапа!
Мне под северным небом добро.
Вновь ступаю по зыбкому трапу,
И колотится сердце в ребро.
Здравствуй, город мой древний,
здравствуй!
Отворяю ворота души.

Ты мой князь: заходи и властвуй
И свои указы пиши.

* * *

Край любимый – мое Белозерье,
Голубая отрада души.
Словно тут приворотное зелье
Растворилось в озерной тиши.
Пусть в заботах увязну по горло,
Брошу вас и – была не была –
Я хоть на день приеду в свой город,
Чтоб взглянуть на его купола,
Чтобы вновь, не скрывая волненья,
На крутой бечевник поспешить –
В Белом озере омовенье,
Как в священной воде, совершить.

А. КИРИЛЛОВ – журналист, живет и работает в Череповце, член Союза журналистов России.

Александр Кириллов

ЛЕТОПИСЬ В ЛИЦАХ («Стихи на случай» Л. Беляева)

В июле 1999 года общественность Череповца и области, все любители поэзии широко отметили 60-летие со дня рождения талантливого поэта и тележурналиста Леонида Александровича Беляева. Его стихи часто звучат на литературных вечерах, многие переведены на музыку, их поют барды. Но не все знают о другой стороне творчества нашего земляка, – он был подлинным мастером поздравлений и экспромтов. К его услугам часто прибегали руководители различных предприятий и организаций: они знали, он точно подметит самые мельчайшие детали в жизни коллективов или отдельного человека.

Этот дар поэта проявился уже в пору его работы в белозерской районной газете «Новый путь».

Леонид Беляев. Фото 1996 г.

Под рубрикой «Из новогодней почты Деда Мороза» в 1966 и 1967 годах здесь публиковались солидные подборки стихотворных поздравлений. Вот некоторые из них:

В. Н. Костроминой, матери-героине.

Вас поздравляем персонально:
Вы — гордость РСФСР!
Себя ведете Вы похвально —
Другим наука и пример!

**Н. И. Плахову,
начальнику прорабского участка.**

Да будут ваши новостройки
Теплы, светлы и высоки!
Еще бы покороче сроки
И попрочнее потолки!

**А. М. Федичеву,
директору киносети.**

Пусть в отдаленных деревушках
Мужчины, позабыв вино,
Не ищут развлеченья в кружках,
А смотрят с женами кино.

**Г. И. Абрамовой,
врачу-терапевту районной больницы.**

От всех больных, от всех здоровых,
От всех, кто может заболеть,
Желаем Вам успехов новых,
Любви к труду сейчас и впредь!

**Дояркам А. С. Поздняковой
и Е. А. Васюковой.**

Мы смотрим на ваши успехи,
И светится радость во взоре.
Пусть ваши молочные реки
Сольются в молочное море!

**В. А. Богдановой,
директору Белозерского
Дома культуры.**

Неисчерпаем бодрости запас...
И старец молодеет рядом с Вами.

Уверен: все, кто знает только Вас,
Подпишутся под этими словами!

**Н. А. Пычачеву, Н. Я. Лазареву,
механизаторам колхозов.**

Выезжают, прибавляют газ,
Твердо держат руку на руле,
Сознавая, что они сейчас —
Главные фигуры на селе.

**Работникам
универмага «Белозерск».**

Продавцы универмага,
Будьте вежливы, прости —
Чтобы кончилась бумага
На похвальные листы.
Чтобы в вашей книге жалоб
Места чистого не стало б
(разумеется,
от избытка благодарностей).

А. М. Балашову, парторгу колхоза.

Воевавший комиссаром
Партизанского полка,
И сегодня он недаром
Словом бьет наверняка.

Прибауток знает — ящик!
На работе сноровист.
Он веселейший рассказчик
И умелый гармонист.

**А. Д. Коковой,
директору Панинской
восьмилетней школы.**

Анна Дмитриевна Кокова —
Человек ума высокого,
Шедро сеющая знания...
Пусть взойдут ее желания!

**Н. М. Боброву,
мастера леса.**

Не заглядывая вдаль,
Был согласен на медаль.
И награда тут как тут
За его хороший труд.

**A. K. Нестерову,
лучшему лесозаготовителю
области.**

Он работает на славу
С каждым годом всё быстрей,
Первый признанный по праву,
Средь лесных богатырей.

**Петру Ивахненко,
капитану теплохода.**

Капитану теплохода
Уваженье от народа.
Ничего, что молодой –
Власть имеет над водой.

**P. A. Новиковой,
учительнице Белозерской
средней школы.**

Вам – создателю музея
Пожелаю в Новый год,
Чтоб, восторженно глазея,
В наш музей валил народ.

Глушковским танцорам.

Мы плясать желаем им
Весело и молодо.
Чтобы «Ланчиком» своим
Покорили Вологду.

Чтобы стены заплясали,
К потолку летела пыль,
Чтобы в области узнали
Про крохинскую кадриль.

**I. M. Иношину,
председателю товарищеского суда
Мегринского л/пункта.**

Встретят поздно или рано
Ветерана-кузнеца –
Выйдет хмель из хулигана,
Дрожь вступает в подлеца –
Не повестку ли несут
На товарищеский суд?

И после переезда в Череповец Леонид Александрович Беляев продолжал начатое. Так, бывшему директору студии телевидения Г. В. Мазановой он посвятил такие строки:

Стариков обиженных защитница –
Мало их, кто с Вами не знаком.
Журналистка, бывшая зенитчица,
Ветеранов города главком.

С юбилеем Вас, главком Мазанова!
Долгих лет... Да что там говорить...
А неплохо жить начать бы заново
И опять все это повторить.

А на открытке-поздравлении своейrukой приписал:

«Поздравляем с юбилеем!
Не унывайте, не болейте,
Держась хотя бы, как сейчас.
Ещё три раза юбилейте –
Чтоб с сотней нам поздравить Вас».

К одному из коллег он обратился так:
Жизнь журналиста встречами богата.
Он в них находит золото идей.
«Лицом к лицу», «Трибуна депутата»
Нередко сводят мыслящих людей.

Мы все свидетели живые:
В час торжества, глотнув винца,
Слова находит он такие,
Что тают женские сердца.

Один из фотоснимков в стенгазете телестудии, посвященной выходу на пенсию сразу группы работников, он со проводил такой надпись:

Да разве думалось об этом:
На пенсию всем кабинетом?

Через некоторое время и автор данной заметки удостоился подобной надписи:

Работали вместе в газете.
Те годы теперь далеки.
Мир тесен: в одном кабинете
Опять собрались земляки.

Скульптору и художнику

А. М. Шебунину:

В нашей жизни много всякой муты.
Но не ей решать, в конце концов.
Вот уж встал в Череповце Милютин,
Скоро встанет в Вологде Рубцов.

Так будь здоров и в праздники,
и в будни,

Славный мастер кисти и резца,
Александр Михайлович Шебунин,
Курский парень из Череповца.

Дважды, на торжественных собра-
ниях, посвященных 60-летию и 70-ле-
тию городской газеты, Леонид зачиты-
вал стихотворные поздравления собра-
тьям по перу. Первое гласило:

Шестьдесят на всех — немного.
За товарищей я рад.
Тем хватает, слава Богу,
И газета нарасхват.

Знаю я: за эту дату
Выпьют дружно, как один,
Андрюшанов, Луц, Филатов,
Сюткин, Минин, Ромодин.

И наполнят чарки снова.
Грянут третьяи петухи...
И прочтет им В. Краснова
Свои новые стихи.

Дружные аплодисменты последова-
ли после второго:

Юбилей справляют «Коммунист».
В зале среди пишущего брата
И Филатов А., фельетонист,
И его преемник А. Панкратов.

Минина, Ненастьев, Ромодин,
Андрюшанов, Рюмина Ирина,
Викулов, который Валентин...
Всем как будто нынче именины.

И хоть слог наш бледен, вял и куц,
Студия коллег поздравить рада.
В том числе и Вас,
товарищ Луц, —
Самый мощный
двигатель подряда.

Полагаю, и «малая поэзия» Леони-
да Беляева заслуживает более полного
изучения. Ведь она запечатлела коло-
рит своего времени, характеры людей,
профессии, увлечения и многие другие
детали. Это своеобразная летопись на-
шего века в лицах. Она облегчит буду-
щим историкам Череповца понимание
различных событий, образа жизни го-
родян.

Критика

жизни, инженерной промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры, а также в области культуры и искусства.

СИДОРЕНКО Михаил Иванович родился в 1935 г. в г. Ейске Краснодарского края, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Гуманитарного института ЧГУ.

М. И. Сидоренко

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ПОЭЗИИ В ЧЕРЕПОВЦЕ

В первом номере поэтического журнала «Автограф», издаваемого В. Белковым и Ю. Малоземовым, некто А. Смурый в заметке «Поэты Череповца» всевологодски заявил, что в нашем городе нет поэтов, поэзию не любят, жители интересуются лишь бытовыми заботами да своей металлургической и химической работой.

Я живу в Череповце с 63-го года. Могу засвидетельствовать: череповчане никогда не теряли интереса к литературе вообще и к поэзии, в частности.

Долгие и жаркие баталии в редакции газеты «Коммунист» Вени Шарыпова, Вали Федотова, Володи Катышева и др. с суровой и непреклонной Риммой Сергеевной Мининой, ни разу не пропустившей на газетные страницы опусы с изъянами. Спасибо ей! Это была хорошая школа для начинающих... Не менее трех-четырех раз в год встречи

преподавателей и студентов пединститута с бригадой поэтов-вологжан, руководимой С. Викуловым (до его отъезда в Москву)... Великолепные литературные среды в вузе В. Кошелева, собиравшие аудиторию, состоящую не только из студентов и преподавателей, но и учителей города и их учеников... Школьные поэтические вечера... Дискуссии в библиотеках и книжных магазинах... просто невозможно перечислить все то, что было на поэтическом «фронт» за все это время у нас в Череповце. Особенно памятными остались встречи с женой Даниила Андреева Аллой Александровой, которая так человечно и профессионально познакомила череповчан с изумительным творчеством своего мужа...

Если же принимать во внимание последнее десятилетие, то отношение к поэзии череповчан даже несколько пугает. Поэзия становится модой, как престижный магазин. Рифмуют все: школьники и учителя, преподаватели и студенты, металлурги и химики, строители и монтажники, врачи и их пациенты и т.д. Насколько мне известно, не занимаются этим делом (боюсь сглазить!) лишь «новые русские» (видимо, им своих дел по горло). Причем что страшит: каждому непременно надо «засветиться» изданным сборником написанного (без какой бы то ни было редактуры!). Страшно и потому, что возникла ситуация: у кого есть талант, но нет денег, написанное — в стол; у кого нет таланта, но есть деньги, печатай хоть сотню «поэтических» книг. Мне могут возразить: это же прекрасно, что так много череповчан, пишущих стихи. Но ведь в основном написанное (и напечатанное!) — не поэзия, а всего лишь попытка самовыразиться в стихотворной форме или игра с самим собой: «Дай и я попробую!»

А вы, т. или г. Смурый, утверждаете, что в Череповце не любят поэзию...

Были и есть ли в городе поэты? На этот вопрос ответить гораздо сложнее. Кого следует относить к когортам поэтов? Члена Союза писателей, имеющего удостоверение на это звание? Или любого, опубликовавшего в каком-либо печатном издании хотя бы одно стихотворение? На мой взгляд, среди «удостоверенных» (по Руси их более двух тысяч) две трети таковыми не являются, потому что они обычные рифмоплеты. Их «вирши» нисколько не трогают душу читателя, не заставляют его перечитывать их заново. Но может быть, поэта делает количество публикаций? Сомневаюсь. Александр Кочетков (не путать с Олегом Кочетковым!) настоящий поэт, несмотря на то, что создано им мало и широко известно (уже более 60 лет) только одно его пронзительное стихо-

творение — «Баллада о прокуренном вагоне». Известность, популярность? Однако Габриела Мистраль, первая в мире поэтесса, удостоенная Нобелевской премии, на своей родине, в Чили, корифеем не стала. Думается, поэт тот, кто для читателя чистосердечно откровенен и загадочен одновременно, кто владеет волшебством слова, кто имеет свое, неповторимое восприятие жизни и умеет передать его в индивидуальных образах, кто чувствует прекрасное.

Что же все-таки в Череповце? Безусловно, череповчане могут гордиться своим земляком талантливым поэтом К. Батюшковым, который оказал значительное влияние на поэзию первой четверти XIX в., в том числе и на поэзию А. Пушкина. Что же касается И. Северянина, тоже включаемого многими литературоведами в плеяду череповецких поэтов, то тут я не могу согласиться. Да, Северянин учился в Череповецком реальном училище. Но и только. Никаких произведений за этот период он, естественно, не создал. К тому же ненавидел город, называя его «ничтожным». Хотя любил Шекспира, Суду, Ягорбу. Но на этом основании признавать Северянина череповчанином абсурдно, иначе и Г. Державина за его «шекснинскую стерлядь» также надо считать поэтом Череповца. Парадоксально, но это правомерно уже потому, что есть мнение, согласно которому А. Пушкин был тесно связан с нашим городом (см. статью А. Брагина в «Речи» «Пушкин в Череповце»). Недостает нам Гомера... Кто действительно прославил своим именем Череповец, кроме К. Батюшкова, так это Александр Башлачев, успевший написать до обидного мало, но сформировавший своим творчеством целое направление в современной русской и зарубежной поэзии. Кстати, единственный среди 875 поэтов в антологии Е. Евтушенко «Строфы века» с указанием: родился и работал в Череповце.

Большую роль в процессе развития поэзии в Череповце сыграли рано ушедшие из жизни В. Федотов и Л. Беляев, особенно второй. В. Федотов настроил череповецких любителей писать стихи своим мудрым законом: пиши, что идет от сердца. Он сильно заикался, но ни один человек при чтении им стихотворений никак не реагировал на это — настолько стихи покоряли всех слушающих. О значимости для череповецкой поэзии творчества и громадной организаторской деятельности Л. Беляева весомо сказано в воспоминаниях журналиста А. Кириллова «Мне везет на хороших людей», опубликованных в газете «Речь» (1999, № 129): «Многие его подопечные стали членами Союза писателей, авторами сборников стихов, коллективных публикаций, получили широкое признание любителей поэзии. Среди них В. Хлебов, Н. Кузнецов, В. Кудрявцев, А. Брагин, С. Круглов, И. Воробьев, Т. Жмайло и ряд других». Трудно что-либо еще добавить...

Так сколько же поэтов в Череповце в настоящее время? По данным А. Русанова, сто (см. 10-й выпуск «Библиотеки череповецкой поэзии»). Если подходить к статусу поэта с мерками А. Русанова, то, по моим данным, более двухсот. Поражаюсь: не промышленный город, а поэтические Васюки. Даже в Москве столько вряд ли наберется. Конечно, это несерьезно. Куда скромнее, а главное, точнее был бы подзаголовок упомянутого выпуска «Сто стихотворений ста авторов», нежели «Сто стихотворений ста поэтов». У большинства из этих авторов я спрашивал: «Вы считаете себя поэтом?» Как правило, ответ был отрицательным, хотя некоторые из опрашиваемых признавались: «В душе — да». Состоявшихся поэтов в Череповце, с моей точки зрения, чуть больше десятка. Это (в алфавитном порядке) А. Брагин, И. Воробьев, М. Ганичев, Т. Жмайло, В. Златоустов, А. Качутина, С. Круглов, А. Петухов, А. По-

шехонов, В. Хлебов, А. Хохряков, А. Широглазов. Каждый из них имеет свой голос, свой тембр, свою мелодику. Искрометную поэзию-песню А. Широглазова, например, сразу отличишь от философско-эпической поэзии В. Златоустова, страстные стихи А. Пошехонова от умеренно спокойных А. Брагина. К сожалению, поскольку он единственный в городе и в области, не с кем сравнивать В. Хлебова, череповецкого «дедушку Крылова» (но он в этом не виноват). О каждом из названных поэтов необходим особый, обстоятельный разговор. Они заслуживают его.

Близки к тому, чтобы стать состоявшимися поэтами, на мой взгляд, Н. Бушенев, В. Громова, С. Ефремова, Ю. Жигулин, А. Кругликов, Г. Мальцев, А. Русанов, Н. Рябоконь, С. Созин, которые за последнее время издали сборник или два сборника своих творений. Что характеризует их? С одной стороны, они разные по тематике, по жанрам, с другой — одинаковые по степени мастерства. В чем они уступают состоявшимся? В технике исполнения стиха, в образности его содержания, в широте охвата сторон нашей жизни, отсюда — в силе воздействия на читателя.

Николай Бушенев. Он тонкий лирик и язвительный острослов. В его поле зрения сам он и его друзья, коллеги, знакомые. Первый объект — грустно лиричен, второй — мягко юмористичен. Владеет словом безукоризненно (всегда лингвист!). Издал два сборника своих «трудов»: «Полчаса на нежность» и «Созвучай по слухаю». В первом один, но существенный недостаток: некоторые стихи написаны с налетом вульгарности (верно сказано в «Автографе», что Н. Бушенев пишет на грани фола). Во втором, очень интересном с точки зрения жанровой принадлежности произведений, собраны шуточные поздравления, спичи в честь людей, близких сердцу автора (а их более ста!). Собирается порадовать читателя и адресатов

очередными сборниками «созвучий по случаю». Кстати, этот жанр все более и более закрепляется на Руси (в этом жанре активно писал и Л. Беляев).

Лиризмом пронизано творчество В. Громовой, для которой главное — семья, дом, окружающая ее природа (городская и сельская). Мягкая, почти нежная тональность ее произведений подсказывает читателю: автор не только пишет стихи, но и рисует (что соответствует действительности: В. Громова — прекрасный живописец-пейзажист). Издала в Москве два сборника: «Славянская язычница» и «Горит звезда».

Талант С. Ефремовой, известно, проявляется во всех сферах ее деятельности, естественно, и в поэтическом творчестве. Ее стихи отличает напористость в содержащихся в них размышлениях автора («Стрелой прозренья раненная лань. Я истекаю кровью на снегу Лишь потому, что этой тайной тайн Я с вами поделиться не могу»), суровая строгость образов (по законам железной логики), некоторая отстраненность от содержания созданного ею (объективность), категоричность («Любить меня — высокое искусство»). Есть все данные стать настоящей поэтессой.

Ю. Жигулин тяготеет к философскому осмыслению жизни человека, сущности природы, в которой он обитает, ему важно выяснение самого понятия «жизнь». Мыслит образно («март — первенец весны», «труп топляка» и т.п.), стихи мелодичны, что привлекает внимание к ним композиторов Вологодчины.

Очень близок к нему А. Кругликов, но масштабность его обобщений несколько мельче.

Приобретенный жизненный опыт, острая наблюдательность позволили Г. Мальцеву выразить свое, сугубо личное осмысление окружающего его мира.

А. Русанов — личность незаурядная: режиссер театра, создатель библиотеки череповецкой поэзии (издал 10 выпусков), сам активно пишет и перево-

дит с иностранного. Его основное внимание сосредоточено на судьбе родины. Резко (более резко, чем Н. Рубцов) противопоставляет город и село: город (не Череповец, а вообще город) ненавистен А. Русанову, село для него идеальное место для жизни («Стеной стоит огромный город — Стекло, железо и бетон. Под гнетом плит со всех сторон Мы ощущаем только холод», «Средь обывателей, спокойных и простых, Остаться и обжиться я готов, Построить дом, корову завести. Копаться в огороде допоздна»). Но, тем не менее, живет и работает в городе. Жертвенность или «все слова, слова, слова»?

Искренность любовной лирики Н. Рябоконь («Второе дыхание». Череповец, 1997) ни у кого не вызывает и не вызовет сомнений.

С. Созин прошел суровую школу жизни, и это отразилось на его творчестве. Пишет, как правило, скучными строчками, пытаясь в них лаконично, по-военному, изложить свою мысль. В какой-то степени скептик по отношению к современности во всех ее проявлениях. Издал сборник стихов (Вологда, 1995).

Вполне могут в ближайшее время состояться как поэты А. Волков и И. Волков. У них чеканный стих, широкое поле зрения, отсутствие отсебятины. Их огнихи в стихотворениях — огнихи молодости, неопытности.

Радует меня ряд начинающих. Это в основном ученики, студенты, молодые преподаватели и рабочие. Здесь выделяются: А. Якунов, С. Погребняк, Т. Ржаникова, М. Катышева. Заслуживает особого внимания творчество (не боюсь этого слова — тетрадь ее стихов у меня перед глазами) Марины Катышевой. Индивидуальность, обоснованность мотивации ярких образов, едва заметное (поэтическое!) отклонение от общепринятого словоупотребления, зрелость в оценке жизни и т.д. ставят М. Катышеву в ряд весьма перспективных

поэтесс города.

Многие из пишущих череповчан наряду с удачными стихотворениями представляют читателю поэтический брак. О некоторых из них стоит сказать слово, поскольку, как мыслит народ, «не все еще потеряно». Игорь Эпанаев. Нашел оригинальную форму самовыражения. Но дальше не пошел. В самиздатовском сборнике «Жизнь моя, любовь моя, смерть моя» (1996) представил читателю винегрет своих рассуждений «по поводу и без повода». Удачных строчек мало (например, «Вася крикнул: «Рыбаки, Вы такие дураки!» От реки до Киева Гнали рыбаки его!»), в основном — пошлятина (типа «Вчера Отелло Меня хотел» — поэтическая порнография). Влить бы в эту оригинальную форму соответствующее содержание! В. Кичкарев. Экспериментирует в стихосложении, но далеко не безупречно и с оттенком нарочитости («Помятые, веселые, и пахнем перегаром»). В этом суть задачи поэзии для В. Кичкарева? На одной платформе с выше названными находится и Л. Цветков.

Большинство из тех, кто пишет стихи и даже имеет публикации в газетах и русановских сборниках, люди случайные в поэзии: закипело или накипело в душе — нужно облегчить ее чем-либо, слово же во всех этих случаях помогает эффективнее, чем врач.

Публикации. За последние полтора десятка лет череповчане издали более 80 сборников своих стихотворений в Москве, Санкт-Петербурге, Вологде, Череповце, опубликовали в коллективных сборниках, в периодической печати несколько сот стихов. Для таких городов, как Череповец, творческая продуктивность небывалая. Отрадно внимание к поэтическому творчеству учащихся школ (см. сборник «Надежда», «Русская панorama», 1996; «Литературная гостиная». «Речь», 1999, № 99). К слову сказать, «Литературная гостиная» городской газеты могла бы функционировать поактивнее и с большей строгостью относиться к ее посетителям (ср. помещенные в ней очень слабые стихи Б. Суслова и самопародийные «пародии» М. Конышенкова (1999, № 92)). Признание поэтической силы череповчан нашло отражение в публикациях А. Брагина, Вс. Лукичева, А. Хохрякова, С. Созина, М. Шанина, А. Каютиной, Л. Беляева, А. Русанова, В. Хлебова, А. Широглазова, К.С., А. Пощеконова в журнале «Наш современник» (1999, № 7).

Тематически поэзия Череповца разнообразна. В объекте внимания пишущих дом, семья, друзья, проблемы жизни, место работы, но чаще всего — родной край с его природой и любовью. О доме, о семье, о друзьях находим мы прекрасные строчки у Г. Мальцева, В. Громовой, Н. Бушенева и др.; проблемы жизни, каждый по-своему, трактуют Н. Кузнецов, А. Хохряков, С. Созин и др.; влюбленное отношение к своей работе выражено в стихах М. Ганичева; родной край, родина — главное для великолепных по мастерству и выраженным чувствам стихотворений А. Каютиной; о любви пишут все — от девчонок до зрелых женщин и мужчин. С сожалением должен сказать, что историческая тема интересует только одного поэта — В. Златоустова, у которого целый цикл стихотворений посвящен истории Руси (см. его сб. «Наследство». Череповец, 1996; «Загадка русских городов». Череповец, 1996).

Как и вся российская поэзия последних лет, череповецкая не в полной мере выполняет свою миссию, а именно, служить гармоничному формированию в человеке прекрасного. На тональность ее содержания влияют суровая будничность жизни, страх перед нею, для многих людей (в том числе и поэтов) — борьба за выживание. По этой причине в стихах преобладают чувства разочарования, уныния, бесперспективности. Все это характерно и для поэзии черепов-

чан. Несколько иллюстраций:

Я помню, как очередь сбылась,
Как сын уходил от отца,
Как нас собирала могила —
Последняя прихоть творца. (К.С.)

Уже не гну я дуги,
А согнут сам в дугу. (Н. Бушенев)

Это очень интересно;
Только очень грустно:
На погостах стало тесно,
А в роддомах — пусто. (Н. Кузнецов)

Цитировать можно без конца. Но это, как говорят, от «меня не зависит». Грустная картина в стихах поэтесс о любви, причем не только у школьниц (что вполне понятно), но и оставивших этот возраст далеко позади. Один пессимизм. Он не пришел на свидание, он ушел от нее, он такой-сякой. И — виноват во всем он. Обидно становится за мужчин: неужто все они нехорошие? Вспоминаю изумительное стихотворение Сильвы Капутикан «Ушел... Но знаю всей душою — Нам друг от друга не уйти», которое наполнено не только страстью любовью к оставившему ее, но и яростным сопротивлением трагедии. Оно — урок не только для мужчин, но и для женщин. Наши мужчины тоже много пишут на любовную тему, но они куда сдержаннее воценке своих любимых и гораздо оптимистичнее в своих взглядах на них.

Все это, как говорят, переходное — возрастное, индивидуальное, временное... Более серьезная болезнь череповецкой поэзии — крайне низкая техника стихосложения и ее язык. В этом плане череповчане не блещут, наоборот, поражают полной неграмотностью.

Прежде всего, размер (метр) стиха. Череповчане настолько вольны в обращении с ним, что им могут позавидовать Е. Летов, Я. Дягилева, К. Рябинов (см. кн. «Русское поле экспериментов». М., 1994). В одной строке наши стихотворцы умудряются вмешать ямб

и анапест, хорей и амфибрахий и т.д. Можно сказать, что в Череповце возникла уникальная поэтическая лаборатория. Вот примеры подобного «экспериментирования»:

Зачну от дождя и от солнца
Радугу дивных цветов.
Влезу к тебе в оконце
И песню спою без слов.

(С. Тюзева)

А знаешь, все ерунда...
Ты потянемшься за сигаретой...
(Т. Жмайло)

На другом конце Ирана...
Видишь воины Тамерлана...
(И. Волков)

Поклон приветный
Шлю — при жизни всем,
Кто душой меня согрел,
Кто хоть однажды
Был мною признан...

(В. Веденеева)

Продолжать не хочется. Утомительно.

Интересно отношение пишущих в Череповце к рифме. По моим наблюдениям, авторы используют почти все типы рифмы или отказываются от нее вообще. К сожалению, преобладает *банальная* (голоса — глаза, буду — повсюду, водой — тобой, свет — бел, любовь — кровь и т.п.), далее идет *бедная* (отражали — рояля, привычку — спичке, красоту — лицу, теорем — заре, вдали — любви и т.п.) и совсем редко встречается *глубокая* (поковал — толковал, представляю — отправляю, голова — слова, апрель — свирель, имен — времен и т.п.). Свежих, оригинальных крайне мало (небе — нелепей, тревожусь — множеств, плохое — стихов я, висками — близкая, потерп — зверь и т.п.). Поскольку белый стих — очень сложная форма стихосложения, требующая высокого мастерства, череповчане прибегают к ней редко, причем, я бы сказал, неудачно (И. Волков, А. Хохряков и др.). *Верлибр* (очень интересная форма стихо-

сложения, известная на Руси с древнейших времен) почти не встречается в череповецкой поэзии. Близка к нему строфа Г. Констанской

От последнего снега до первого снега
Было долгое счастливое лето.

От первого снега до последнего снега
Была зима, а счастья не было.

(«Семь тюльпанов»,
Вологда-Череповец, 1998).

Череповецкие стихотворцы довольно часто находятся в плена подражания. Подражают С. Есенину, Н. Рубцову, Н. Заболоцкому и другим поэтам. Ср.:

Дьявольски счастливый
И влюбленный даже,
Обниму я иву
И туман поглажу. (В. Аникуков)

Тихое, тихое нежное пенье –
Светлое имя твое. (Н. Кузнецов)

Ненаглядная моя женщина.
(А. Пошехонов)

Огорчают многочисленные речевые недочеты в стихах череповчан. Из них наиболее часты акцентологические нарушения: крёмня (кремня), Илия (Илий), накréст (нáкрест) и т.п. Неверная постановка ударения в слове при-

водит к изменению размера строфы и к разрушению рифмы. Особенно грешит ошибочной постановкой ударения А. Русанов (то ли от незнания, то ли сознательно пойдя на коренную ломку современной литературной акцентологии): перевёрнемся, по щёкам, заворожен, крёмень, Небытием, огроменный, смбленных и т.д. Довольно много неточных словоупотреблений. Например, И. Волков пишет: «Серых домов вереница, улицы вьется люфт». Но ведь значение последнего слова «зазор между сопряженными поверхностями частей машин». Возникла несуразица. Что удивительно, череповчане питают интерес к созданию собственных слов и грамматических форм (окказионализмов): «ясь» (Е. Кирикова), «выбродил за дверь» (Л. Панкова), «повесил прям над головой» (М. Ганичев), «желание свершилось – уж что-то кое» (А. Хохряков) и т.д. И вновь всех перешеголял в этом плане А. Русанов: Люборусье (заголовок сборника), многоюдный (холод), ёлы-лапочки, полузычаяв, бочёны, море волно, послежитие и др.

Уверен: недостатки в стихах череповчан были бы легко устранимы, если бы до публикации сборники подвергались обязательному грамотному редактированию.

Проза

Александр Хачатурович РУЛЕВ-ХАЧАТРЯН родился в селе Новотроицком, в Казахстане, куда были сосланы как «враги народа» его деды: Рулев Павел Семенович - тверской купец, и Авак Хачатрян - архиепископ. По крови - квартирон - [русский, армянин, поляк, ассириец], вероисповедания православного. После побега из дома детей врагов народа, где провел две года (с пяти до семи лет) жил в Москве, Твери, Эчмиадзине, Ленинграде. Работал шофером в колхозе, в аэрогеологической экспедиции, что позволило объездить за рулем всю страну. Получил высшее духовное и светское образование. С 60-го года прошел в Череповце все ступени профессии строителя. Будучи главным инженером завода ЖБИК, окончил курс Литературного института. Строил во всех районах Вологодской области.

Впервые напечатался в журнале «Север» в 1966 году. С тех пор издал в Москве, Архангельске, Krakowе десять книг (проза, драматургия, поэзия, переводы, политические и религиозные статьи, эссе). Эпиграммы, повести, рассказы переведены на все основные европейские языки. Наиболее известен роман «Хроника семьи Петровых».

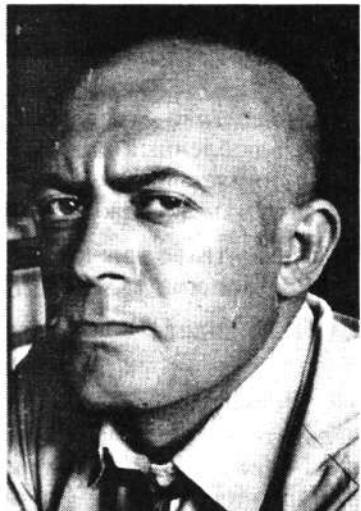
Член Союза писателей России. Живет и работает в деревне Костяевка Череповецкого района.

A. P.-X.

МЯКСИКАНЕЦ – ПЛЮС быль

Да пусть хоть вся АОН приедет в наш райцентр, даже и они, несмотря на разные цвета флагов и кожи, единогласно отбросив дипломатические уклоны, сразу подымут руки за то, что самый в Мяксе интеллигентный человек – Пугин. Альфред Ричардович.

Насчет имени с отчеством не подозревайте, натуральный славянин и сверх того – великоросс из древних корней и зачатков, подтверждаемых полным набо-

ром особых качеств и внешних примет, столь свойственных его отцу, деду и далее назад во тьму веков. Средних для России.

Просто наша Мякса такое дивное и очарованное место; здесь, считай, с кануном русско-японской войны туземные родители награждают сыновей чудными литературными именами, как то: Рудольф, Чарлз, Эдмон, Эдуард. Девок же согласно кричат не Дуньками, а Розами, Иннесами, Жозефинами. Одна так вообще Палома. Голубка, значит. Да видели её, небось? Палома в библиотеке из угла кулаком напоминает про забытые книги. Её уважают и возвращают даже непрочитанное.

Правда, с одним экзотическим именем произошло раздвоение. Народный костоправ с кузнецом решили, будто Риголетто — среднего рода, вот по их наущению нарекли сына мельника именем Риголетт, а поповну в миру — Риголетта.

Истоки явления с именами разнюхал и раскопал Корнелий Цезаревич, местный краевед-учёный Мошкин. Оказывается, в последней четверти прошлого века тутожня дворянка, прямая родня поэту Батюшкову, оставила после себя неистопленный воз книг, сплошь английские да французские романы, хотя и на русском языке. Ясно, собрания сочинений расташили по душам и принялись читать по-печатному в зимнюю очередь. Грамоте многие были горазды благодаря просвещённому соседству, куда ходили полоть грядки и раскидывать навоз. Конечно, «к стыду» и «надо признаться», сокрушался краевед насчёт нескольких Макаров, которые читать не умели и классику пустили в расход на самокрутки. Благо, табак свой. В Мяксе, не мешает многим знать, такой выманивает дуроцвет — чихай не прочихаешься, а дым до седьмого неба.

Так с той поры и повелось: если, случаем, повстречашь человека в областном ковбойском поезде, а зовут, после знакомства, скажем, Робингуд, можешь смело наливать — парень из Мяксы, только на сторону глядит. Скорее всего, за такие фантазии с именами все так и зовут нас — «мяксиканцы». В отличие, например, от староверов из недальнего Жидихова. У них в ходу ещё с Аввакума всего три имени: Иван, Пётр, Павел. А — «жиды», ну куда денешься. Какие ж они, на милость, жиды, ежели лонись на позднем сенокосе, мне кум говорил, только Павлов потело семнадцать. И хотя ни один из Павлов даже в глаза, а не то что сбоку, не видел живого еврея, но всё равно их не любят и в Пасху сердятся за то, что нашего Христа распяли.

Ну и переименовали бы село, верно? Вон люди из Средних Дураков ещё в сорок восьмом, сразу после реформы денег, опустили письмо в ящик на имя усатого. Вышло решение: впредь именовать так — «Поселок сельского типа имени памяти 40-летия Парижской Коммуны». Улица Ленина, дом один. Там сельсовет у них. А рядышком изба председателя Плюшкина Егора Данилыча. Не смейтесь, пожалуйста, у них что ни двор — то Манилов, что ни дом — то Ноздрев, Чичиковых три многодетных семьи. А секретарь сельсовета тоже Плюшкин, он божатка самому Егору Данилычу. Председателю. Колхоза «Депутат».

Всё тот же бдительный зашора-краевед Корнелий Мошкин писал в «Ударной борзоде», как мелконычий чиновник царапал письма Гоголю, а писатель и вставил местные фамилии в книгу первого тома. Чем и прославился на всю Италию. Он жил там, сообщал почитателям Корнелий. Может, и правда. Я Николая Васильевича просто так люблю. Вне Италии и без Мошкина.

Бот Средние Дураки остались в памяти народной. И жители — тоже. Но если вдуматься, мир так сляпан, что, несмотря на всякие переименования, никакому вождю с дураками не совладать. Пускай живут. Места всем хватит. Мы-то с

вами чем лучше? А ничем. Такие же дуроломы.

Вернёмся же, наконец, извинившись за криули в повествовании, к нашему главному герою. Знали бы вы, сколько доказательств его превосходства над прочей интеллигенцией Мяксы уже накопилось — ого и три горшка с походом. Кто, как не Альфред, ещё будучи молодым секретарём первички, громко откликнулся на могучий призыв бороться за мир во всём, понимаешь, мире. В пылу борьбы с поджигателями Пугин сочинил, а в клубах из-под знамён кричали пионеры:

Ми-ру-мир-вой-на-вой-не!

Это-ин-те-рес-но-мне!

Наверху тогда им занялись глубже и выяснилось — заочник. Так его потом назначили главным инженером «Центральной районной лесопилки на электрической тяге имени «Зори коммунизма». Название дали в тридцать пятом, чтобы могли отличить от заручьевской пилорамы, стучавшей от враждебного английского паро. После всех перевели на энергию, но пилу переназвать забыли. У Правительства с Президиумом, видать, руки не дошли до мяксинских опилок с горбылями.

Лучше пойдём, да побыстрей, от тех времён туда, где, вроде, безопасней рассуждать про интеллигентность почти на воле.

Только один Пугин отрастил на мизинце левой руки длинный кривой ноготь, которым и ковыряется в ухе, когда задумывается в перерыве собрания, на активах или в бюро райкома. Он — член бюро. Да и выступать умеет непохуже инструктора Обкома или других доцентов по распространению. Взять, к примеру, Эдмона Шучкина, он директор пуговичного цеха, а после каждого слова обязательно вставит «понимаешь ты». То же бывший политрук МэТэСа товарищ Клюквин, так этот логопед, вообще, горохом сыплет с трибуны: «Пышты, поништы». Разве так можно речь держать? В семьдесят, помню, восьмом: «Во время, пышты, посевной, поништы, всеф как один! Если, пышты, имеешь тётку, веди, поништы, родную. Мы её, пышты, на мешкаф будем использывать!»

А Пугин — не-ет. Он говорит: «Паци». Ну, опять же «понимаете ли?» Образец: «Здеся, паци, не в туда поворот, а вы, паци?» Не тычет, на «вы» с народом, хоть сторожем будь перед ним. Такой деятель.

Сегодня — был. Да понятно и без многоточий, везде и всё, про что говорим сейчас — уже ушло. Но состоялось. И никуда от такого феномена не спрятаться никому... И жило, и из памяти не сплыло. Так что нечего по церквам со свечками стоять да откращиваться.

Опять же к Пугину... Или взять нашего бессменного первого секретаря райкома со времён ВКП(б) Зигфрида Адольфовича Шапкина. Он каждый раз по окончании первой стопки после политической конференции по четвергам раз в квартал не забывал произнести с подлинным восхищением: «Кто-кто, а товарищ Пугин сегодня не подвёл. Правильно ставил вопросы и вёл в нужном направлении. Чего уж там, первый интеллигент, вот что удивительно. На что Егор Данилович из «Депутата» интеллигентный председатель, но его ставлю на второе место после Пугина, вот что удивительно. Молодец, Пугин. И в области знают, вот что удивительно».

Всенародное признание пыльными хвостами дымило по дорогам и просёлкам, говорили — «вплоть до». Такой выдающейся личности, понятно, в своём масштабе не просто жить. И раз в полугодие надо подтверждать совсем первое место по району в среднем. Хотя никто и не просит.

И Пугин окончательно застолбил его на знаменитом заседании бюро райко-

ма КПСС, где стоял вопрос: «О недостойном советского туриста, члена партии и гражданина поведении при поездке в город Хельсинки, Финляндия».

Заседали без отсутствующих и опоздавших, дело намечалось глубоко интересное. Кроме избранных во главе с первым секретарём райкома товарищем Зигфридом Адольфовичем Шапкиным, присутствовали два туриста, два рядовых члена партии, два гражданина и одна женщина. Конечно, обвиняемых у стеночки сидело не так много, а всего двое, но в те времена каждый советский человек был ещё и гражданином, а в некоторых случаях вдовесок и коммунистом. Часть общества, разумеется, имела звание «товарищ женщина» или же «товарищ девушка», смотря по обстоятельствам. Теперь разобрались: рассматривался проступок Рудольфа Робингудовича Сизяева и Дездемоны Леопольдовны Сучковой. Она же и девушка с подозрением на женщину. Оба — путёвочные туристы, неблагополучно вернувшиеся из города Хельсинки, побратима то ли Волгограда, то ли Выборга, они рассказывали, но мало кто запомнил и многие перепутали, полагая такой высокий загиб неуместным. Если б ездили туда, кто Максе побратим, тогда куда ни шло. Хотя, с другой стороны, натвори они такое в побратимском зарубежном райцентре, им бы не сдбровать, то есть пригнули бы их окончательно с выкладкой билета на стол и другими лишениями.

Итак, в повестке дня подробности. Прианбула такая: ездили на поезде через Москву в Финляндию с группой, там вели себя нехорошо, в отличие от остальных, кто не уронил высокого звания и достоинства ни советской женщины, ни, понимаете ли, члена, каковыми фактически являются мастер каталального цеха артели «Промсоюз» товарищ Сизяев РЭРЭ и старшая укладчица шерсти того же цеха вышепоименованной артели Сучкова ДЭЛЭ.

А случилось так: после экскурсии и свободного часа отечественная группа в полном составе засела по месту жительства обсудить впечатления и подсчитать деньги. Совсем уж ночь; после песни «В профсоюзе бабка! В профсоюзе Любка! В профсоюзе ты моя, сизая голубка!» поползли, как те крабы да раки, нашаривать номера совместного проживания. И надо же, взбрело дураку Сизяеву испугаться. Лето. Ну и что? Не наше же, а капиталистическое. Возвращайся в Максу и ныряй. Хоть утопни, никто особо плакать не станет. А там перед номерами на площади большущий фонтан. И не шипит, как у нас возле райисполкома, а полный воды и разноцветных струй, резво бьющих в небо.

Сизяев попёрся мимо дежурной в одних трусах и наколках, считай, без ничего.. Луна во дворе. Плавает, орёт, наслаждается жизнью с помощью разных слов нелитературного произношения. А Сучкова, нет бы храпеть, возьми да и откликнись через окошко. Завидно стало. Тот ей: «Давай, вали, вода тёплая!» Она ему: «Не задолю!» И попёхала через пустынную площадь по вымытому булыжнику. Три часа утра на башне пробило. На Сучковой лиф коровьего размера и «семейные» с бронебойными шлангами вместо резинок. Но цвет одинаково сиреневый с верхней сбруей. И, понятное дело, кроме гармоничного сочетания колеров, ширина и раздуваемость на воде какие и положены каждой второй максиканке.

Полощутся. Пытаются друг дружку утопить. В третий раз она пихнула башку Сизяева поглубже, он и открои глаза со страху. Морда у самого дна, и там видит: весь пол внизу монетками усыпан. Вынырнул, отышкался, сообщил об открытии клада. Сразу оба мозолями к луне, давай собирать. Денежки Сучковой в трусы. Надёжней места не сыскать, никто не увидит и не сопрёт.

Подходит скорым шагом полицейский. Выманивает пальцем, берёт притихших и посиневших богачей за жопы, ведёт куда положено. Покусились, долбаки,

на доход муниципи... горисполкома Хельсинки. Выскребают чужие деньги разных стран и континентов.

Рыжий детина, за неимением ночной полицейши, углублённо и в удовольствие шарит в трусах, залез по локоть, отколупывает прилепившиеся и запавшие монетки. Тогда Сучкова ДэЛэ без напоминаний, блюя девичью честь и женскую гордость, приподымает ихнего мента и с размаху режет промеж белесых буркал.

На бюро выясняли: как вмазала? Как Лёхе из Телёпшина? или как шабашнику Рамазу? Оказалось, что влепила с той же силой, с какой получил от неё леща тракторист Жора, сын продавщицы из Полуева. Жора, как теперь узнали, таким же способом совсем залез и почти добился своего, но вовремя был остановлен.

Меряли шагами от стола в ту сторону, где предположительно располагалась страна Суоми, для протокола — сколько летел финский полицай? Оказалось: его поначалу подняло тычком, потом парил петушком, а после ехал по полу, пока не упёрся затылком в стенку. Всего шесть метров, если по шагам Сучковой, а Пугин своими насчитал восемь с половиной до того места, где утром нашла его столичная пресса в содружестве с врачами.

Всё. Кончилась Финдляндия. Вернулся СССР. Драсти. Протокол. Рапорт. Объяснительные. Стыд. Бюро. Проект решения: «С занесением в учётную карточку» — как партийным. А как граждане не выпускать туристами в течение шести лет. Как советскую женщину обсудить в коллективе при помощи ближайших сотрудниц-укладчиц той же артели, где валенки выпускают со знаком качества на пятках.

Три часа и сорок пять минут, в целом, слушали Сучкову с Сизяевым, требуя побольше подробностей. Пожалели в душе, осудили вслух и проголосовали единодушно. Точка.

Ан нет и нет! Берёт очередное слово Пугин и вносит неслыханное предложение: изменить формулировку в констатирующей части, где указано два раза по три года никуда не выпускать из Мяксы.

Орёл, чего там. Кто слыхивал, чтобы заранее напечатанную, известную от машинистки всему райцентру и членам бумагу изменяли в таком разделе, где ничего исправлять нельзя.

Но Пугин встал и внёс, открыживая длинным ногтем: «В той части, где сказано «не выпускать за рубеж в качестве туристов» заменить слова и добавить. Зачитываю конкретно: «Не выпускать за рубеж в качестве советских туристов в те иностранные города, где на площадях возле гостиниц имеются фонтаны». Мама!

Дискуссия развернулась без обвиняемых. Скажите, кому известно — где есть фонтаны, а где их нет? Пускай в Обкоме разбираются. Словом, в конце концов, прошло большинством предложение Пугина. Он сказал решительно:

«В городе Ханое, столице социалистического Вьетнама, борющегося с Кликой и американскими пособниками, нет на площади фонтана. Я сам видел». А такую деталь — построена ли на той же площади гостиница — забыли в пылу полемики. Потом из Обкома, где утверждали все выговоры, райкому указали на важное упущение, но сочли его бытовым и политически незначительным.

Уже после бюро, когда обмывали заседание вместе с итогами, секретарь Зигфрид Адольфович, восхищённо закусывая огурцом, воскликнул: «Ну, Пугин. Как был, так и есть ты у нас первый интеллигент!»

И налил ему вторую собственной рукой, вот что удивительно!

КУЧМИДА Николай. О себе: 57 лет. В молодости печатался в журналах «Советский воин», «Юность», «Аврора», «Север». Тогда же вышли три книжки рассказов: «Всего хорошего», «Выпадет снег», «Просто дорога».

Николай Кучмиде

ТРИ РАССКАЗА

1. ТЕИЗМ

Поезд остановился

Из окна тамбура, из оторванной форточки, был виден узкий, как вставленный в рамку, прямоугольник неба. Голубой и неподвижный.

Коля курил. Дым, плавая, подбирался к рамке, переползал через её порог и от неожиданности замирал. Потом делал рывок и таял.

Поезд шёл почтово-багажным, то есть не торопился. Пассажиры его привыкли подолгу стоять в тишине у Сизьмы, похожей на сироту, у Сямжи, похожей на Сизьму... И вот он снова остановился. В девятом, общем, вагоне уже никто не спрашивал проводника, строгую тётку с озабоченным крестьянским лицом: сколько будем стоять? Ответ знали: сколько надо, столько и будем.

Коле было двадцать два года. Он отслужил армию, поступил в институт. В тот институт, о котором думал ещё до армии. Экзамены позади. Он принят. Через месяц он вернётся в Москву, начнётся интересная жизнь. И ему захотелось увидеть, как далеко-далеко, впереди поезда, загорится «зелёный».

Коля потушил сигарету, прошёл по всему вагону и высунулся в открытый проём рабочего тамбура.

Проводница снизу, с насыпи, внимательно оглядела его: скромного, молоденького, в светлой рубашке. А Коля спрыгнул и набрал полные туфли песка. Он потряс ногами, выкидывая песок сквозь дырочки туфель, переступил на твёрдое место.

— Студент, что ли? — спросила тётка.

— Да, — улыбнулся Коля.

У него была запоминающаяся улыбка: добрая, неуверенная, слабовольная. В молодом человеке с такой улыбкой есть или должно быть что-то ещё чистое.

Подошла проводница десятого, плацкартного. В одной руке — свёрнутый жёлтый флагок, в другой — кулёк с малиной.

— Угощайся, Маруся.

Тётя взяла двумя заскорузлыми пальцами крупную перезрелую ягоду. На пальцы из дырочки ягоды брызнул сок.

Коле тоже захотелось малины. Захотелось взять из кулька тоже одну ягоду, положить в рот. Почувствовать сладкий знакомый вкус, почти забытый за годы службы, они прошли для него по горло в снегу.

Малина...

Лицо Коли, а, может, глаза могли выдать его. Он знал это. «У него на лице всё написано», — это о нём. И, проглотив слюну, он тактично полуотвернулся.

Проводница плацкартного сказала, что малину продаёт старуха у передних

вагонов. С другой стороны поезда. Коля поднялся в тамбур, открыл противоположную дверь и спрыгнул.

Другая сторона была спокойной равниной в покачивающихся колокольчиках, ромашках, метёлках светлого ковыля. По краям равнину обступал редкий еловый лесок. Дальше проглядывала деревня. А за ней и ещё за одним полем синел настоящий густой лес.

Коля хотел сбежать по крутой насыпи. Но, запнувшись ногу за ногу, он упал и так и скатился. Внизу, на траве, вскочил, кое-как отряхнулся. И побежал...

Он бежал вдоль состава к одинокому домику. Там, окружив крылечко, стояли полуодетые люди. А один, в майке, сидел прямо на насыпи и смотрел вдаль, поверх дома, ельника и деревни. И всё это: и толпа галдящих полуодетых людей, и старушка в белом платке с корзиной малины, и синий далёкий лес, и трава, и сухая высокая насыпь, — омывалось огромным, голубым и неподвижным. И Коля остановился как вкопанный.

Мама Коли верила в Бога. Но, живя среди атеистов, говорила о Боге понизив голос, чуть ли не шёпотом. Она говорила: «Бог — это всё, что в тебе, и всё, что вокруг тебя. Будь внимателен, Коля: Он рядом. Бог всегда прямо перед тобой». С рассыпанными ветерком волосами, в выехавшей из брюк рубашке, растерянный, Коля, не отрываясь, смотрел на увиденное. Стоял и смотрел.

...Длинно, негромко всплыл и вытянулся гудок. Люди, как по команде, отвалили от дома, стали карабкаться вверх, к вагонам. И тот, в бледной застиранной майке; тот, который сидел прямо на насыпи и видел синий далёкий лес, — тоже встал, отряхнул штаны, залез на подножку.

Остался маленький аккуратный домик. Вокруг дома покачивались колокольчики, ромашки, метёлки светлого ковыля. Покачивались, покачивались... А справа дыбилась опустевшая насыпь с тёмным, странно торчащим обрубком поезда.

Состав передёрнулся, заскрипел, пошёл. Коле закричали. Он медленно повернулся. И все увидели, что его лицо, до этого общительное, приветливое, стало каким-то другим. Взрослым. Чужим. Не пассажирским. Кричать перестали...

Равнодушно и неторопливо — как будто он местный житель, как будто он родился и вырос тут, и, значит, это была его родина — Коля равнодушно и неторопливо поднялся по насыпи к уходившему поезду. Уходившему без него.

Уходившему прочь. Уходившему, набирая скорость. Уходившему, уходившему, уходившему...

Бежали перед глазами светлые полосы на вагонах. Скользили подножки. Он приготовился... Приближались поручни какого-то вагона. Приблизились. Подошли ещё ближе. Сравнялись. Он схватился за них, повис. Его резко втянули в тамбур.

Опрокинутый на спину, лёжа на грязном полу, Коля поднял голову... Слабо, неверяще улыбнулся. Точно в свой!

Тётка, больше похожая на колхозницу, чем на проводника, — это она втащила рывком, за шиворот Колю — знакомая тётка, стоя боком в проёме тамбура, держала в вытянутой руке флагок. Держала его, как держали его сейчас все проводники поезда: высоко.

Зачем высоко? Так положено.

Чтобы тот, кому надо, видел: в общем вагоне все на своих местах, и все пока живы-здоровы. Хотя бы на этот год. На этот летний день. На эту минуту.

Сам флагок ни о чём не ведал и, как все атеисты, к счастью для них, ничего

такого не понимал. Он был обыкновенным флагжком. Но, будучи обыкновенным флагжком: маленьким, жёлтым, замызганным, — он мелко-мелко трепетал на огромном, голубом и неподвижном.

1969 г.

2. ПЕРЕСТАНЬТЕ СТУЧАТЬ

До закрытия «Фотографии» оставалось минут двадцать-пятнадцать. Людмила Петровна вымыла руки. Закурив папироску «Север», вышла на крыльце ателье.

Лето было тёплое, но не душное. Особенно легко дышалось по вечерам.

Она заметила, что на неё обращают внимание. Скорее, не на неё, а на юбку. Длинную, строгую, сшитую по довоенной моде. Проходивших мимо крыльца могла удивить и белая блузка: с чёрной «бабочкой» и широкими рукавами. Тоже по довоенной моде. Это был рабочий костюм Людмилы Петровны.

Стоя на высоком крыльце, она подумала, что люди на тротуаре с поднятыми к ней подбородками похожи на демонстрантов. Глядя на них сверху вниз, она слегка усмехнулась.

Скрипнула дверь. Закончив проявлять последнюю плёнку, на крыльце вышел Бессонов. Теперь они вместе принимали то ли демонстрацию, то ли парад.

— Опять куришь, Люда?..

— Отстань от меня.

Людмила Петровна ещё не забыла: утром она фотографировала двухлетнего мальчика с мамой. Она усадила их в кресло, и мама, оцепенев, уставилась в объектив. Людмила Петровна старалась привлечь внимание мальчика. Тот отворачивался от камеры и, всем тельцем выгибаясь в руках матери, рвался на улицу. Мама, забыв обо всём, не мигая смотрела вперед.

В это время пришла женщина в жёлтом платье. Потребовала свои снимки. Людмила Петровна пересмотрела всю пачку, нужных снимков не оказалось.

Бессонов работал в фотолаборатории, оттуда сквозь щель пробивался красный свет. Людмила Петровна грубо постучала. Щёлкнул выключатель. Дверь приоткрылась. Бессонов, сошурясь, высунул голову.

— Где женщина в профиль? Вылезай, иши, пьянь несчастная!

Снимков нигде не было. Бессонов, наверное, сгреб их в ведро с обрезками и засвеченной бумагой.

Людмила Петровна вышла к женщине. Та недовольно поджала губы. Людмила Петровна сдержанно извинилась.

— Зайдите, пожалуйста, завтра.

Уходя, женщина хлопнула дверью.

Людмила Петровна вернулась к мальчику. Малыш ёрзal, хныкал, его раздражал яркий свет. Людмила Петровна ласково улыбнулась:

— А где би-би? Во-он би-би. Би-би!..

Мать малыша неприязненно взглянула на неё:

— Ладно уж, фотографируйте.

Людмила Петровна быстро отошла от них, встала за камеру. Уменьшенное объективом лицо этой женщины показалось ей похожим на лицо той, в жёлтом платье, хлопнувшей дверью. Такое же озлобившееся. Людмила Петровна сбросила с головы чёрную тряпку, вызвала Бессонова. Сама спряталась в лаборатории. Здесь было темно, тихо. Она закурила и сидела, пока не вернулся Бессонов.

— Опять куришь, Люда?..

Глядя без всякого выражения на идущих мимо крыльца, Бессонов тихонько что-то насвистывал.

— Прости, Бессонов.

— О чём ты, Люда?..

Замок запирала Людмила Петровна. Попрощавшись, Бессонов зашаркал к автобусной остановке. Небритый, в войлочных тапках.

Людмила Петровна с работы и на работу ходила пешком. Шагала она крупно, резко, ни к кому не присматриваясь, обходя зигзаги очередей, неожиданно возникавшие у киосков, лотков. Её толкали. Дышали в затылок. Крутились обрывки фраз. Людмила Петровна входила в привычный ритм; лицо её суворело, отрешалось.

Дойдя до знакомой арки, она свернула в замусоренный тупик. Здесь она и жила: в коммуналке вытянутого одноэтажного дома, шумного, как барак, и похожего на барак. Никем не запирающийся на ночь.

Сон был коротким: кто-то мягко, стремительно поднимал её вверх. И вдруг разжал руки. Обезумев от страха, она понеслась вниз. Ударилась о матрац, о его качнувшиеся пружины. Вздрогнула. Открыла глаза.

Стучали в дверь кулаком.

Отбросив край одеяла, босая, в рубашке, она побежала к двери. Слабенький крючок дёргался. Казалось, он выскочит из кольца. Людмила Петровна поднесла пальцы к вискам и закричала что было силы:

— Перестаньте стучать!

За дверью стихло. Мужской голос потребовал:

— Надька, открой, это я.

— Здесь нет никакой Нади. Вы ошиблись.

Она не узнала свой голос, охрипший от крика. Там, в темноте за дверью, чиркнули спичкой.

— Чёрт! Извиняюсь.

Взвизгнув, сорвалась с петли ржавая проволока. Звякнула об пол. Входная дверь с треском захлопнулась.

Людмила Петровна легла, подтянула к подбородку одеяло. Её трясло. Она потянулась к столу, где лежали папиросы... Но почувствовала укол. Не острый, иголкой, а будто сквозь сердце была когда-то протянута нитка, и вот задели, потрогали эту нитку. И потянули... Дыхание стало замедленным, осторожным. «Ничего, это пройдет. Это пройдет...» — успокаивала себя Людмила Петровна.

Около часа она пролежала не шелохнувшись. Боль уходила... Чуть осмелев, Людмила Петровна дотянулась до папирос, закурила.

Начинало светать. Занавески из плотной ткани, казавшиеся в темноте непроницаемыми, позеленели. Комната нехотя пропустяла полузнакомым снимком, лежащим на дне ванночки. Дым от папироски плавал, свиваясь, под потолком... Словно кто-то пришёл, начертал букву «е» и ушёл.

Людмила Петровна лежала с открытыми глазами. Как глупо приходится доживать...

И снова приснилось: она была так слаба, что не могла поднять руку, постучать в стенку соседям. Наконец, постучала. Пришли. Она тихо сказала: «Скорую».

В тупик, плавно покачиваясь, въехала и остановилась машина с красным крестиком. В комнату вошли санитары. Переложили её на носилки. Шофер открыл большую квадратную дверцу. Носилки поставили передними ручками на край металлического пола и вдвинули. Она пришла в себя на койке, в палате.

Увидев белый высокий потолок, с облегчением вздохнула. На душе было горько и пусто, как после слез.

Показалась медсестра:

— К вам пришли.

— Ко мне?..

По коридору неторопливо зашаркали. В палату вошёл Бессонов. Небритый, в клеёнчатом фартуке, в тапках. Хорошо, что он был такой: небритый, в рваных тапках, в клеёнчатом фартуке. В одной руке зажато несколько чистеньких маргариток. В другой — чёрный пакет из-под бумаги 9 на 12. В пакете, догадалась она, снимок женщины в профиль.

Она отложила пакет на край койки, взяла маргаритки. Прижала к лицу. Прижала так, словно хотела вдавить в кожу. Пакет шлёпнулся на пол.

...Людмила Петровна открыла глаза, села. За стеной у соседей звенел будильник. Значит, семья. Ночь прошла. Пора на работу. Помедлив, она с недоверием посмотрела туда, куда только что шлёпнулся чёрный пакет. На полу лежала пачка «Севера».

Через час Людмила Петровна вышла из тупика, свернула на улицу. Жизнь не спешила продлиться. Утро было ещё холодным. Тротуар — ещё чистым. Подпрыгивали голодные воробыни.

1969 г.

3. ЗИМОЙ РАНО ТЕМНЕЕТ

Кресло стояло у подоконника. Оно было высоким, а подоконник низким. Садившийся в кресло поворачивал голову и смотрел в окно. Он видел знакомый квадрат занесенного снегом двора и несколько зимующих взрослых деревьев. Может быть, десять; может быть, двадцать...

Когда человек устраивался в своём кресле, было ещё светло. Белый квадрат пересекали две узкие, но отчётливые тропинки. Они сходились в центре двора. По этим тропинкам пробегала собака... Проходил человек...

Спустя час или два начинало темнеть. Верней, наступали сумерки. Для небольшого садика, или сквера, или беспрizорного парка они были, возможно, лучшим временем суток. Полотнища снега, размеченного пересекающимися тропинками, утрачивали белизну дня, голубели. Прямые стволы редко посаженных деревьев чернели.

Ещё через час или два внутренний двор как-то сникал, становился жалким, ненужным. И, видимо, от сознания своей обречённости, прятался внутрь себя, источая, как запах, беспросветную меланхолию. Длинные тени на синем холодном снегу исчезали. Исчезали, замазывались тропинки. Человек, пересекавший стёртый, размытый квадрат, был уже без лица. Как деревья, среди которых он проходил, он казался одетым во всё чёрное. Вместо лица — пятно.

Садившийся в кресло старик...

Старик, садившийся в кресло...

Одинокий старик, занимавший своё любимое место у подоконника — не столько любимое, сколько привычное — не думал о том, что вот если бы он был художником, то как-нибудь он обязательно нарисовал бы и этот снег, и эти деревья...

Нет.

Если он о чём-то и думал, глядя в окно, то совсем о другом. Скорее всего, о том, что жизнь, в общем, прошла. «Как ни странно...»

А, может быть, и об этом не думал. А, глядя в окно, просто глядел в окно.

И видел пустой, зажатый домами двор, заметённый снегом, и несколько взрослых невесёлых деревьев. Десять-пятнадцать молча стоящих, как онемевших, деревьев. Белый квадрат пересекали две узкие, но отчётиевые тропинки. Они сходились в центре двора. По этим тропинкам пробегала собака... Проходил человек...

Состояние или ощущение странности, даже растерянности, которое испытывал, глядя в окно, старик, происходило по той причине, что он слишком поздно — позже полуупрятанного, полуположенного — обратил внимание вот на что: на краткость человеческой жизни. На то обстоятельство, что в сокращенном виде выражается простенькой фразой: «Время летит». Да, зимой рано темнеет.

Нетронутые полотнища снега, размеченного пересекающимися тропинками, уже утратили белизну дня. И поголубели. Еще позже они слегка посинеют. А крепкие прямые стволы деревьев слегка покернеют. Старик, опустив лицо и понурив плечи... Ближе к вечеру, опустив лицо и понурив плечи, старик...

Ближе к вечеру, опустив лицо и понурив плечи, внутренний двор глубоко задумается о предстоящем для старика. Погружаясь в себя, как уходя куда-то от старика; уходя и проваливаясь, медленно проваливаясь в тихую, еле слышную музыку. Строгую, мрачную. Гениальную. Человечнейшую...

Проваливаясь в неё, отрешаясь от всяких тропинок, от окон всяких домов, от собак, от людей...

И прощаясь со стариком.

Во дворе и вокруг двора наступала ночь. День кончился. Шла зима. Зимой рано темнеет.

Старик встал и включил свет: захотелось чаю. Со стариками такое бывает.

Он видел и понимал, что день кончился, что приблизилась ночь. Он был в здравом уме, согласившимся с очень многим. С тем, что время летит... Что жизнь прошла... Что он старик, обыкновенный старик.

Всё это видя и понимая; согласившийся даже с тем, что он видит и понимает не всё, он решил без обиды на жизнь, на людей, на исчезнувшие тропинки, попить чаю. Решил просто попить чаю. Крепкого и горячего.

Что и неторопливо сделал...

Мысленно произнеся перед этим давным-давно и само собой разумеющееся: «Попей со мной... Господи, разреши мне попить с Тобой чаю».

А потом старик выключил свет. И снова стало темно. И за окном, и на кухне. На кухне темнее, чем за окном. За окном немного светлее... Но день кончился, предстояла ночь.

Зима продолжалась...

И старик зажурил сигарету.

Он по-прежнему сидел в кресле у подоконника. Кресло было высоким, а подоконник низким. И старик просматривался из двора, постоянно пустого. Проматривался двором с его голыми и, в сущности, одинокими, как старик, деревьями. Чёрными в темноте.

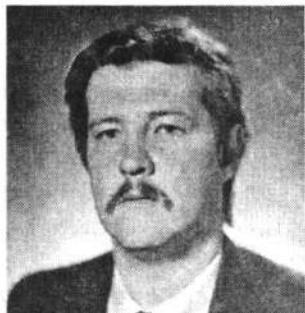
И хотя приблизилась ночь, деревья из тьмы тоже видели... Ещё видели знакомого старика. Вот он.

Смотрит на них из окна. Всматривается... Думая о них, о себе. О том, что с ним кончено. И что зимой рано темнеет...

Это он, их старик.

Морщинистое лицо. Усталые грустные глаза. Дешёвая сигаретка.

«Привет, старик!»

Александр Сидоренко

ДНЕВНИК ТИХОЙ ДУРОЧКИ

I.

Меня пересадили на заднюю парту. Не понимаю, за что. А после уроков Любовь Васильевна оставила меня в классе и затворила за нами дверь. Она усадила меня перед собой и долго молчала, делая вид, будто что-то ищет в журнале. Потом она как-то громко захлопнула его, решительно посмотрела мне в глаза и выдохнула:

— Знаешь... — и снова начала отгибать уголок журнала. Я смотрела ей в лицо, искала глаза:

— Что, Любовь Васильевна?

Она отодвинула журнал:

— Таня... Ты сегодня ничего не поняла?

— Нет, — мне стало и страшно, и стыдно, будто за мной подсматривали в уборной.

— Таня... Тебе что-то нужно от Александра Петровича?

— Что нужно? Нет, ничего...

— А зачем ты смотришь ему в глаза во время урока?

— Так нельзя? Я думала, так надо.

— Он, — Любовь Васильевна замялась, — как бы этот тебе сказать... ему немножко неуютно. Ну, не по себе, когда...

— Когда я смотрю ему в глаза?

— Да.

— Я не буду. — Любовь Васильевна кинула мне в лицо какой-то странный взгляд:

— Не будешь?

— Не буду. Я думала, чтобы понять урок, надо смотреть в глаза.

— Урок? — Любовь Васильевна усмехнулась и стала оглядывать меня: грудь, лицо, волосы. Потом долго разглядывала мои пальцы и — зачем-то — свои. И молчала. Нехорошо молчала.

— Можно мне идти? — мне хотелось поскорей уйти, очень хотелось.

— Таня... — она накрыла своей ладонью мою руку, — ты посиди... там ну, с месяц. И, если можешь, пожалуйста, не смотри на Александра Петровича. Нет — что я — ты, конечно, смотри, но не так... не всегда.

— Он на вас через месяц женится? — спросила я.

Любовь Васильевна отдернула руку, как-то вся — от улыбки до ног — перекосилась, а лицо ее пошло красными пятнами.

— Ты... С чего ты?.. Да откуда?.. Ты кому-нибудь?.. — Я спросила:
 — Что — кому?

Она медленно отряхнула с себя смущение, шумно вздохнула, встала, достала фланкончик с духами и стала водить подушечками пальцев по горлу. А потом тихо засмеялась и сказала:

— Ладно. Тебе-то уж никто не поверит. Иди.

II.

В глаза смотреть нельзя. А я смотрю. По-другому никак. Когда не смотрю — не понимаю. Не того, что говорят, а зачем говорят. Вот Александр Петрович. Он говорит много: и о цифрах, и о законах, и об орбитах, и о планетах, но когда говорит — молчит (я это вижу): в глазах пусто и неинтересно. Ему это не надо. Зачем тогда говорить? Если ему не надо, значит, нам тоже. А глаза у него хорошие — легкие. В них хорошо смотреть — я там отдыхаю, и мне все понятно, даже то, что ему неинтересно. И он на меня хорошо смотрит, только странно: когда смотрит на других, то говорит быстро и размахивает руками, а на меня — потише, как-то плавно... И руки успокаиваются. И я понимаю, что он уже не о планетах говорит, а о чем-то другом. И ему теплее становится, и не нужны ему эти планеты, а что-то другое нужно, чего не хватает. И себя он обманывает, когда смеется с классом и на доске чертит. А когда на меня смотрит — не обманывает. А вчера он странно пошутил: «Земле, — говорит, — давно пора уж на орбиту Меркурия». Зачем? Ведь там жарко — мы сгорим все.

Теперь на него смотреть нельзя, даже с задней парты — я обижу Любовь Васильевну.

III.

Сегодня Любовь Васильевна вызвала меня к доске. Никогда не вызывала, а сегодня вот — на тебе. И ребята зашуркуались и заерзали, словно обрадовались чему-то. А Виталик Дронов развалился за столом и почти пропел: «О, где же, где же мой монокль? Театр уж полон...» А Леша Цынин посмотрел так, будто я уже умерла и это для него ужасно, и для чего-то повел рукой у моего локтя, будто хотел к доске проводить. Он добрый. Свою контрольную под копирку сделает — и мне передает. Или шепчет: «Девч-О-нка, после Ч — О». Только зря он — я и сама.

Любовь Васильевна на меня не посмотрела, а только сказала: «Так, Неволева, расскажи нам о братьях Кирсановых».

Я рассказала. И о Николае Петровиче, и о Павле Петровиче. О том, что они добрые и их жалко. И что с ними приятно, даже там, в книге. И я бы хотела сидеть с ними на террасе, пить чай и никуда не спешить.

Любовь Васильевна сначала молча слушала, а потом вдруг рассердилась:

— Таня! Они же пустые, они же ни-че-го не делают. Они же и не мужчины вовсе, а тряпки какие-то. Самовлюбленные, вялые... А вот Базаров, — она взглянула мне в глаза. — За кого бы ты хотела выйти замуж: за бойца, который защитит тебя, или за одного из... этих?

Я сказала, что не хочу за бойца, что он быстро погибнет, и я останусь одна, что бойцы грубые и от них плохо пахнет, и что они любят только себя.

Все страшно расшумелись. Леша Мослов крикнул на меня: «Сама ты плохо...», но почему-то не договорил. Лена Маликова вскочила и закричала: «Эта Фенечка будет жить на деньги Николая Петровича, а бегать по ночам к тому же

Базарову, как...» Тут она вдруг осеклась, уставилась на Любовь Васильевну и стала тонуть в общем шуме, сползая чуть ли не под парту. Они в этом гвалте с полминуты смотрели друг на друга, причем чем больше краснела Любовь Васильевна, тем бледнее становилась Леночка.

Шумели долго, но к концу урока устали, и в классе стало тихо, как на поле боя после битвы (какое красивое сравнение я придумала).

— Что ж, Таня, — наконец сказала Любовь Васильевна. — Спасибо за проблемную ситуацию. Садись.

Леша Цынин спросил:

— Какая Таня оценка?

— Оценка? А оценку ей поставит жизнь, — Любовь Васильевна произнесла это как-то с высоты, значительно, чуть подняв свой красивый подбородочек. Она, кажется, сама себе сейчас нравилась.

IV.

Моя кровать стоит у окна. Занавесок нет — я их сняла и убрала в шкаф. Они мешают. Мне кажется, что они сами переползут ночью по струне и закроют от меня небо и деревья.

Зимой, когда деревья голые и туч нет, я стараюсь подольше не спать и смотрю в окно. А там звезды. И ничего больше. Небо и звезды. И так хорошо, будто я была там. Я лежу и вспоминаю, как это было, когда я там была. И не вспомню — а приятно и легко делается. Как у бабушки в деревне, на лугу. Хочется вдохнуть весь, весь этот воздух с запахом ромашек и леса, вдохнуть — и не выпускать из себя. И так навсегда — в одном вдохе.

А сегодня мне ночью сон приснился. Станный. Вокруг черным-черно, а на краешке сна, где-то справа, — наш Александр Петрович. И это уже не краешек сна, а какая-то черная, угловатая планетка. А он сидит на куске базальта, положил локти на колени и ладонями обнял подбородок. И смотрит куда-то. А вокруг него рассыпаны звезды. И вдруг из этого «куда-то» я появляюсь. Вся в белом. Нет, в бело-голубом. Так легко... А он видит меня и начинает подниматься, и руки назад отвел, будто прыгнуть хочет. А я кричу ему: «Не смотрите на меня — вам нельзя!» А он отталкивается от планетки и ко мне плывёт. И мне хочется, чтобы он рядом плыл. Тут что-то бахахнуло. Гроза. Надо же — начало ноября — и гроза. Жалко. Досмотреть бы. Так хочется. Нет, теперь уж не доснится.

V.

Недавно у нас была суэта: папа снял со счета в банке 20 тысяч рублей. Сначала он был ужасно счастлив и горд. Он открыл дверь и на вопрос мамы: «Ну?!» посмотрел на нее как-то очень свысока и сам стал будто бы выше себя ростом. Потом, ни слова не говоря, медленно разделялся, прошел в кухню, еще раз обвел нас всех взглядом и широко распахнул пиджак. А потом вынул оттуда, из внутреннего кармана, расстегнув пуговицу на нем, две тугие, похожие на деревянные чурочки пачки денег. «Двадцать лимонов...» — сказал он и довольно усмехнулся. Мама охнула и радостно растерялась, а он кинул их на стол и гордо бросил: «Так-то».

Потом все забегали: мама закружилась возле плиты, гремя чайником; я зачем-то стала доставать посуду из серванта, но не знала, куда ее поставить, и кружилась на одном месте; папа тоже занервничал: стал шумно рыться в холо-

дильнике. И вдруг мы разом остановились: мама с полотенцем, я — с чашками, папа — с батоном колбасы и не допитой еще с моего дня рождения бутылкой водки... Так мы и стояли вокруг стола, на котором лежали деньги, и боялись поставить что-то рядом — все прочее было недостойно, а они одиноко и гордо лежали на потертой клеенке.

А к вечеру папа совсем издергался и — одна за другой — курил свою противную «Приму», звонил кому-то, спрашивал, то приятным и вежливым голосом, то важным и снисходительным. И снова мучился: «Да, лучше в баксы... — а потом: — Нет, лучше в банк». И еще потом, словно отвечая себе самому, показывал в окно широким жестом кукиш и шумел: «Ага — понес я — ждите-с», — и называл кого-то «козлом» и еще обидней. Хватал калькулятор, убегал на кухню и снова хватался за телефон.

К вечеру он вконец измучился и затих в кресле.

Я подошла к нему, села рядом, посмотрела в глаза и спросила: «Мы ведь богатые. Давай купим собаку. Большую. Лохматую. Она будет с нами жить, будет любить нас. И мы будем ее любить». Я положила ему на ладонь свою голову (я люблю засыпать так: моя щека у него на ладони) — совсем как собака. «Она будет встречать нас и ждать. И у нее будут щенки — такие маленькие, как комочки...» Я улыбнулась и замолчала.

Он сказал: «Собаку... Да-да, конечно, собаку... Собаку...» Потом встал, поцеловал меня в щеку, взял за подбородок, посмотрел в глаза и еще раз сказал: «Собаку...» Оделся и ушел.

А пришел поздно вечером, тихий, нет — бесшумный. Надел тапочки, прошел мимо меня к себе и что-то долго рассматривал в лупу (странны, у нас никогда не было лупы) и пожимал плечами: «Черт его... А может...»

Он купил доллары. Теперь у нас дома завелось новое слово. Оноказалось страшным, большим, важным. Все остальные слова как-то побледнели и смутились. А это слово было главным — я это чувствовала. Его произносили с маленькой паузой и не часто. Но оно всегда было здесь и смотрело на нас откуда-то отовсюду. И даже потолок стал как будто ниже. И мама стала смеяться реже. А папа приходит после работы, сразу проходит в кабинет, открывает томик О. Уайльда и минуты две смотрит на одну страницу. Там у него доллары. Мы с мамой знаем, где они, но ни разу книгу в руки не брали, даже когда папы нет — нам почему-то страшно.

А собака... Какая собака. Мама говорит, что я уже большая, но при этом гладит мои волосы и смотрит на меня так, будто сама хочет доказать себе это. Большая... Мне 16, я в десятом... Нет, что-то не сходится. В десятом девочки уже не хотят собаку. Хотят чего-то другого. Они нарядные, чистенькие.

И в школу они ходят не учиться. Они застыгают за партами так, как в маминых журналах красивые девушки. Да-да, так похоже! А на переменах мне кажется, что эти девушки из журналов снимаются в кино и боятся, что что-то не так сделают и их прогонят.

Недавно Соня Петрова вышла читать наизусть монолог Катерины. «Почему люди не летают?» И чем дальше она читала, тем больше я убеждалась: да, люди НЕ летают, так и должно быть — Соня убедила меня в этом: не надо летать людям, пусть они открывают книги и неподвижно смотрят в них. И собак тоже не надо.

А потом читали Вика, Маша. Они тоже не летали. А Виталик делал вид, что переполнен печалью и страданием. Он горестно простирая руку вперед и, в такт

чтению девочек, трагически ронял голову на грудь. Все хихикали — у него хорошо получается — и даже те, кто рассказывал. А Любовь Васильевна все видела, хотя опустила голову (она всегда все видит), и тоже чуть-чуть посмеивалась. Послушать бы ее.

А меня она к доске не вызвала. Почему?

VI.

У нас дома два зеркала: в прихожей, большое, и маленькое, в пластмассовой рамочке — у мамы в спальне. Я не люблю их. А скорее — боюсь. Поэтому стараюсь скорее снять куртку, ботинки и уйти. Зачем отражение: я и так все вокруг вижу, своими глазами. Зеркала придумали, чтобы смотреть на себя, чтобы любить себя, особенно когда других не любишь. Наверное, так. Но ты один, а когда смотришь в зеркало, получается, что уже и не один, а двое. А так не может быть, это страшно.

Когда наша Руся была еще котенком, я, шутя, поставила ее перед зеркалом. Она *не поняла*. Она приняла себя за чужого. Била его лапами, удивленно обнюхивала и трогала. А потом забилась в угол и тихо мяукала — не понимала. И с тех пор она встречает нас, не доходя до зеркала, и не смотрит в него никогда. Наверное, охраняет себя от непонятного, чужого, лишнего.

Когда мама становится у зеркала, она тоже делается чужой. Глаза — не мамины: вместо вечной озабоченности — надменность и какая-то гнущая, двусмысленная улыбка. Так женщины не смотрят на женщин. Она будто примеряла лицо. Почмокает губами, выдует их в трубочку, зачем-то раздвинет рот ниточкой. А папа... Мой добрый папа. Он суровит брови, воинственно играет желваками. А когда натягивает перчатки — мужественно сжимает руку в красивый кожаный кулак. И поднимает воротник уголочком, отчего его плечи становятся покатыми, сильными. А ведь он совсем не сильный — он добрый и тихий.

В школе девочки делают то же самое, но на каждой перемене. И потом их отражения сидят за партами, а через урок они бережно их поправляют. Нет — подправляют. Однажды Слава Юшин хмыкнул около Вики, которая уже додела свое отражение и собралась отойти от зеркала. Что было! Лицо ее вдруг скосилось, около правого глаза сбились злые морщинки, верхняя губа чуть дернулась, красавая улыбка треснула, а глаза из голубых на миг сделались стальными, даже чуть ли не белыми. Потом будто судорога прошла по ней — и все стало на свои места. Видимо, зеркало — это мечта. И когда ее обзывают...

Сегодня я решила увидеть себя. Когда никого дома не было, я включила в прихожей свет и стала себя смотреть. Это я? Здравствуй. И нас стало двое. Та, в зеркале, была ничего, наверное, красивая. А может — нет. Наш историк, Валерий Ксенофонтович, сказал, что красота — это целесообразность. У меня высокая грудь, не очень большая. На нее смотрят мальчики, и не только наши, но и из одиннадцатого класса. Видимо, она целесообразна, раз смотрят. Ноги... Ноги? Господи, что я делаю?! Я сняла платье и даже... и заглянула в себя так глубоко, как ни разу в жизни. И мне не было стыдно, мне было интересно. Ноги стройные, прямые. Это тоже целесообразно. На них тоже смотрят.

Недавно я дежурила — мыла полы в классе, а Виталик почему-то не ушел домой, а нет-нет, да и забегал в класс: то к доске — мел потрогает, то у парты суетится. А после вдруг прошел мимо меня и провел рукой по моему заду, провел медленно, нажимая руку. А когда я вздернулась и повернулась к нему, он оста-

новился и прямо, каменно посмотрел мне в глаза, чуть наклоняясь вперед, будто на что-то решаясь. Но не решился и ушел. А мне было странно и приятно. Значит, *это* у меня тоже хорошее, целесообразное.

Я всё рассмотрела у себя, всё. И много трогала, гладила, мяла. Неприятно не было. Но потом я посмотрела себе в глаза (до этого не решалась). И мне стало страшно. Это не я. Я не знаю её. Я не такая, как она.

Нет, на себя смотреть нельзя. Надо смотреть только изнутри. Тогда себе веришь. А в зеркале — себя делаешь, сравниваешь. С кем? С чем? Наверное, с теми, кто лучше всех. А я не хочу быть лучшей, я хочу быть собой. Я верю себе изнутри и вижу себя изнутри, тогда мне спокойно. Зеркало — мечта... Значит, у меня нет мечты... Но это не так.

Когда я умру, пусть на моей могиле не будет фотографии — это не я.

VII.

Промелькнула зима. Весна, грязная весна — с подтеками и сыростью. И я заболела. Это грипп. Всё как-то сразу, быстро. Утром еще все было хорошо, а сейчас, вечером, вся горю и сердце стучит и подпрыгивает. Была врач. Послушала, потрогала, пожала плечами — грипп, дескать, чё уж тут — все болеют. Выписала рецепты, посоветовала что-то — и ушла. К другому. Так же пожимать плечами и выписывать рецепты. Не люблю врачей. Они в глаза не смотрят, а как-то целиком тебя видят, или — еще хуже — по частям: пульс, давление, температура. Будто в папиной машине: бензин, масло и еще что-то. Починил — получил — забыл.

Я горю. Я люблю гореть. Это бывает так редко. Когда за 39 — приближается бред, но перед ним становится все очень-очень ясно. Мысли бегут страшно быстро, сплетаются в узоры. То, что было непонятно, вдруг, как ясная картинка, передо мной: четкая, с подробностями и подписью внизу.

Вот Любовь Васильевна у окна с Александром Петровичем. Она смотрит ему в глаза, а из глаз голубой поток. Она неподвижна, ей не оторваться, она меняет улыбки: ах, неужели? ах, вот как! прелестно! ну что вы, что вы... И рука ее колдует у его рукава, но тронуть боится. И подпись: *она его любит. Она его боится.*

Вот Александр Петрович говорит рукой. То подержит слово на ладони, потрясет им в воздухе, то резко бросит его на пол, так что оно зазвенит и разобьется. Или медленно тянет его от груди к поднебесью и отпускает — лети. Но он играет словами чуть наискосок от Любовь Васильевны, и они ее не задевают — рассыпаются и летят мимо. Он говорит не с ней — с собой. И подпись: *он её не любит.*

...Я над классом. Так здорово. Я вижу наши макушки и парты с раскрытыми книгами. И все ребята подо мной разноцветные. Парта Виталика и он сам — горячие, красные. Аля — пестренькая, как маленький лужок, неброская. Петя и Вовка — они даже не цветные, а колючие, но колючки зелененькие. Драчуны и задиры. Но когда Валерий Ксенофонтович рассказывал о древнем этруске Муцини, который говорил с врагами, положив руку в костер, я видела, как блестели от глубоких слез их глаза и как тяжело они их глотали. Они колючие, но нежные.

Вика — мохнатенькая и коричневая. Света — белая, с голубой искоркой. Она аристократка, её все боятся. Даже Семен Маркович — наш директор. Боятся — и сами не знают почему. А скорее — боятся узнать почему. Это, наверное, чтобы с собой не сравнивать. Света слова лишнего не скажет и не обидит никогда. Или всегда?.. Уже тем, что такая. Снежная Королева... Но только не меня. Мы с ней

из «параллельных миров» — не пересекаемся. Она это знает и смотрит сквозь меня, но всегда улыбается.

Леша Цынин — синий, однотонный, без примесей. Яна — золотая, как хрустящая обертка от карамельки «Золотой улей». Я... Я не вижу себя. Я здесь, в школе, за партой. Но я прозрачная, как будто меня вовсе нет. Вот мои учебники, тетрадь с круглым, катящимся почерком. Значит, вот я какая...

Любовь Васильевна. Она черная с желтыми прожилками. Странно, ведь она такая красивая. Почему же черная? Может, потому что я не люблю ее? Нет, почему я не люблю? Она мне, как все вокруг: просто есть.

Надо успеть записать: мама дала парацетамол — температура спадает, я возвращаюсь. Все — уже ничего не вижу. Все на месте: стены, дверь, Руся на ногах.

VIII.

Время затаилось. Когда болеешь, когда в постели, все движения вокруг замедляются. Медленно ползет за шторами (а мне их опять повесили) размытое пятно солнца: медленно течет шум машин; кошка медленно заглядывает ко мне в комнату, долго смотрит своими желтыми глазами, не спеша проходит по мягкому ковру. Почему-то, когда человек болеет долго, надо обязательно задергивать шторы и оставлять его один на один с полумраком, как в полумогиле. И нужно ходить по дому на цыпочках и говорить шепотом. Это обижает и тревожит — будто ты уже немного умер. А надо не так. Надо залить светом, включить телевизор с веселой передачей, рассказать что-нибудь смешное — дать понять, что все это случайно и скоро пройдет, а не хоронить заживо и не делать скорбные глазки «Ах ты бедненькая». Тогда и болеть не страшно. А я лежу уже два дня. И два дня меня хоронят.

...Странно. Вчера приходила Любовь Васильевна. Вот уж никогда бы не подумала. Что-то не так. Принесла апельсины, шоколадку и яблоки (надо в аптеках продавать такие наборы «Визит к больному». Я уверена — отбоя от покупателей не будет: не надо ничего придумывать — заплатил деньги, иди). Любовь Васильевна мило и заботливо поговорила с мамой, обещала, что все мне будут «помогать не отстать от программы». Сначала она выглянула из-за дверей — можно? Потом мягко прошла в мой склеп и надела улыбку «Мы о вас помним, больной» (их тоже надо продавать в аптеках). Рассказала о том, что проходят, что нового в школе, о веселом случае с пятикласской, проглотившем на спор пятирублевик, осведомилась (слово-то какое железное) о том, что и где болит. Посоветовала то, что прописала врач. Но приходила она не для этого. Ей нужно было что-то узнать. Что? Она быстро обежала взглядом комнату, остановилась на моей любимой иллюстрации «Сpirаль Галактики», побежала взглядом по стенам, столу — она делала у меня обыск. Что она искала? Потом попросила мой детский фотоальбом и, говоря вскользь какие-то опытные, светские фразы, искала и там. И среди моих кукол искала, и среди книг. Но, кажется, не нашла. Она попрощалась, пожелала выздоровления, но не сделала чего-то важного, правильного — я так и не поняла — чего. И в глазах у нее осталось недовольство, напряжение — что-то не состоялось. То, чего она хотела. Да — она искала и не нашла.

А после ухода Любовь Васильевны в комнату прокралась Руся. Вошла, оглядела все вокруг, покивала мордой, нюхая воздух, прыгнула ко мне на грудь и начала по мне ходить, смахивая что-то невидимое своим воздушным хвостом. Потом легла у самого лица и лежала с открытыми глазами.

...Я не умею грустить. И радоваться не умею. Вот так, как взрыв, как водопад. Я парю, теку, как медленная река. И медленно понимаю смешное. Недавно Маша Резуева пролила красную тушь на ИЗО прямо себе на новенькую юбку. Она заметалась, схватила тряпку, закружилась вокруг себя, как обожженная. Застыла на миг с тряпкой в руке и с плачем нестерпимой обиды упала на парту. А пятно так и осталось на юбке. Девочки засуетились вокруг неё, стали успокаивать, а Виталик так грустно, трагически пропел: «Наша Маша громко плачет, — и полушепотом добавил: — Залетела, не иначе». Все замерли. А потом тихо давились смехом: и девочки, которые только что утешали Машу, и мальчики — эти прыснули громче. Даже Алена Дмитриевна. Она подошла к Виталику и дала ему веселого подзатыльника, но в глазах были смешинки — «Ах ты, озорник». И ударила она его из чувства долга, по рабочей необходимости.

Только Света встала, посмотрела сквозь Виталика и Алену Дмитриевну и молча вышла из класса.

Я не понимаю смешного. Смешное всегда кому-то обидно.

...Пришел Александр Петрович. Да, что-то случилось: почему они оба — ко мне? Когда я услышала его теплый, насмешливый голос, я подумала, что сейчас умру. Только непонятно от чего: от счастья или от смущения. Или от того и другого. О чем-то они несколько минут смеялись с мамой, причем мама так смущенно и приятно смеялась — я такого смеха у нее вовсе не слыхала.

Он распахнул дверь, остановился, понюхал воздух и зловеще прошептал: «Пахнет скелепа паутиной, пахнет душной теплотой».

Я сжалась и ничего не поняла, но мне стало интересно.

А он вытянул руки вперед, полузакрыл глаза и начал, как слепой, медленно водить ими по комнате. «Откройте мне веки, верные слуги мои...» Это из «Вия» — я помню. Я еще больше вжалась в подушку, и мне стало еще больше интересно. А он басом протянул: «Вот она», открыл глаза, округлил их и тяжело пошел на меня, хищно шевеля пальцами. Я не знала, что делать, и вдруг вспомнила: «Кука-реку!» Он вздрогнул, руки его затряслись, задрожали, лицо исказила гримаса страдания, и мы... расхохотались.

«Привет, красавица! — (Меня ни-ко-гда так не называл). — Ты знаешь, а я тебя почти не вижу». Он подошел к занавескам и отшвырнул их в стороны и чуть приоткрыл форточку, приговаривая:

Нам не страшна могилы тьма,
Нас не смутит ее дыханье —
Бокалы дружно пеним мы...

Тут он на самый-самый миг осекся и продолжил:

— А я к тебе волшебником. Вот — смотри, — в руке у него вдруг возникли две черные, длинные, тонкие палочки. — Это свечи, но не обычные. Они из Индии, из Тибета, а может, с Марса. Сейчас я зажгу их — и ты все поймешь.

Он поставил свечи в маленький черный подсвечник, которые так же ниоткуда появился у него в руке, чиркнул зажигалкой — и по комнате тихо поплыл запах мира и покоя, запах чуда и улыбки. Он проникал в душу, и я невольно улыбнулась ему навстречу, забыв и о болезни, и даже о самом Александре Петровиче.

— Что это?

Он улыбнулся:

— Этого нет на свете. Это есть только у тебя. Это только для тебя. Это чудо. И я его посланник. Пока эти свечи горят, я буду здесь, но как только мелькнет

последний лучик, язычок огня — я исчезну... А теперь рассказывай, а я буду смотреть и слушать.

...Откуда он узнал, что у меня *столько* скопилось, что молчать уже трудно? И я, повинуясь этому волшебному приказу, стала рассказывать — обо всем. Сначала робко: о кошке, потом — обо всем остальном. Только о Любовь Васильевне не говорила. Я рассказывала, рассказывала, а он не смотрел на меня, а бродил взглядом по комнате, но я знала — он слушает. Когда ты говоришь, а тот, кому говоришь, кивает в такт твоим словам — он тебя не слушает, он ждет, когда ты закончишь, чтобы уйти. Ему это не нужно. А Александр Петрович слушал — я это поняла. Но одно было плохо: он не смотрел мне в глаза. А свечи уже догорали, и чудесный дым их сочился не так уверенно. И я спешила говорить как в бреду. Вот хвостик дыма задрожал — и последняя свеча погасла. Я замолчала. Александр Петрович поднес палец к губам — «Т-с» — и посмотрел мне в глаза, а потом нагнулся и еле-еле слышно поцеловал меня в щеку. Встал, задернул штору — растворился в полумраке и ушел, задержавшись ненадолго у картины «Спираль Галактики».

Какая чудная игра! Где я слышала эту фразу? Какая чудная игра. И вдруг мне захотелось жить: съесть сразу три бутерброда с копченой колбасой, взять Русю за лапы и заставить ее танцевать, бежать в школу, слышать, как щебечут девчонки и лавиной несется сквозь все на свете первоклашки. Ах, как мне захотелось жить! Он волшебник. Он был Вием — болезнью — и заставил меня прогнать ее. Он понял, что болезнь моя — это много-много слов, скопившихся во мне, как нарды. И теперь нет этого нарыва. И еще... Ах, вот что не доделала Любовь Васильевна — она меня не поцеловала. Она не могла. Это и есть то самое... правильное.

IX.

Сегодня мне разрешили выйти на улицу. Наконец-то. А на дворе весна. Все разжжено, расхлябано, расшаркано — короче говоря, РАС и РАЗ. Не погода, а нюни. И сплошь серый цвет с грязно-белыми пятнами. Не люблю раннюю весну.

Пошла к школе. Куда же еще? Только к школе. Ноги сами несут. Вот и она. Господи, как неловко, будто я чужая. Ведь всего десять дней прошло, а теперь смотрю со стороны — там уроки, там стихи читают, на досках пишут, а я здесь. Как преступница, как изгнаница. И ни в чем не виновата, а стыдно: я здесь, а они — там. Там — это на месте, где положено быть, даже если не очень хочется. Однажды Виталик болел с полмесяца свинкой, а когда его выписали, он пришел в класс за час до уроков и целый день никого не задирал, ни над кем не смеялся, а смотрел занскивающе и тревожно, а весь класс — тогда еще 6-Б — глядел на него свысока — «А, привет, привет». Как будто все знали что-то такое, чего не знал Виталик, и ему было за это стыдно. Так и мне сейчас. А завтра я буду «новенькой», на целый день. Это муравейник — и ты в нем муравьишко. Таскаешь целый день бревна-тростинки, туда-сюда, туда-сюда. Вымотался, устал, прогляя все. А как отложили тебя в сторону — отдохни — тянет обратно. Из подушек, из спокойствия, уюта — туда, где таскают бревна. Участвовать, только бы участвовать! В чем угодно.

Прозвенел звонок. Отдаленно, глухо, чуждо — надо спрятаться: я преступница, по крайней мере до завтра.

X.

Перед уроком литературы все были немного заведенными: Любовь Васильевна дала темы домашних сочинений. И сейчас их надо читать всему классу. Это задание, это обязательно. А темы-то! «Мой бог», «Ненавижу!» «Я и другие». И называются они «свободными»... Так тихо на уроке давно не было. Что же осталось в памяти?

ВИКА. «Мой бог — это моя комната. Там мягкий ковер, пушистые игрушки, перс Соня, магнитофон и маленький телевизор. Я хотела бы остаться здесь на всегда и никуда не выходить».

ЛЕША. «Мой бог — мой отец. И мне все равно, прав он или нет».

КОЛЯ. «Ненавижу Россию: болтуны, воры, лентяи, грязнули».

ВИТАЛИК. «Ненавижу, когда меня кормят с ложечки манной кашей — дайте, ну дайте мне кость с ошметками кровавого мяса!»

ОЛЯ. «Моей богиней была моя мама, но она умерла. А нового бога нет, и от этого холодно и пусто».

СВЕТА. «Как будет хорошо: я умру — и вы все исчезнете».

Я долго выбирала. Ненавидеть я не умею. «Я и другие». У меня нет друзей, и без них мне не скучно. Другие — сами по себе, я — сама по себе. Это не хорошо, не плохо — это просто есть. Писать тут не о чем. Мой Бог... Он где-то есть, я постоянно чувствую его присутствие. Спасибо Любови Васильевне — я впервые так отчетливо поняла, что он есть и зачем-то я ему нужна. И он знает, куда ведет меня. Я начала понимать это недавно, когда увидела в «Огоньке» иллюстрацию «Сpirаль Галактики», когда смотрела в глаза Александра Петровича, когда он приходил ко мне. Он — посланец Бога. Он что-то мне объяснил: то, что я пока не умею выразить словами, но начинаю понимать. Он не просто меня ведет, а уводит. В другой мир. В какой? Не знаю, но верю, что это правильно.

Я так и написала. Любовь Васильевна вызвала к доске всех, осталась я и пять минут урока. Но она тянула время: о чем-то рассуждала, оценивала, спорила, а краешком глаз следила за мной и часами. Когда не осталось ни минуты, Любовь Васильевна сделала паузу и сказала: «Теперь Таня». Но тут же прозвенел звонок. «Увы, — она разверла руками и указала на стол: — Сдавайте».

Света медленно подняла голову и посмотрела на меня. Уже не сквозь. А потом — также не сквозь — на Любовь Васильевну. И в Светиных глазах блеснуло что-то человеческое: она сейчас понимала что-то, чего не понимала я. Неужели она тоже не отсюда?.. Стоп. Это слово пришло само собой, я не думала об этом. Как это «не отсюда»? Не могу об этом думать — мне страшно.

XI.

Любовь Васильевна выдала сочинения, поставила оценки, объяснила наши ошибки «в области грамматики» — и забрала работы обратно. Но после того урока в классе тяжело, все замолчали, разбрелись по своим партам. Как это называется, «вооруженный нейтралитет», кажется. Такое ощущение, что все всех ненавидят. Это бывает, когда вытащишь из себя — самого, истинного, на ладошку положишь, над головой поднимешь — нате, вот он — я! А он уже и не твой, а всеобщий, голенький, понятный и скучный. И обратно его — себя самого — уже в душу не втиснешь: там живет только тот, кто никому не видим. Там его любят и кормят, и гордятся им. А мы все позавчера были нагишом — кто краше, кто плоше — но одинаково голенькие. И теперь нам стыдно. И мы злимся. Впрочем,

не все — я не злюсь. Мне все равно. Кроме того, я дурочка. Это я узнала сегодня, когда шла по рекреации на перемене.

Любовь Васильевна и Александр Петрович стояли там же, где и в тот раз — у окна. Он уже не жонглировал словами, а смотрел на облака, уложив руки в карманы. И молчал. Видно было, что говорить он не хочет и не будет. Пиджак у него застегнут, руки спрятаны — он все сказал. А Любовь Васильевна руками юлила вокруг него и что-то доказывала, убедительно тряся тетрадью: «Что вы делаете, она же дурочка...» Любовь Васильевна произнесла это так тихо, что могла услышать только я: я заметила свою тетрадь в ее руке.

Он не возражал и так же неподвижно смотрел в окно. Потом вдруг повернулся и ушел, а Любовь Васильевна осталась стоять с моей тетрадью в полупрятанной руке.

Я дурочка. Раз она так считает, то и все, видимо, с ней согласны. Я замечала: меня обходят и стараются не обижать, а когда заговаривают, то делают паузу, будто переключаются на другую программу, приспособливаются к другому уровню. Я дурочка. Для них? Видимо, да. А для себя — нет. Может, поэтому мне и не обидно, не страшно. Для себя ведь — нет.

А для Александра Петровича?

XII.

Что-то должно произойти. Или уже произошло? Нет — должно. Все еще не на своих местах, тлеет глубоко-глубоко. Так на чертовом колесе: медленно, медленно вверх. Все больше захватывает дух. Уже высоко, уже страшно, а оно еще тянется выше, выше, выше. Так и сейчас. Всё еще только тянется, но оно не на вершине.

А вокруг — ничего особенного. Ходят прохожие с пакетами. Деревья высоки от тумана и измороси и будто потягиваются, просыпаются. Даже видно, какие они живые, как улыбаются в предвкушении тепла. Небо в ключья разорвано обрывками облаков. И ветер сегодня впервые откровенно теплый. И во всем одно чувство: все впервые! Будто над всем реет хороший, быстрый, добрый флаг и плещет по ветру... Но не так. Мне не так. И не только мне. Я будто попала между двух машин, летящих лоб в лоб и не умеющих уступить дорогу. Я ни при чем, но я между ними.

Ни-че-го не происходит. Вот уже неделя после того, у окна, откровения. Я ждала взрыва, драмы. Мне казалось, что Любовь Васильевна войдет в класс, сразу пройдет ко мне и наклещет меня по щекам, растреплет волосы и будет кричать и плакать, размазывая по лицу тушь и помаду. Но она входит в класс точно так же, считает нас взглядом и с легкой усмешкой кивает: «Добрый день, господа». И начинает свой очередной красиво закругленный, умный урок. Да, она умная и интересная. И не похожа на остальных учительниц ее лет. Они или усталые, или занудные. И во всем, что они делают, сквозит одно: скорее бы домой. А с Любовь Васильевной интересно. И домой она не спешит. Скорее, вообще не хочет домой.

Недавно я раньше обычного шла в школу. За полквартала от школы, недалеко от меня, остановилась большая черная машина, похожая на сильного, красивого зверя. Из нее появился господин лет 50, в тяжелом пальто, кожаном, длинном, и в белом шарфе. Он открыл заднюю дверцу, и я увидела Любовь Васильевну. Господин почтительно предложил ей руку, и она, механически опершись об

ней, вышла из машины. С минуту они прощались, причем господин смотрел ей в глаза и что-то приятно говорил, чуть кивая в такт. А она неподвижно слушала (она совсем не такая на уроках: живая, бойкая, как актриса на сцене). Машина уехала, а Любовь Васильевна, не оглядываясь, пошла к школе. И чем ближе была школа, тем более ожидала ее походка. И по ступеням поднималась уже совсем другая — знакомая мне — Любовь Васильевна, быстрая и сильная.

А Александр Петрович изменился. Нет — все в порядке — и планеты его летят, и формулы бегут, и рука хватает и разбрасывает над нашими головами слова — ловите! Но до меня он их не добрывает. Может, потому, что я перестала смотреть ему в глаза? Я не смотрю, давно не смотрю — я же обещала Любовь Васильевне. Упру взгляд в затылок Миши — и слушаю. А Миша стал оборачиваться и спрашивать меня удивленно и с опаской: «Ты чё?» Я — ничего. Он неуверенно возвращается и потом с минуту ерзает и приглаживает волосы.

Ничего не происходит. И все-таки происходит — нас все равно несет и несет вверх.

XIII.

Вчера я ходила к бабушке — она живет далеко, на другом краю города, в Простоквашино (интересно, кто первым так весело назвал этот район). Бабушка у меня не старая, но домашняя, похожая на большую кошку: движения мягкие, вкрадчивые, а голос убаюкивающий, успокаивающий. Мы ее в шутку называем Дрема Ивановна.

В прошлом году папа с мамой поссорились из-за пустяка: папа вернулся с работы не в духе и увидел, что мама трепетно смотрит «Жестокого ангела».

— Опять ваши постирушки, — бросил он с порога.

Мама вдруг вспыхнула — такого давно не бывало — и огрызнулась:

— Лучше смотреть «постирушку», чем быть ей при вашей персоне круглый год.

Они поругались немного, и папа уехал к бабушке — теще — в знак протesta. Собрал вещи, красиво хлопнул дверью — и уехал. И не звонил целые два дня. А потом вернулся весь размягченный, уступчивый, медленный, с конфетами и цветами и целый вечер встряхивал головой, будто старался от чего-то очнуться. Вот такая наша бабушка. У нее тихо, сонно и очень спокойно.

Я полулежала у нее на коленях, что-то смотрела по телевизору, а она перебирала мои волосы, расчесывала их большим костяным гребнем (как в сказке). Её мягкие пальцы касались моей головы — и я упльвала в полусне. С ней не нужно много говорить, рассказывать новости, тужиться, подыскивая слова, поддерживая беседу. С ней можно просто БЫТЬ. Пить чай на кухне, рассматривать в кресле большие дедушкины книги, старые знакомые фотоальбомы. И чувствовать мир вокруг и в себе. Она волшебница. И папа, и мама, и я это знаем. Знает, наверное, и она.

Когда я вышла из бабушкиного подъезда, я столкнулась с Александром Петровичем, даже чуть не уткнулась лицом в его куртку. О... Это «О!» вырвалось у нас обоих. И мы оба замерли, смотря друг на друга в глаза. Он очнулся первым: «Танюша, здравствуй! А где же твои отвратительные желтые цветы?» Александр Петрович улыбнулся в себя. «Какие цветы? У меня нет никаких цветов», — выдохнула я, ничего не понимая. «Ну, это я так, пошутил... Ты какими судьбами в наших краях?» — он говорил так приятно, улыбаясь.

— А вы здесь живете?

— Да, уже почти год. На третьем. Снимаю квартиру у приятеля. А ты?

— Я — к бабушке. Она тоже на третьем.

Он рассмеялся, но в смехе не было легкости:

— Значит, судьба.

Мы еще о чем-то говорили, но я не запомнила — по мне волнами ходило тепло и хотелось спросить о чем-то важном. Но я не успевала понять — о чем. И сейчас не понимаю. Но пока не пойму, спать не лягу. Не буду спать — и точка!

XIV.

Я снова пошла к бабушке. У нас дома такое желание не обсуждается. Мои не удивились, только переглянулись.

Когда мама каменно бросает: «Я к маме», мы с папой тоже переглядываемся, но все понимаем: курс лечения, на пару дней. Не звонить. Не стучать. Не мешать.

Итак, я вечером снова пошла к бабушке. Нет! Не к бабушке я пошла. Я пошла ждать Александра Петровича. Сколько я ни думала вчера — ничего не придумала. Это нормально — я же дурочка. Я ждала его у подъезда как часовой: никуда не прячась и не делая вид, что я здесь случайно. Ждала часа два никуда не отходя и с каким-то ожесточением. «Вот сейчас. Вот как сейчас!..» Что — «сейчас» — не знала, но это слово колотилось во мне: сейчас, сейчас, сейчас! Злое слово, тревожное.

Он вывернул из-за поворота, сразу увидел меня, быстрыми шагами подошел к подъезду, открыл мне дверь и только и сказал: «Проходи». Мы медленно поднялись на третий. Александр Петрович отпер, и я молча вошла в его дом.

— Разд... Танюша, вешалка — там. Позволь, я помогу, — он принял мою куртку, а я, снимая ее с плеч, чувствовала его за спиной и глотала бьющееся сердце.

— Тапочек нет, — он смущился.

— Нет, ничего, ничего.

— Проходи.

Я сделала шаг в кухню. Он улыбнулся:

— Давай лучше туда, — и указал на зал. — Посиди, я поставлю чайник — ты вся дрожишь, на улице холодно.

Да, я дрожала, но не от холода. И мне было стыдно, что он поймет это. Он понял, но сказал, что от холода. И ушел — дал мне время.

А в комнате было пусто. Точнее, не было ничего, что говорило бы о ДОМЕ: старая тахта, стол, стул, сервантик с пустыми полками. Даже телевизора не было. И книг тоже не было. Ни одной. На полу — большой, во всю комнату, некогда пушкистый ковер, и у окна небольшой красивый чемоданчик, крепкий, с серебряными замочками.

Я не понимала, чего мне хочется больше: чтобы Александр Петрович дольше грел чай или, наоборот, чтобы сию секунду был рядом. А его все не было и не было. Столько чайник не греется.

Наконец он застучал чашками и блюдцами и появился с небольшим подносиком.

— Давай греться. Я тоже продрог. Скверная весна. Помнишь у Пушкина:

Как тяжело твое явленье,
Весна, весна...

Он споткнулся снова, как тогда, у меня дома.

— Короче, бог с ним, с Пушкиным — сидим, пьем, греемся. А это — печенье... м-да. В общем, печенье. Почти что...

Мы сидели, обжигались чаем и молчали. Вдруг он поставил чашку и посмотрел на меня:

- Я знал, что ты придешь. Еще вчера знал.
- Знали?
- Да, знал. Только вот... плохо подготовился, — он кивнул на вазочку.
- Вы любите Любовь Васильевну? — я сама не понимала, как это вырвалось, словно это уже и не я вовсе.
- Нет, не люблю.
- А почему? Она такая интересная, умная. И... вас любит. Очень. Он замолчал, крутя в руках камушек печеньюшки.
- Таня, ты можешь представить меня стариком?
- Стариком?.. — я вдруг представила, как меняются его черты, но споткнулась.
- Нет — не могу, что-то мешает.
- Ты не можешь потому, что ты ЗНАЕШЬ — я не буду стариком. Откуда ты это знаешь — неважно. Но ты ЗНАЕШЬ. И я знаю. А Люда не знает. Она думает, что надо только сделать чуть-чуть усилие над собой — и все будут счастливы. Нужно лишь захотеть, все прошлое зачеркнуть и новое построить. Так все просто.
- Это не так?
- Не так, милая, не так.
- Почему?
- Он поднял руки и громко опустил их на колени:
- Тебе... Тебе не казалось, что за тобой скоро придут? И скажут: «Всё — пора, собирайся».
- Кто скажет? — я оглядела его комнату еще раз и вдруг поняла, что она похожа на мою жизнь. Не эту, с учебниками, папой и мамой, школьной суетой, Любовью Васильевной и этой грязной весной. На ту, что во мне. Там тоже нет ничего лишнего: нет картин и зеркал, нет цветов на столе и хрустальных бокалов. И там, внутри этой второй, главной жизни я увидела маленький чемоданчик, который стоит наготове. И мне стало легко. Сразу. Я отхлебнула глоток и тихонько засмеялась. Потом смело взяла его руку, которая оказалась легкой и податливой, и прижалась щекой к ладони. Он подвинулся ко мне, и я, не отнимая от его ладони щеки, прижалась к его груди и прошептала:
- Как хорошо. — И поняла, что мне будет трудно уйти отсюда. И ему трудно будет меня прогнать.
- Александр Петрович, я дурочка?
- Он усмехнулся и крепче прижал меня к себе.
- Любовь Васильевна сказала, что я дурочка. И все так думают.
- Не все.
- А вы?
- Зачем ты спрашиваешь? — Он освободил свою руку, посмотрел мне глубоко-глубоко в глаза и медленно приблизил свои губы к моим губам. Медленно. Медленно. И я тянулась к нему навстречу, и длилось это счастье сто тысяч лет. Полное счастье.
- ...Утром я не стала его будить. Тихо оделась и ушла. Я впервые обманула маму, папу, бабушку — всех на свете. Но только не себя. И мне все равно, что будет. Я лечу, как звезда, падающая звезда — кто может, кто вправе остановить ее? Никто.

XV.

Любовь Васильевна вошла в класс, привычно окинула-посчитала нас взглядом. Но когда она взглянула на меня, как-то на миг окаменела, опустила взгляд на стол, положила ладонь на журнал, слегка оперлась на него. «Зд... — глотнула что-то тяжелое. — Здравствуйте. Садитесь... Извините».

Мне показалось, что она сейчас умрет. Любовь Васильевна ВСЁ поняла. Да, вот-вот, сейчас она умрет.

Но она монотонным, ровным голосом произнесла: «На прошлом уроке...» — очнулась, надела первую попавшуюся улыбку, и — никто ничего не заметил. Только Света, наверное, впервые смотрела на нее целый урок, не отрывая взгляда.

А Он был рассеян. Впервые дал какое-то большое и путаное задание по учебнику и изредка что-то говорил, помогая.

На перемene я подошла к Вике, которую давным-давно пересадили на мое место с последней парты, и попросила:

— Вика, можно я сяду на свое место?

— Но...

— Ты не против? Все должны быть на своих местах.

— Ты чё, больная? — она оглядела ребят, не зная, что делать. — Меня ведь...

Мне все равно, но...

И вдруг Света повернулась ко мне и сказала:

— Таня. Останься там... Пожалуйста, — и посмотрела мне прямо в глаза, а в них было: так надо.

Я осталась. Света никого, никогда и ни о чем не просит. Значит, на самом деле надо.

XVI.

Любовь Васильевна стареет на глазах. Не вся, а только глаза, губы и голос. И руки. Вчера она впервые забыла взять в класс журнал — такого не припомню. Я виновата. Что мне делать? Я не могу больше ее обижать. За что? А как иначе?

XVII.

Всё.

В класс вошел Семен Маркович с молодым человеком, который чего-то боялся.

— Ребята, — сказал Семен Маркович, — теперь физику у вас будет вести, э-э...

Я не дослушала, перед глазами возникла черная точка, вспыхнула и погасила всё. Очнулась я оттого, что кто-то пребольно ударил меня по щеке. Света.

— Где?..

Но она мигом закрыла мне рот ладонью и кинула ребятам, Семену Марковичу и молодому человеку, которые тревожно окружили меня:

— Ей нельзя волноваться.

И я поняла — МОЛЧИ! Она спасала всех нас. Она спасла всех нас.

XVIII.

«Весна. Возрастное. Возможно, небольшое осложнение после гриппа. Покой. Витамины. Свежий воздух», — та же самая врач, улыбаясь, кивнула мне: — Эх, мне бы сейчас эти обмороки... Пройдет, милая, вместе с молодостью пройдет. Так что не горюй — все неплохо».

И ушла. Зря я так о ней, тогда.

— Пусть поживет с недельку у бабушки, — папа с мамой переглянулись, кивнули друг другу и ... успокоились.

... Я у бабушки. Я иду по тому же тротуару, вхожу в ту же дверь, поднимаюсь на третий этаж. Достаю ключ (он дал мне его два дня назад).

Дверь. Надо открыть. А вдруг он там? Вдруг? Я повернула ключ в замке и с минуту стояла, не решаясь толкнуть дверь. Надо.

В коридоре темно. Не глядя ткнула ладонью — свет зажегся. Я включила его везде. И еще, и еще раз обошла квартиру. Нет. Его нет. В комнате все так же, но нет чемоданчика. Его и не может быть. Что это? На столе лежал листок из школьной тетрадки. Я взяла его. Стихи.

И понял я: меня здесь нет,
Я — лишь когда-то.
Как это странно: вот мой след,
Ладонь распята.

И голос мой — такой живой,
И боль — колюча.
И весь я в зеркале — большой,
Такой живучий.

А тут — друзья, а там — враги —
Войны морока.
И идет зуб. Спешат шаги,
Шаги вдоль окон,

Летя стремительной стрелой
От смерти — той
До жизни — той,
Я, верно, сбился по пути.
Я здесь чужой —
Пора уйти.

Пускай снуют, пускай спешат —
Ничто не свято.
Я умер много лет назад.
Вернусь когда-то.

Это мне. Значит, ему на самом деле пора. За ним пришли. Он уже там. А мне еще долго.

XIX.

«Домой, — Любовь Васильевна взяла мел и записала на доске задание. — До свиданья». Ребята, протестующе шумя, вышли из класса — обед, святое. Когда их говорок затих, я подошла к Любовь Васильевне. Она что-то писала в журнале, наклонив голову. Она в последнее время перестала видеть ВСЁ, и слова ее уже не были похожи на красивые стрелы, а блуждали в воздухе, растворялись и гасли, никого не раня. И все больше она говорила руками, но пока еще не совсем так.

— Любовь Васильевна.

Она вздрогнула и подняла голову, непонимающе смотря на меня.

— Любовь Васильевна. Это... вам.

Она взяла тетрадный листок и стала читать. Раз, два. Потом посмотрела на подпись — «Любе», усмехнулась и взяла мою руку, как тогда, много-много дней назад, и стала что-то искать на ней.

— Нет, Танюша. Это не мне. Это тебе. У тебя слишком синяя паста и слишком круглые буквы.

Она посмотрела мне в глаза и сказала: «“Вернусь когда-то...” Ты его встретишь. Потом. И не здесь. Я же — нет. И не будем больше об этом». Она спрятала мою руку в своих ладонях. Дверь отворилась. На пороге стояла Света. Мы смотрели на нее, она — на нас. Наши взгляды встретились где-то на полпути, и в точке их сплетения рождалось какое-то странное, неземное сияние, какая-то невозможна прекрасная правда, для которой еще нет слов на свете.

XX.

Этой ночью я была во сне. Но сон ли это?

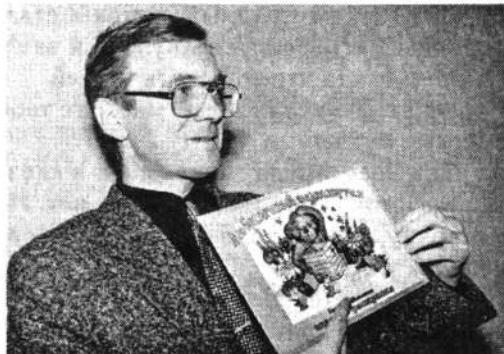
Огромное, мерцающее мириадами звезд колесо Галактики величаво плыло передо мной. И в этом движении слышалась музыка, музыка Вселенной, похожая на блеск кристаллов и звуки органа. Спираль затягивала меня, и ласкала, и мучила отблеском какой-то чудесной тайны, которая и там, внутри, и везде и для которой еще нет названия.

Мы — я, Света и Любовь Васильевна — стоим на маленькой черной планетке, покрытой базальтовой блестящей россыпью и угловатыми глыбами черного льда. Я медленно отталкиваюсь, вытягиваю руки — и поверхность уходит далеко вниз. Я купаюсь в этом полете, а по телу словно стремятся прохладные струи.

И Света отталкивается, вытягивает стрелой руки и плывет, плывет. А глаза у нее широко раскрыты, и лицо неподвижно, прекрасно и сурово. И вся она как быстрая, чистая, нестерпимо великолепная молния, на миг застывшая на фоне черного неба. Но она плывет в сторону от меня, удаляется. Ты куда? Она чуть поворачивает голову и кивает мне — прощай.

Я опускаю глаза туда, где должна быть наша маленькая планетка. Но она уже далеко, и еле видно, как с ее темной поверхности машет нам — прощайте — Любовь Васильевна. И пронзительной правдой звучат слова: «Я умер много лет назад — вернусь когда-то».

ШАЛАШОВ Евгений Васильевич родился в 1966 г. в Грязовецком р-не Вологодской области. После окончания исторического факультета ВГПИ живет и работает в Череповце. Произведения публиковались в городской периодике. Автор книги для детей «Любопытный медвежутка».

Евгений Шалашов

ЧЕРНЫЙ СЛЕД И КОРОВА

Леший был зол как сто собак. И было отчего злиться. Вчера вечером игоши — детки старой безмозглой кикиморы из Тухлого болотца — нанесли визит к деревенскому кузнецу. Сташили свежевыкованный «чеснок» — металлические шипы, способные обезножить любую лошадь. А так как делать разные гадости они, как и любая тварь их породы, обожали, то раскидали «чесноковинки» по любимой тропке бедного старого лешака. Леший вопил так, что разбежались не только окрестные русалки, но и пара медведей, которые тихо-мирно лопали малину. А потом полдня пришлось выковыривать железяки из разных частей тела...

Словом, настроение было хуже некуда. Рассчитаться с детками было сложно, т.к. они, как видя приближающегося недруга, похрюкивая и подвизгивая от смеха, скрывались в своем любимом болотце. А злость на ком-то сорвать хотелось. Поэтому, с наступлением сумерек, леший залег около небольшой полянки, которую обкашивал молодой косарь. Парень казался с виду очень сильным, но заниматься единоборством леший не собирался. В арсенале любой лесной нечисти были приемы более изощренные: можно напустить морок — вместо нужной тропки указать другую, позвать детским голоском «На помошь!», оборотиться медведем — словом, сделать так, что парень зайдет в такую глухомань, что не только родичи, но и вороны костей не сыщут, потому как есть в лесу такие места, куда кроме леших, русалок да кикимор, никто ни зайти, ни выйти не может.

Вот, похоже, парень собрался уходить. Осталось дождаться, когда он разобьет травяные валки... Ну, наконец!

Леший двигался параллельно тропке, а на ходу думал, что ему лучше применить. Пока думал, тропка вышла на поляну, на которой располагалось капище покровителя селения. Идол всего лишь неодобрительно скосил глаза на лешего. Этого было вполне достаточно, чтобы нечистая сила, поджав хвост, не разбирая дороги, бросилась прочь. Старик был так напуган, что когда столкнулся с игошонком, вместо того, чтобы всласть поиздеваться над кикимориным отродьем, ограничился тем, что походя двинул тому по шее. Отприск из Тухлого болотца отлетел в куст крапивы. Вместо того, чтобы звать на помощь матушку, вкупе с оравой братьев и сестер, игош онемел от изумления. Сидел довольно долго, не замечая жжения в деликатном месте. Наконец, ему в голову пришла мысль, что это все неспроста, и с тихим ревом он прыгнул в болото, откуда не высовывался до самого утра...

Ждан шел домой размеренным шагом, не догадываясь о том, что чуть не стал

жертвой лешего. Хотя, справедливости ради нужно сказать — это еще бабушка надвое сказала, получилось ли бы у нечистого что-нибудь. Прошлым летом парень ухитрился отбить у водяного двоих детишек, которые имели неосторожность забраться в тот самый «тихий омут». Ждан увидел две светлые головенки, которые кружились в неглубокой, на первый взгляд, заводи. Мигом сообразив, в чем дело, бросился на выручку. Будучи наделенным большой силой, он просто выкинул детишек на берег, а потом от всей души врезал по чему-то склизкому и зеленому. Это «что-то» обиженно хрюкнуло и ушло под воду...

Над неудачником-водяным, когда тот смог оклематься, а это случилось не скоро, потешалась вся окрестная нежить. Наш друг-леший — тоже. Так что неизвестно, кого спас покровитель...

Но как я уже сказал, Ждана это нисколько не волновало, и он просто шел. Показалась деревенька — настолько маленькая, что названия не имела. Деревня находилась на возвышении, опоясанном рекой, точнее, полуопоясанном, т.к. с третьей стороны примыкал лес и болотце, а с четвертой — пашня и выгон для скота. Ее окружал высокий частокол крепких заостренных бревен. Защита скорее символическая. Но уж какая есть... Кто-то сказал, что дома в деревне строят люди сообразно своему характеру: те, кто бойчее — выставляют свой дом на середине, скромные ютятся на задворках. На окраине находилась усадьба нелюдимого кузнеца и ведуна Волка. Не полуzemлянка, а настоящий рубленый дом, кузница, двор для скота, амбар, сараи. Все это хозяйство было обнесено крепким забором. Около ворот Ждан увидел своего приятеля — племянника и ученика ведуна.

- Здравствуй, Волчонок, — поздоровался с другом.
- Здравствуй, коль не шутишь, — рассудительно ответил ведуненок.
- Чем занят? Все колдуешь?

Вместо ответа Волчонок продемонстрировал. Выхватил из-за пазухи пять метательных ножей и веером, одновременно, метнул их в ближайшее дерево. Было похоже на то, что в дереве выросла лесенка из пяти ступенек...

— Здорово! — от всей души похвалил Ждан. — Вот только скажи — неужели Волк не научил тебя бросать ножи ведовством?

- Почему же, научил.

В подтверждении этих слов собственный нож Ждана выскочил из берестяных ножен и, добавив еще одну ступень к лестнице, так же вернулся к хозяину.

- Лихо. Только зачем тогда учиться метать самому?

— Понимаешь, как говорит дядька, — умение ведовства может пропасть, мало ли. А умение делать все руками остается. Да я и сам считаю: то, что можно сделать самому — нужно самому и делать.

Ждан согласился с доводами приятеля. Умен парень. Не зря ученик ведуна. А так вроде мелкий, хлипкий и на девчонку похож. Покачал головой, кивнул и пошел домой. А Волчонок, вытащив свои ножи из дерева, направился готовить ужин для дядьки.

Ждан был знаком с Волчонком с детства, но постоянно удивлялся своему другу. Казалось бы, откуда в пятнадцатилетнем парне столько рассудительности и мудрости? Нахватался от дядьки-ведуна? Может и так, но у скольких умных родителей дети были с холодными ушами?

Сегодня у племянника ведуна обнаружился новый талант, который когда-нибудь может пригодиться. От своего отца покойного Ждан знал — любая наука и любое умение только и ждет своего часа. Ждан, как и любой другой житель, уважал умение владеть оружием. Сам он не отличался большими способностями в метании ножа, из лука стрелял так себе, средне. Но мечом умел владеть лучше

всех в округе. А если случалось ходить стенка на стенку с соседней деревней, он был главным застрельщиком, и мало кто из «недругов» мог устоять перед ударами его кулаков. Волчонок же органически не переваривал кулачных боев, но так как деваться было некуда, то и ему приходилось участвовать. В этом случае Ждан старался встать рядом с ним и защищать друга. Делать это приходилось незаметно. Волчонок отличался болезненным самолюбием.

Придя домой, Ждан, к своей досаде, обнаружил, что ни матери, ни сестры нет. Хотелось есть, но без женщин даже хлеб доставать было не положено. Придется ждать. Чтобы скоротать время, нужно чем-то заняться. Идеальный вариант — послушать сказку или почитать. Как бы в ответ на пожелание, из-за печки вышел домовенок и, пришлепывая, как утенок, босыми пятками, подошел и подвалился под бок хозяина.

Раньше в их доме жил старый-престарый домовой, который знал уйму сказок и прибауток. Старик по возрасту был равен прадеду Ждана и появился, когда построили дом. Прадед умер в тот день, когда принесли его внука — отца Ждана, смертельно раненого в бою с упырями. Бывший княжеский дружиинник попал в засаду, устроенную на него нелюдями. Отбиваясь несколько часов кряду, он не позволил им коснуться тела страшными зазубренными клыками. Мастер меча даже с помощью обычного оружия может противостоять любой нежити и сохранить свою душу для встречи с предками. Но упыри были вооружены не только клыками. Отчаявшись добраться до воина, одна из тварей выстрелила из арбалета. Железный болт буквально пришипил дружиинника к дереву. Но и в руках смертельно раненного меч не ослабил своей мощи. Утром пастухи наткнулись на страшное зрелище: мелкие частицы расположенных упырей — гниющие и смердящие, видимо-невидимо порубанной мелкой нечисти — крыс, летучих мышей-помощников. А над всей этой гадостью возвышалась фигура могучего воина, обвисшего на толстой стреле, окровавленного, но не выпустившего меча из рук... Когда витязя принесли в деревню, то его сейчас же осмотрели Волк-ведун и жрец. Но следов укуса не нашли. Стало быть, осиновый кол не нужен, и воин с честью может взойти на костер, а прах его присоединится к праху предков.

Прадед, переживший сына, смерти любимого внука пережить не смог. На прощание велел Ждану заботиться о матери и сестре, указал тайничок, где хранилось серебро. Потом заготовил дров на погребальной поляне, обмыл внука, помылся сам последний раз в баньке, переоделся во все чистое и вместе с тяжелой ношей взошел на костер...

После того, как спрвили тризну, исчез старый домовой. Ждан так и не успел записать все сказки, которые тот рассказывал. На смену пришел совсем еще несмышленыш.

Старшим в роду стал теперь Ждан. Ему принадлежит какой-никакой, а дом — тоже не полуземлянка, хоть и поплоше, чем у Волка, небольшое, но удобное стадо, домашний скарб. Но сердцу парня милей всего было оружие. Кольчуга, которая принадлежала еще прадеду его прадеда, доспехи княжеского дружиинника: шлем с личиной, круглый кожаный щит, чешуйчатый панцирь, несколько мечей, сулицы, кистени. Все это было тщательно смазано, обижено и висело на стенах на деревянных кольышках, придавая избе довольно воинственный вид.

Ждан нашептал луцины, закрепил ее в светец и раскрыл сундук с сокровищами, любовь к которым стояла на одном месте с любовью к оружию. Этим сокровищем были книги. Их собирали в роду очень давно. Большая часть написана на бересте, но попадались и на коже. Была даже такая, что напоминала высущенные листья какого-то странного дерева. Ее привез из похода отец. Что в ней было

написано, не знали даже самые мудрые — Волк и жрец. Вообще, читать в деревне очень любили, и никому не приходило в голову, что создатели славянской письменности — болгары Кирилл и Мефодий — еще не родились.

Ждан достал книгу, которую одолжил Волчонок. Она была написана на бересте рукой ведуна. Волчонок говорил, что дядя переложил ее с эллинского языка. Подлинник же хранился у них дома и был на очень нежной коже под названием пергамент.

Ждан так увлекся чтением о подвигах героев и богов далекой Эллады, что не услышал, как в избу вошли мать и сестренка Млаша.

— Совсем изголодался, наверное? — спросила мать с тревогой.

— Терпимо, — ответил Ждан, не отрываясь от книжки.

— Весь вечер Пеструху искали, так и не нашли, — устало сказала сестренка. Мать добавила: «Завтра придется опять искать. Наверное, и тебе придется. А сено Млаша поворошишь».

Пеструха была самой лучшей коровой в их небольшом стаде. Исправно телилась каждый год. Очень жаль, если пошла на завтрак серому. Но волков, вроде, быть не должно. Летом волк сыйти ходит и с деревенской скотиной связываться не будет.

Ждан немного поуспокаивал мать. Та повздыхала, как положено, и стала накладывать кашу.

В молчании поужинали и легли спать.

С утра наскоро перекусили и принялись за поиски. Ждан облазил все окрестные кусты, обыскал все мыслимые и немыслимые места, куда могла забраться глупая скотина. Кажется, что фразу «как корова языком слизнула» трудно применить в данном случае, но в голове у парня застрияла именно она, представился даже тот самый язык, который слизнул бедную Пеструху. Вот только хозяйку языка представить не смог.

Покончив с необходимыми утренними делами, в поиски включались другие жители деревни. Даже некоторые мужики не считали зазорным присоединиться к общим поискам. Хоть и не единственная скотинка в стаде у соседей, но потеря коровы — она и есть потеря коровы. Сегодня у соседа, а завтра у тебя.

Ближе к вечеру все собирались в поскотине. Мать, не стесняясь, ревела в голос, сестренка в такт матери подывывала. Кто-то из баб предположил, что Пеструху задрали волки. Мужики на это презрительно фыркнули: «Бабы — они и есть бабы. Где видели волков, способных слопать целую корову и не оставить ни рожек, ни ножек?»

Дед Славун подвел итог поискам и обсуждению.

— Нечистое тут дело. Придется тебе, парень, идти завтра к Волку. А лучше — так прямо сегодня, не задаивая. Он подскажет.

Дед был мудр и еще никогда не ошибался в своих советах. Поэтому, не откладывая в долгий ящик, Ждан пошел к ведуну...

Волк вместе с племянником сел ужинать. Жены у него не было, жил бобylem, поэтому всю основную работу по дому делал сам. Вообще, хотя ведун был местным уроженцем, но никто в деревне о нем ничего не знал. Смутно помнили его родителей, да и то самые древние старики. Потом он куда-то уходил, приходил. Дом, однако, не забрасывал. Лет двадцать назад осел навсегда. Свои отлучки ничем не объяснял. Да и народ в деревне излишним любопытством не страдал. Особенно, когда выяснилось, что он — хороший кузнец и ведун. Лет десять назад у Волка появился малыш лет пяти. Старикам кузнец объяснил, что малыш приходится ему внучатым племянником — сыном то ли двоюродной сестры, то ли

пасынком еще какой-то родственница. Малыша растил как сына и ученика. Волчонок, как прозвали парнишку в деревне, был смышленым, покладистым. В kostи, правда, тонковат и силенкой не отличался. Зато лучше всех в деревне стрелял из лука, бил острогой рыбу. Теперь парень подрос и был в доме дяди за хозяйку: готовил, стирал, помогал в кузнице. Ведовству Волк учил его не специально, а параллельно с другими делами, походя. В тот момент, когда Ждан пришел к ним, уроков ведовства не было. За крепким дубовым столом восседали огромный, не старый на вид, седобородый и седовласый Волк и хрупкий, русоволосый Волчонок. На столе, помимо обычной каши из полбы, стояли глиняные миски с пареной репой и мясом. Не то, что бы мясо было роскошью, но в отличие от солонины, оно было свежим. А свежим оно было не из-за колдовства. Просто Волк имел лучший в деревне погреб, набитый льдом, и мог есть мясо круглый год, а не только в холодное время, как большинство селян.

Ждан молча поклонился хозяину дома, а тот также молча кивнул — садись, мол, с нами. Обычай требовал, чтобы хозяин трижды предложил гостю сесть за стол, а гость должен был дважды отказаться, а на третий раз принять приглашение. Ждан сел, не дожидаясь приглашения вторично, давая тем понять, что пришел не просто в гости, а по делу и времени на церемонии у него нет.

Волчонок тотчас же метнулся к шкафу, достал оттуда миску, ложку и деревянный кубок. Положил каши, налил в кубок кваса. Хозяин своей рукой отрезал гостю громадный ломоть хлеба. Ждан поклоном головы поблагодарил, и все принялись за еду. Так как Ждан пришел позже, то хозяевам пришлось подождать, пока гость их нагонит, а когда все управились с кашей, Волчонок разложил на всех мясо и репу. Покончив с трапезой, Волк выпил свою кружку с квасом и только после этого спросил:

— Вижу, что не о героях Эллады пришел поговорить, а о более низких материях. Говори, что там у тебя?

— Пеструху два дня найти не могу. И сам искал, и соседи помогали. Все без толку.

— Да, дела, — протянул ведун. — Может, куда в кусты забилась? Наверное, телиться должна скоро?

— Со дня на день ждали. А кусты я не то, что обыскал, а чуть не на пузе выполз. Да что я! Даже дед Славун найти не мог.

В деревне дед Славун пользовался славой человека, способного найти иголку в стоге сена.

— Ну, тогда, парень, корова твоя на черный след попала. Ходит где-то рядом, перед вашим носом, а найти не можете. Может, тебе твой друг водяной решил прошлый год припомнить? Тебя не осилить, так решил на скотине отыграться?

— Может быть и так. Так не легче — коровы-то нет. Мать ревет, Млашка тоже.

— Ладно, попробую твою мать утешить. Племяш, притащи-ка кусок бересты.

Волчонок, который во время разговора успел убрать посуду, стрелой вылетел из избы и вернулся с хорошим куском бересты — не иначе из той партии, что Волк заготовил для книг. Ведун взял этот кусок и, вооружившись ножом, долго и тщательно вырезал на бересте какие-то кружки, замысловатые узоры, похожие на варяжские руны, а потом вручил ее Ждану:

— Завтра, между вторыми и третьими петухами, пойдешь в поскотину. У того куста, где пастух стадо собирает, сделаешь на восход двадцать шагов. Повернешься лицом к деревне и бросишь бересту через левое плечо. Ничему не удивляйся и никому ни о чем не рассказывай.

Потом ведун с усмешкой добавил: «А теперь пошли в кузню. Долг платежом

красен. Нужно мне одну штуку доделать. Одному несподручно, а из племянника молотобоец плохой».

Волк заставил новоиспеченного молотобойца переодеться в свои старые штаны и кожаный фартук, а потом повел в кузню.

Помимо всего прочего, Волк делал еще и кольчуги. На первый взгляд, работа несложная. Но это только на первый... Найти в болоте руду, годную для изготовления железа, уже отнимает уйму времени. А потом выплавить, а потом калить и стучать молотом, выгоняя шлак. Самым трудным было тянуть проволоку. Ждан никогда этим не занимался, поэтому был на подхвате. Подкинул древесного угля и стал качать меха. Кузнец в это время бросил в жерло несколько железных прутьев, выкованных заранее. Покамест подручный нагнетал воздух, а прутья благополучно накалиялись, хозяин вытащил веревку и пропустил ее через балку, соорудив незамысловатые качели, и сел на них. Посреди кузницы была вкопана чугунная плита со множеством отверстий разного размера. Технология изготовления проволоки была крайне проста. Ждан клещами вытаскивал из жерла прут и, обстучав конец, просовывал в самое толстое отверстие в плите. Волк хватал клещами конец с другой стороны и, отталкиваясь ногами, летел вверх, протаскивая через отверстие. Протащив прут, кузнец передавал его обратно. Ждан бросал прут в горн и брался за следующий...

За вечер они протащили около двух десятков прутьев через одно, самое большое, отверстие. А всего отверстий в плите было тридцать...

Домой Ждан пришел уже затемно. На столе стоял нетронутый ужин – видимо, мать с сестрой так умаялись, что легли спать не евши. Проснулся Ждан еще до вторых петухов, потому что любопытство расpirало даже во сне. Вопросов было много. Найдется ли Пеструха? Что такое «черный след»? Что за диковинные узоры нацарапал Волк? Проще, конечно, было спросить у самого Волка еще вчера, но как-то постыдился. Спрашивать у приятеля было бесполезно – Волчонок все равно не расскажет. Это кремешок. Проверено.

Одеся Ждан мигом, схватил бересту и помчался в поскотину. Пока бежал, пропел долгожданный петух. Вот и нужный куст черемухи. Теперь сделать все так, как учил ведун. Двадцать шагов, поворот...

Бросил бересту через левое плечо, в момент броска внутренне напрягся, ожидая невесть чего. Но такого он все-таки не ожидал...

Спину словно обдало жаром. Не увидел, а скорей почувствовал вспышку – как будто молния ударила за спиной. Молния без грома. И все стихло, как ничего и не было. Немного обождав, Ждан повернулся и опешил от изумления. Перед ним была Пеструха, внимательно и радостно смотревшая на него, а рядом с ней стоял свежеоблизанный теленок. Они находились в истоптанном до черноты круге. Казалось, что вокруг круга проходит невидимый забор – таким резким был контраст между зеленой травой и черной землей...

Как можно было два дня подряд ходить мимо пропажи и не заметить, в голове просто не укладывалось. У коровы не спросишь.

– Пойдем домой, бестолочь, – ласково сказал парень своей непутевой скотинке. Корова подтолкнула детеныша носом.

Н. Н. Денисов

Автор, избравший литературный псевдоним Н. Н. Денисов, родился 15 декабря 1950 года, после окончания факультета иностранных языков Вологодского пединститута работал в Череповце - переводчиком в ОАО «Северсталь». В настоящее время проживает в Бельгии.

Изображаемые драматические события отнесены к началу 20-х годов XXI века – Россия чудесным образом обрела Государыню...

ЕКАТЕРИНА III

...Только кто-то кому-то с перрона
Улыбнулся в ночной синеве,
Только слабо блеснула корона
На несчастной моей голове.

Георгий Иванов

ПРЕДИСЛОВИЕ

После недавних, столь трагических событий, которые болью отзывались во многих русских сердцах, а иные нетвердые души повергли в отчаяние, нелегко мне было взяться за перо.

Однако, чувствуя потребность переполненного любовью и горестью сердца моего, а также имея в виду общественную, так сказать, ожидаемую мною от записок этих пользу, решаюсь я начать свои воспоминания.

Поначалу старался я излагать события последовательно и подробно, но, к сожалению моему, не преуспел. Видимо – слаб мой разум, мало умения для такого предприятия, и потому решился я записывать свои воспоминания в виде отдельных картин, чаще всего мало кому известных и, тем не менее, характерных и важных на мой взгляд. Утешаюсь несколько тем соображением, что обилие различного рода документальных свидетельств, как то: исследования социологического, экономического, философского толка, документальные фильмы, «Сборник законодательных актов» предыдущего царствования, многочисленные уже мемуары и т.д. облегчают мою задачу.

Поскольку малейшая публикация, касающаяся незабвенной Государыни нашей, неизменно вызывает у читателей самый живой и сочувственный интерес, то осмелюсь надеяться, что и записи эти не составят исключения, несмотря даже и на весьма скромное дарование автора, – уже по одному Предмету их.

*Ее Величества Государыни
Российской Екатерины III
доверенный секретарь
В. А. Петров*

1. МОРКОВНЫЙ ПИРОГ

Писем-то Государыня сразу много стала получать. А это письмо одним из первых было. От одной пожилой, очень бедствовавшей женщины. Государыня по этому письму сразу в дорогу собралась. Попробовал я отговорить Ее осторожно, только Государыня не послушала:

— Автор письма и не ждет другого ответа. Другое все для нее как горькая насмешка.

А история тут была такая. Женщина эта, Глафира Петровна, квартиру свою сдала на срок одному юркому молодому купчику. Срок прошел, а квартиру купчик и не думает хозяйке возвращать. Та уж в суд подала, а все толку нет: дело без конца откладывается «за неявкой Ответчика». А купчик-то угрожать уж начал...

Скоренько мы до места добрались — благо недалеко, под Ярославль. Уж так-то я этой поездки боялся! Так и вышло — дальше вот что было. Глафира Петровна в дачке фанерной ютилась — это в ноябре-то! Заходит Государыня в домишко, а хозяйка как глянула и... «Царица! Матушка!» да — бух в ноги. Само собой, журналисты торопятся, снимают — так вот, кажется, во все щели и лезут.

Вспыхнула Государыня, но сдержалась, ничего не сказала, видит — не в себе женщина. Обняла ее только, пошептались они о чем-то... меня подзывает Государыня:

— Глафира Петровна с нами поедет.

— Осмелюсь доложить, Государыня: г-жа П-ова может немедленно вновь занять свою квартиру, — прошептал, почтительно вытянувшись, представитель местной власти. Государыня внимательно на него посмотрела:

— Нет, мы уж судебного решения дождемся. Так ли, Глафира Петровна?

Та — улыбается сквозь слезы: «Так, Государыня».

В тот же вечер и на следующий день все газеты полны были почтительного внешне хихиканья — ну как, знают ведь свое ремесло: «наша высшая Дама-благотворительница» и т.п. Всю давешнюю сцену «с буханьем» в вечерних программах новостей можно было видеть. Однако скандала все же не случилось, и вот почему: кому-то из тележурналистов удалось крупным планом снять лицо Государыни — в тот самый момент. Ну, а на этом лише все ведь написано. И комментарий при этом был достойный, удивительный даже для такого молодого возраста.

После уж нашли мы в нашем расписании минут двадцать свободных, пригласила Государыня г-жу Т. (журналистка молоденькая оказалась) к себе на чашку чаю. Вырезка из «Комсомольской Правды» у меня хранится. Вот что гостья написала: «Государыня — прекрасная, изумительная! Юная! В Ней — уникальное сочетание нежности и силы. (Прочтя эти строки, Государыня улыбнулась: «Не такое уж редкое среди наших женщин».) А чай — как у мамы: душистый, горячий и пирог мой любимый — морковный! Тepлый, мягкий, румянный!»

Теперь-то ни для кого не секрет: о том, у кого какой пирог любимый, звонили с дворцовой кухни, узнавали у бабушек, у мам. Бабушки гордо хранили до времени «государственную тайну».

А Глафира Петровна так и осталась во Дворце, прижилась. И дело ей на-шлось — прежде-то в официантках служила. А в квартиру эту многострадальную она племянника женатого пустила.

2. КУПЧИХИ

... Пригласила как-то Государыня «купчих». А надо сказать, купчихи-то все с высшим образованием, две из них — кандидаты наук, одна так даже — философских! И какой их тут бес попутал? Только разрядились они — уж как только могли. Правда, «бес»-то этот денежный к тому времени уж очень большую власть у нас взял. И как скоро! И на пустом ведь почти месте!

...Выходит Государыня. А на нее — сверканье бриллиантов, перья колыханье... (на перья в ту пору мода случилась). Глянула Государыня на это блестяще собрание и молвила, улыбаясь:

— Mesdames, я хотела говорить с вами о наших детях, жертвах Чернобыля. Но вижу, что мы с вами не готовы пока к этому разговору. Благодарю вас за посещение, Mesdames.

Все, стало быть, аудиенция окончена.

Выходят наши купчихи. Только им по лестнице спускаться, а мимо них горничная с подносом чайной посуды. (Поторопилась ли только Глафира Петровна или уж нарочно так подгадала — не знаю.) Одна-то из купчих и полюбопытствуй:

— Скажите, что — у Государыни прием?

— А для вас, мадамы, приготовлено было.

— То есть — как?

— А так. Царица-то, матушка — видали, как оделась? Она и всегда так. А выто — петухами нарядились.

Что и говорить, досталось потом Глафире Петровне на орехи от Дамы-Хозяйки.

Одевалась Государыня всегда мило и достойно, но уж никак не богато. Чёрное с белым, чёрное с зеленым или голубеньким очень любила. Украшений драгоценных не носила никогда. Коротко сказать, простоты держалась — как вот аристократки нынешние одеваются. Кое-что из одежды через один общедоступный каталог заказывала. Владельцы-то предложили было «великую честь» имказать, принимать от них заказы в подарок, но Государыня, поблагодарив, отказалась. Мне же обронила, с усмешкой:

— Хоть я и «королева нищих», а все же за свои платья заплатить могу... Заокеанские журналисты это придумали... и удивительно мне это именно от них. Ведь уж известна их тяга ко всему «аристократическому», еще Диккенс в них подметил.¹ Видно, не считали они нашу Государыню «настоящей королевой». Господь с ними.

А в земли, пострадавшие от тяжелейшей катастрофы, наведывалась Государыня при первой возможности, не от простой поры и не с пустыми руками, конечно. В Калужскую область первая-то из таких поездок была. В Оптину Пустынь Государыня в тот раз не заехала, как ожидали. Послала Она монахам письмо с дороги с просьбою извинить: мол, не требуется пока душа, а дела много.

И скажи тут кто-то из нас, сопровождавших Государыню в той поездке, что надо депутатии монашеской к нам ожидать, не замедлят, мол. (Мы в Ульяново, в гостиничке тамошней на денек остановились.)

— Не дай Бог, — серьезно так глянула Государыня.

— Отчего же, Государыня?

— Да ведь — кесарь к монаху, а не наоборот? Ну, а монах к кесарю явится — так уж со словом гневного обличения на устах! (Улыбнулась) У нас еще, кажется, до этого не дошло.

¹ Чарльз Диккенс. «Американские заметки».

...Немалое время спустя удалось Ей самой быть в знаменитом Монастыре, а прежде того съездила Государыня Святому Серафиму Саровскому поклониться. И дела не пускали, да и стеснялась Государыня много-то об одной своей душе заботиться.

3. ПЕРВЫЕ ШАГИ

...Власть-то Государыне сразу большая была вручена, да только пользовалась Она своею властью очень осторожно — поначалу-то и вовсе робко. И после опасалась: «Как бы какой полезный росточек не расступить — власть-то походку тяжелой делает». Например, выслала из страны некоторых служащих иностранных консульств — за грубое обращение с посетителями. По велению Государыни наши дипломатические представительства стали ежегодно устраивать новогодние елки для детей, иу и т.д. — многие помнят. «Царица-то у нас — «иностраница», — разочарованно зашептали в народе.

А тут и церемония Коронации подоспела. Обиделись тогда многие на Государыню за то, что не захотела старинное, драгоценное царское облачение надеть, в строгом костюме на Царство венчалась. И тронная Ее речь многим не понравилась тогда, «странную» показалась. К огорчению моему должен признать, что и я был тогда среди этих многих... А уж мне-то и вовсе непростительно — ведь уж я-то давно знаю эту светлую головку, это чистое сердце! Теперь-то ясно, что ничего странного не было в той речи, а необычна она была — своею искренностью. Ведь о чем говорила нам тогда Государыня наша обретенная?

«...Так уж повелось у нас, что умственный и моральный уровень правителей много ниже народного... Возможно, историки найдут исключения... Александр II, может быть?.. Хочется мне рассказать вам одну историю... Эта история произошла недавно с Людмилой Петровной Васильевой, школьной моей подругой, ныне — начальником крупной лаборатории... Направили к ним на практику двух студенток. Одна из них оказалась очень добросовестной, и в конце практики решила Людмила Петровна поощрить ее — «в такое трудное время юный человек в жизнь вступает». Где же взять денег? Да вот, из собственной своей, отнюдь не большой зарплаты. Вот я и думаю: какими должны быть правители, чтобы (улыбнулась) контраст не слишком резким был? Я... обещаю вам: всеми силами буду стараться не слишком от вас отставать».

Думаю, «спасла» Государыню в тот час лишь нежная Ее красота.

А ведь, пожалуй, именно с той речи и стало у нас легонечко проясняться, т.е. моральный климат меняться стал, а проще сказать — надежда на справедливость появилась.

Ведь что у нас прежде-то началось было? «А, так вот теперь как — кто богат, тот и умен? Тот и прав? Ну, так — гори все синим пламенем! А я богатеть буду». Вот ведь какие мысли стали забираться в буйные головы!

Ну, теперь-то и не верится даже, что так у нас было: одни в «мерседесах» разъезжают, дворцы себе строят, а другие многие месяцы своего заработанного (на том же самом предприятии!) получить не могут... А было ведь! И не так давно это было. А Государыня... никогда не теряла Она светлой надежды, крепко в народ свой верила. И в тронной речи надежду эту объявила:

«Из каких катастроф, из каких только ужасов ни выбирался наш народ, а все потому, что... живое, влажное в нем. Вот эта живая вода и вымывала незаметно всякий сор, уносила ужасы... Замершая было жизнь налаживалась потихоньку.

Только нельзя мучить этот народ бесконечно, ведь источники воды живой могут и иссякнуть».

...Вспоминаются мне проводы большой делегации «Новых профсоюзов». Отправляла Государыня рабочих в Европу — «классовой борьбе учиться». Народ, в основном, молодой, одеты все прилично, как дворцовым распорядком предписано, а один-то парнишка, погляжу: в сапогах и поддевке заявился. Картуз в руках мнет и на Государыню испытующе поглядывает. Удивилась Она сперва, но скончанко поняла намек, рассмеялась весело: откуда, мол, такой костюм? Ну, тот доволен, что шутку его Государыня оценила: в театре, отвечает, из гардероба горьковских пьес подобрали для такого случая.

Были, конечно, и враги у Государыни. Не сразу они появились. Поначалу-то всем эта «игра» очень понравилась. Грустно мне вспоминать, но у многих из нас, при внешней почтительности, нет-нет да и проскальзывала некая нотка — снисходительности, пожалуй. Взрослой снисходительности. И первой-то Государыне, конечно, бывала эта нотка слышна, хотя ни разу не подала Она виду... «Нелегко мне с боярами», — невесело шутила Государыня. «Дума моя, думушка», — не раз вздыхала. Ну, а как до дела, т.е. до кармана их, «бояр», коснулось... Помнят у нас, какой поднялся крик:

— Ограничить власть Царицы представительскими функциями!

Вот тут-то и проявила Государыня удивительную, неожиданную для недругов Ее твердость. Да ведь и твердыня за Нею стояла не малая — без небольшого все население. И не думаю, чтобы хоть кому-нибудь удалось заставить Армию нарушить данную Государыне присягу.

4. МАЛЬЧИКИ

...Помню, собралась Государыня посетить Военный госпиталь: долго не решалась:

— Боюсь, сил не хватит, я наврежу только...

...Приехали мы в Госпиталь. Сопровождал нас главный врач, известный хирург, профессор. Ну, чистота везде, порядок. Уютно даже, свету много, цветы...

И чего, чего только мы тут ни повидали! Сам я еле держался. Гнев меня душил. А Государыня ничего, беседует тихонько (с кем можно-то). Улыбается. И посмеется с кем легонечко, если видит, что — можно.

Только вышли мы в коридор из палаты, Государыня, смотрю, за руку профессора ухватилась, смотрит на него во все глаза — серьезно, умоляюще и — дышит глубоко. Вижу, профессор Ей что-то пошептал на ухо, а Она лишь отрицательно головой покачала. Так у них и повелось: как в коридор выйдем, профессор сам Государыне руку протягивает, останавливается. Так, с передышками, и добрались до последней палаты — выздоравливающих. Надо сказать, держали многих мальчишечек в Госпитале до последней возможности. И то сказать — куда же их выпускать? В срам-то наш тогдашний, в стыд-то?

...Только тут-то и сорвалась Государыня — на пустяке, можно сказать — это, конечно, по сравнению с тем, что мы прежде-то видели...

Разговорилась Она тут с парнишечкой одним... не помню, с чего у них про детство-то его разговор зашел. Рассказал парнишка, что во Дворце пионеров, в изостудии занимался. Преподаватель, говорит, пейзажи мои очень хвалил. Ну, стала Государыня прощаться, руку протягивает — парнишечка шевельнулся, движение такое сделал, как бы тоже руку подать — а нет руки-то. Вот тут-то... Разрыдалась Государыня, да так, что хорошо, что мы в госпитале были; помогли Ей.

А в большой, светлой столовой Госпиталя матери, родственницы ребят уж стол накрыли — напечено, настрыпано у них было: напоследок-то общее чаепитие было задумано. Только уж Государыне не до того. Попросила Она передать, что прощения просит. Улыбнулась слабо: «По кусочку пирожка... капустного... нам с дочкой... попросите».

5. ПЕРЕГОВОРЫ В ГОРИИ

... Горцам Государыня так передать повелела:

— Я с матерями вашими договариваться буду — как мы с ними решим, так тому и быть.

Ну, для горца мать — понятие святое. Согласились они.

...Начались переговоры. Царевна Настя, шалунья наша, погляжу — сидит тихонечко — и монистом не звякнет (горяночкой ее Государыня нарядила). На горских женщин гляну — все в черном, черные платки на головах, а вижу — лица у них посмягчились, и сидим мы, страшно вымоловить, будто по-семейному.

Однако вскоре настроение изменилось. Гнев-то у женщин не остыл, раны-то страшные на материнских сердцах... Послышались громкие голоса, обвинения, упреки... (В это время Ее Высочество Настеньку, прошептав ей что-то с улыбкой, собралась увести фрейлина Государыни, но Государыня одним взглядом остановила ее. «Все равно бы я не оставила маму», — заявила потом Настенька.)

А Государыня тем временем знаком подзывает к себе адъютанта Сережу Веселова (художника-то того бедного из госпиталя — помните?) Тот подходит (ножной протез у него поскрипывал немножко), кладет перед Государыней папку с документами, сам за кресло Государыни отступил, вытянулся. Форма на Сереже синяя с серебром — гвардии Ее Величества форма, не видали еще такой в Гории. Лицо у него серьезное, чуть принахмуренное даже. А на лице — румянец нежный, нос в веснушках... детское ведь совсем лицо-то. Примолкли женщины, смотрят на него... Ну, пошли переговоры. Да о чем тут долго-то разговаривать, когда у горянок одна забота: армию нашу поскорее из своего дома выставить, а у Государыни печаль: детей своих, мальчишечек поскорее домой увести. Тут же договорились они и о том, что финансовая помощь Гории пойдет прямо в материнские руки, в «Комитет горских женщин». Порешили они тоже — в случае инцидентов каких — друг на друга не обижаться, а разбираться сообща.

— У меня ведь и дома недругов-то немало, — не потаила Государыня.

Был тут один такой момент на переговорах: попросили горские женщины разрешения удалиться для совещания; ну, однако вернулись они с прежними требованиями. Я так полагаю: очень уж им Государыня понравилась. Но и наказ им, видно, все-таки строгий был дан. Когда доложил я об этом Государыне, Она улыбнулась:

— Форма тоже понравилась: сыновьям-то, черноглазым красавцам — как бы к лицу была?

Тут отвлекусь немного: «казенную пышность» Государыня допускала и пестовала даже. Золота только видеть не могла. Не могу я этого постичь даже и до сих пор: что злато, что серебро — не все ли одно?

Хочется мне и о фрейлинах, школьных подругах Государыни, несколько добрых слов сказать: славные помощницы обе — Людмила Васильевна Петрова и Людмила Яковлевна Фельдман. Между собой-то они друг другу все: «Милочка», да «Люлечка», да «Катенька» — уж так привыкли. Почему-то много в этом поколении одиночек, среди образованных женщин... Обе — и Милочка, и Люлеч-

ка — инженеры (та история с практиканкой — про Милочку), обе — хорошенъкие, обе — умницы, обе — незамужние... Милочка — так и светится добротой, мудростью какой-то не по годам; Люлечка — умная, собранная, всякое дело у нее спорится — да все весело, с шуткой. Чаще всего — в черном обе, бриллиантовая брошь с вензелем Государыни приколота на груди. Надеюсь, простят мне они уменьшительные имена — знают ведь, как они обе дороги моему сердцу.

...Переговоры закончились «полным поражением России», как написали на следующий день почти все газеты.

Домой Государыня возвращалась с целой кучей «заложников». А дело так было:

— Сирот ваших я пока с собой возьму, — говорит горянкам Государыня. — Как обустроитесь, обратно к себе их увезете — если сами захотят. А не захотят — не обессудьте. Мое будет.

Доверили ведь Ей детишек горские женщины! Вместе с детьми отправились несколько воспитательниц и пожилой священнослужитель — Исламу обучать.

А сиротки всякие тут были: и светлоголовых ребятишек много, одним домом ведь прежде-то жили.

В самолете что шуму, что гаму от них было: ну, дети же. Пооттаяли сердчишки-то у них.

...А дома у Государыни уж все подготовлено: посреди обширного сада двухэтажный дом. В доме чистота, уют: столовая, классы, спальни... а главное-то — персонал ласковый. И Глафира Петровна тут же: сама попросилась. Государыня все осмотрела в доме; только Она уезжать собралась, как вдруг одна-то сиротка кинулась к ней, в юбку вцепилась («до синяков») да так и окаменела... Подбежали к ней воспитательницы, уговаривают ее по-своему, а она — глазенки зажмурила и так и колотится вся от беззвучного плача. Глянула тут Государыня на горянок, те без слов поняли, кивнули — согласны, мол.

Схватила тут Государыня девчоночку, к сердцу прижалась... так вот и появилась у нас Алёшенька. Мальчишка оказался. Волосенки его — густые, кудрявые, небывалой длины поначалу всех нас с толку сбили.

6. АЛЕША

Не позволил Государыне «Монархический совет» усыновить Алешу. И отчего бы не позволить? Престолонаследование у нас в России по женской линии ведется (тогда уж закон этот принят был). Государыня спорить не стала — и, признаешься, очень меня этим озадачила: как же, думаю, могла Государыня поставить что бы то ни было — национальные ли, межнациональные интересы — выше блага ребенка? Неужели — «политиком» стала? Когда сказал Ей об этом, Она глянула на меня грустно так:

— Виктор Алексеевич, неужели вы не видите? Алеша сестру больше любит...

И то сказать: княгиня Ольга — умница, красавица тоже, а — попроще, повеселее Государыни будет. Истинная благодать для ребенка — такая-то мать. Племянник Государыни тогда уж большенъкий был. Вот и занялись княгиня Ольга с супругом сиротку воспитывать. Они его и усыновили.

Поначалу-то что-то вроде соперничества между сестрами было: они же первые и подсмеивались меж собою над этим. Государыни-то сердечко не могло забыть, как Она «на коленках возле Алешиной кроватки спала».

... В тот первый-то вечер, после купанья да чашки молока Государыня сама его в кроватку уложила. Только Ей уходить, а ребенок за руку Ее ухватился, да

и не пускает от себя. Чуть шевельнется Государыня идти, думает — уснул, а Алеша еще крепче за руку уцепится. Под утро уж отпустил Ее Алёшенька, сладко уснул — намаялся.

Княгиня-то Ольга еще долгое время его на руках укачивала (это пятилетне-го-то!). Все детские психологи Ее Высочество за это осуждали. Я, признаюсь, тоже этого не понимал. Государыня же сочувственно относилась:

— Молодец! Не надорвись только.

— Да он легонький.

Глафира Петровна мне разъяснила. Сама, помню, бельишко детское нагла-живает в голубой от кафеля и прозрачных занавесок прачечной (с каким-то по-ручением я в «горском доме» был) — и так мне говорит:

— Дети, дорогуша, разные бывают. Один у тебя — две тарелки каши съест. Другой — с трех ложек сыт. И больше ему не надо. Алеша-то — сколько не доел? Ему теперь большая добавка нужна. Чтобы хорошим человеком вырос.

...Не так еще давно это было. Государыня, герцог Ландский, княгиня Ольга с супругом, дети — все собрались в гостиной теплым весенним вечером. Редкая выдалась минута.

Дом этот подмосковный, с садом и огородиком, Государыня очень любила. Приобретен он был на собственные средства августейшей семьи. Средства небольшие; и домик — кирпичный, двухэтажный — тоже скромный, а — уютный, веселый.

...Кажется, литературный разговор шел в тот вечер. Вот княгиня Ольга и пошути:

— Пусть, Алёшенька, не забудут критики и про мой скромный вклад в твое творчество... сам-то — не забыл?

Тут наш знаменитый поэт-переводчик подошел к матери, обнял ее и пропел тихонечко:

Утенок, котенок,
Хороший ребенок,
Ты — мой лягушонок,
Ты — мой поросенок...

Улыбается княгиня Ольга, а в глазах — слезы. О чем они? Так, ни о чем. О том, что — вот, был маленький, ушки часто болели, а теперь — поэт, дамских сердец повелитель.

А надо сказать, Алеша, хоть росточком не высок, зато ладный, стройный задался. Волосы у него густые, темные, в крупных кольцах. В темных глазах — то насмешка сверкает, а то вдруг — бархатными, печальными глаза делаются... Словом — погибель девичья.

С детства итальянскому и французскому Алеша был обучен. Тут уж Государыня повлияла:

— Английский... уж как сам захочешь. В английском согласования в женском роде нет — ни у глагола, ни у прилагательного...

Рано разглядела Она в ребенке — поэта.

Начинал-то Алеша, как поэт-переводчик. Переводы его из Пушкина и мне, старику, нравятся. Вот это, например:

Je vous aime; l'amour peut-être encore
Nait pas quitté à tout jamais mon âme,
Mais qu'il ne vous inquiète plus dès lors;
Je ne veux point vous chagrinier, Madame.

Je vous aimais — muet, sans espérance,
 Timidité et jalousie souffrant,
 Je vous aimais — aussi sincère et tendre
 Qu'un autre, mon Dieu, puisse vous aimer autant.²

7. ГЕРЦОГ ЛАНДСКИЙ

Французскому-то языку Государыня сама меня учила. Давно это было. Мы, группа инженеров, тогда свой кандидатский минимум готовили. Вот Она нам язык и преподавала... Молоденькая учительница, только-только из института. Мы Ее тогда даже не по отчеству, а просто Катюшой звали.

Чудом обрели мы Государыню нашу, истинно — чудом! Как станешь вспоминать, какие невероятные — невозможные! — события тому предшествовали... право же, страшно становится.

...Ну, Государыня, как взошла на престол, и обо мне вспомнила. А я к тому времени уж в столицу перебрался. Не сразу я прежнюю службу оставил, некоторое время две должности совмещал:

— Сами знаете, Виктор Алексеевич, — в казне денег мало. Пока можно — оставайтесь на прежней работе. И мне, пожалуйста, помогайте. А со временем окончательно ко мне на службу перейдете. Оклад постараюсь вам прежний оставить, — так мне Государыня сказала.

Да мне прежнего-то много, мне и не надо столько. Человек я одинокий. Супруга моя бывшая — замужем за богатым купцом, дочь наша взрослая — при них, тоже судьбы своей ищет.

...Так вот... после тех удивительных событий, после объявления результатов всероссийского референдума, когда уж всем явно стало — к чему дело-то идет, надумал ландский королевский двор наградить Катюшиного мужа титулом. Только тут большая заминка вышла. Уж, кажется, на все готов Жан-Мари для обожаемой супруги, а тут — взбунтовался.

— Мой отец, — говорит, — всю свою жизнь на железной дороге, сцепщиком...

Отца-то покойного очень любил. Ну, уперся так, что ничем его не сдвинешь. Сам — мрачнее тучи ходит, расстроенный, несчастный... за водкой ведь как-то Катюша его застала: сидит один-одинешенек перед бутылкой... Ну, водку Катюша отобрала, а что дальше делать?

Тут церковь помогла. Супруг-то Катюши — верующий католик, каждое воскресное утро в церковь. Кинулась Катюша к священнику своему, деревенскому. Очень она этого священника за его проповеди уважала.

— Чуть было не влюбилась, до того заслушивалась. Хорошо, что священник-то совсем уж старенький старичок был, — смеется Государыня.

Не оказалось его дома в тот вечер, записку ему Катюша оставила.

Уж поздно вечером священник к ним домой приехал. Долго они вдвоем с Жаном-Мари разговаривали... Уж как там, какими словами, — а только убедил его священник — принять герцогский титул.

...Хорошие отзывы слышны о работе герцога в нашей Торговой Палате. Высшее техническое образование у него, специализация — ведение контрактов. По прежней работе он ходы и хитрости западных, да и восточных купцов изучил — пригодилось. А так — человек простой. Супругу и дочку без памяти любит. Членом (кроме специальности) и другими интеллектуальными удовольствиями не

² «Я вас любил...» в моем переводе. — Н. Н. Денисов.

увлекается. В садике покопаться любит, ну, и церковь не забывает, конечно.

Вот, кстати, вспоминается мне один случай не совсем обычновенный, а пуще всего — Государыню я обидел. И по сей час себе простить не могу.

Как-то в конце рабочего дня (а уж поздний вечер был) обсудили мы с Нею день прошедший, на завтра план уточнили... я уж откланяться хотел, а Государыня меня вдруг спрашивает — робко так:

— А скажите, Виктор Алексеевич, про меня анекдоты — рассказывают?

Остолбенел я, признаться, молчу, не знаю, что и ответить. А Государыня, на мое смущение глядя, смеется:

— А, рассказывают, значит! Что-нибудь про царицу и ее первого министра?

Я тут еще больше смешался. Анекдотов-то этих целая серия ходила: про царицу, премьер-министра и герцога Ландского.

— Да Вы их знаете, Государыня?

— Нет, не слыхала. Только, что еще можно про царицу рассказывать? Да и первый наш министр: бравый, усатый — сам просится. Неприличные ведь анекдоты?

— Неприличные, Государыня.

— А — смешные?

— Смешные, Государыня.

— А... расскажите мне?

Разве мог я хоть в чем-нибудь отказать Государыне? И подумать не смел! Все же, спрашиваю:

— Да зачем Вам это, Государыня?

— Мне нужно знать... Такие анекдоты основаны на контрасте, понимаете? Я вас слушаю.

Припомнил я тут один, не самый-то ужасный и, запинаясь и заикаясь, начал Государыне докладывать... Смотрю, Она ручку подняла, как бы остановить меня хочет, но тут уж я разозлился — и так, в ясные очи глядя, до конца этот анекдот и довел, даже, помнится, довольно громким голосом.

... Помолчали. Государыня спрашивает:

— Неужели — в газете?

— Нет, о, нет, что Вы, Государыня!.. Простите меня!

— От души прощаю, Виктор Алексеевич. Я и сама виновата.

Повеселела Она, глянула на меня с улыбкой:

— Ну не смешные ли мы с вами люди? Анекдота рассказать не умеем.

И как бы Она чем-то довольна, утешена чем-то. Особенно тем, думаю, что и герцога Ландского тут не забыли — не за пустое место считают, уважают, значит. Не знаю — поймете ли вы меня.

8. БАБУШКА СНЕЖАНА

... О своем давнем путешествии в деревушку на Балканах, думаю, не многим Государыня рассказывала, а уж супругу тем более — оберегала Она мужа-то, не хотела его попусту тревожить.

Надо сказать, к экстрасенсам и тому подобному с большим недоверием Государыня относится:

— «Оно бы так, кабы поменьше мошенников. А то больно много».³

Но с бабушкой Снежаной случай особый:

³ А. Н. Островский. «Лес».

— Очаровала она меня своим предсказанием тысячелетнего мира и благополучия России.

Вот как рассказывала мне Государыня о той своей поездке (в то время Она просто Катюшой была):

— ...Подошла моя очередь, вхожу. В избушке — темновато; половицами постланы, травами сухими пахнет... Глянула на меня баба Снежана — глаза у нее молодые, ярко-синие. А я все слова позабыла, стою, тоже во все глаза на нее смотрю. Какие-то две старушки с ней сидели, поднялись они и — за дверь. А я так и стою у порога... Наконец, улыбнулась мне баба Снежана и говорит:

— Здравствуй, Государыня Российской!

У меня от этих слов и ноги подкосились. А она мне:

— Да ты меня боишься, что ли? Не бойся. Мы ведь с тобой — не чужие. Почему не ешь ничего? Садись-ко вот, ушки со мной похлебай.

...Вышла я от нее — а уж вечер на дворе! Оказалось — долго мы беседовали. Смеялись с ней много. Я еще, помню, спросила: «Откуда вы так хорошо русский знаете? Вы как моя бабушка говорите». А она смеется:

— А я и не знаю вовсе. А так, бывает со мной, милая. Вдруг и заговорю — и сама не знаю, как.

Вот и весь рассказ. О чем так долго беседовали они в тот вечер? — неизвестно, думаю, кроме них обеих, никому.

9. МАВЗОЛЕЙ

— Мне Мавзолей не мешает, если он людям все еще нужен. А только — нехорошо, тело без погребения столько лет... — говорила Государыня.

Подробная годовая смета содержания Мавзолея, если помните, опубликована была в газетах: не такая уж большая сумма, но, по сравнению с пенсиями-то — огромная, конечно. Только — у нас народ расчетами-то этими с толку не собьешь: уж если что в голове засело, так — хоть на плаху. Да ведь за то и любила — до обожания! — Государыня свой народ.

...Вспоминается мне расширенное заседание «Совета ветеранов». Это уж после того, как принципиальное согласие на реконструкцию Мавзолея от населения получено было. Ну, сидим, обсуждаем, между прочим, какой памятник в Мавзолее ставить: стоячий ли, сидячий, новый ли заказывать? Государыня слушала все это внимательно, да вдруг и скажи:

— А, может быть, — куклу положить? Восковую?

Тут председатель-то Совета побагровел даже весь. Прикрикнул даже:

— Да что вы Государыня, совсем уж... как с маленьенькими с нами! Куклу!

Еще что-то бормотал старик — уж очень рассердился. А Государыня от этого окрика покраснела до слез, встала и говорит тихонько:

— Извините меня, Владлен Петрович, я действительно глупость сказала. Но ведь я только как лучше хотела!

Подошел к Ней наш председатель, обнял отечески. Поклонился с достоинством:

— Великодушно простите стариковскую вспыльчивость, Государыня.

...Конечно же, возникла «демократическая оппозиция проекту установки памятника».

Надо отметить, симбирская Городская дума отнеслась к делу скорее практически: ну как — туризм, или уж лучше сказать — паломничество. Доход городу.

А столичные газеты высказывали тревожные опасения, упрекали Государыню в «забвении жертв».

«Неужели Вы забыли о трагической участи Вашего предшественника на Российском троне? Неужели Вы простили мурманскую ссылку обоих Ваших дедов — крестьян?» — горестно и гневно вопрошала одна газета.

А вот мнение другой газеты:

«Государыня нянчится с нами, как с больным ребенком. Но известно ведь: «Сердце матери — в детях, а сердце детей — в камушках».

Упрек, пожалуй, излишне суровый — настроение добродушной самоиронии всё же преобладало.

...Помню ласковое июльское утро накануне открытия памятника в Мавзолее. В то утро Государыня в сопровождении близких пешком отправилась к одному из памятников жертвам политических репрессий — с букетом цветов.

Букет свой Государыня тщательно обдумала: среди множества полевых васильков алели гвоздики, в синеве васильков прятались розы, несколько изнеженных орхидей...

Ну, а на следующий день, по окончании скромной церемонии открытия, Государыня положила букет хризантем к памятнику вождю.

Как известно, этот простой жест, всем нам показавшийся в ту минуту таким естественным, вызвал бурю. Последовал запрос Монархического совета, на который Государыня немедленно ответила телеграммой:

«Поступить иначе было бы невежливо».

Монархический совет согласился с Государыней.

Но не такова была реакция массовой зарубежной печати: в ход были пущены обычные антирусские выпады, в которых правда и ложь переплетены так искусно, что ловить «искусников» за руку — занятие крайне утомительное.

Последовал, наконец, парламентский запрос, в котором депутаты Думы требовали от Государыни «объяснить свой поступок».

В руках у меня старый номер «Придворного Вестника» с отчетом о чрезвычайном заседании Государственной Думы (цитирую с большими сокращениями):

«...Государыня поднялась на парламентскую трибуну. Совершенно спокойно и благожелательно Она оглядела зал и в напряженной тишине сказала негромко:

— Господа депутаты, вот мое объяснение: детскую душу сохранили.

После этого собралась уже сойти с трибуны Государыня, но, видя недоумение на многих лицах, остановилась и пояснила терпеливо:

— Мы, наш народ, сохранили нашу детскую душу. Это очень важно. Теперь бы не потерять... для этого я здесь.

Из рядов послышался иронический возглас:

— «Мы можем петь и смеяться, как дети!» (смех в зале).

Государыня никак на это не ответила, спустилась с трибуны и спокойно села на свое место. Как нам кажется, удивительное, совершенное спокойствие это наконец заставило многих из присутствующих внимательнее взглянуться в происходящее. Впрочем, не всем, как оказалось, требовалось «объяснение».

Из выступления депутата Н. (рабочего):

— Я, вместе с Государыней, вместе со всеми вами оплакиваю наши неисчислимые жертвы... Хорошо бы, если бы их не было! Но они были... Все — было. Так что же, бессмысленными были эти жертвы? И вот теперь мы, без малого век пробродив без дороги, ободравшись по буреломам до крови, виновато становимся в хвост очереди? ...Извините, так не бывает!

Из выступления депутата К. (писателя-сатирика):

— Жили-были сумасшедшие. И вот, надоело им быть сумасшедшими. Захотели и они стать — респектабельными дураками.

Из выступления депутата С-вой (космонавта):

— Ну разве придет в голову солидному, взрослому человеку мысль... о полете на Марс? Да ведь это — мальчишки мысль, поседевшего мальчишки!

Из выступления депутата М. (крестьянки):

— Коммунисты хоть делали вид, что любят...

Из выступления депутата С. (знакомого нам Владлена Петровича):

— ...Вот что писал Борис Зайцев о том предгрозовом времени: «Материально Россия неслась все вперед, но моральной устойчивости никакой, дух смятения и уныния овладевал».⁴ Так вот: меня охватывает тоскливо-честное чувство, как представлю — что бы могло с нами быть, с «молодым народом» при таком раскладе: материальное благополучие плюс бездуховность? А ведь пример-то есть, вон он, у всех на виду! (*оратор машина рукой куда-то в сторону*).

Из выступления депутата Д. (дипломата):

— Как поездишь туда-обратно не по одному разу в год, так и поймешь: у них там — дыхание Апокалипсиса слышнее... А я так думаю: все от нас зависит, от того, что мы сами вырастим в наших сердцах... А всего бы лучше — до Суда-то дело не доводить...

Из выступления депутата М. (писательницы):

...Женщины, возможно, многое приобрели... А потеряли — еще большее. ...Мне кажется, наши прабабушки не задавались такими глупыми вопросами, как, например: «В чем смысл жизни?» А почему? Потому, что — знали. Природное, женской природе свойственное знание у них было...

Из выступления депутата С. (историка):

— Да! Христа у нас отобрали. А кто был нашим богом? Пушкин! Заметьте — не деньги, какие у нас были деньги? Нашим богом был Пушкин. И пусть кто-то, неведомыми путями раздобыв, читал, замирая:

Наших дедов мечта невозможная,
Наших героев жертва осторожная,
Наша молитва устами несмелыми,
Наша надежда и вздохание —
Учредительное Собрание, —
Что мы с ним сделали?...⁵

А большинство, конечно, повторяло:

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях
И «Яблочко» — песню
Держали в зубах...⁶

Но штука в том, что и то и другое — настоящая поэзия! «Пушкина веселый гений» царил повсюду... Поэзия сберегала наши души...

В заключение своей речи наш уважаемый историк произнес несколько сбивчиво:

⁴ Борис Зайцев. «Молодость — Россия».

⁵ Зинанда Гиппиус. «Учредительное Собрание».

⁶ Михаил Светлов. «Гренада».

— Государыня столько дарила цветов... Позвольте и мне... — с этими словами он направился к Государыне и, под аплодисменты депутатов, с почтительным поклоном вручил Ей (каким-то чудом оказавшуюся у него в руках) — на высоком стебле белую розу».

...Кто бывал в Мавзолее после реконструкции, видел памятник этот: сидит Ильич, пишет и на людей не смотрит. Цветов у памятника много было первые-то годы.

10. БАЛ

Думаю, многие согласятся со мною, если скажу, что «Пушкинский бал», ежегодный бал во дворце в честь дня рождения Поэта, у нас — одно из центральных событий года.

Событие радостное, хотя, конечно же, не обходится без обид, без борьбы самолюбий... ведь ни за какие деньги невозможно купить этот долгожданный, светло-зеленый пригласительный билет. Зато уж если получил приглашение, скажем, начинающий литератор, то может быть уверен — двери издательств перед ним гостеприимно распахнуты.

Установившаяся традиция предписывает дамам бальное платье фасона пушкинской эпохи; ну, мужчинам, как принято, — фрак. (Не у всех приглашенных были на это средства — Государыня в таких случаях помогала.)

Традиционным вальсом открывали бал Государыня с супругом. В составе оркестра — талантливые молодые музыканты. Надо сказать, бал этот блистал молодостью: множество начинающей молодежи, куда ни глянешь — всюду молодые, радостные лица — а даже и в буфете: весело хлопочут юные победители конкурса официантов. Правда, показать все свое искусство им не на чем: угождают гостей чаём, да вкуснейшими пирогами, да кофе с пирожным, ну, лимонад там, соки...

Следует отметить — высоких иностранных гостей тем же Государыня почтевала. В МИДЕ поначалу очень недовольны были: что-де иностранные деятели подумают?

— Да пусть думают, что хотят... благо — есть чем, — отвечала на это Государыня. — Мы, слава Богу, у себя дома — уж чем богаты, тем и рады. А шампанское с икрой казне пока не под силу — у нас пока еще и дети не все полноценно питаются.

В народе по этому поводу говорили так: «Хоть на этот раз председатель непьющий».

Конечно, на балу кавалеры танцевать обязаны, но много было и встреч, и бесед интересных.

Вот как-то (в самые еще первые годы это было) смотрю — Государыня оживленно о чем-то говорит, стоя в группе писателей. Порадовался я про себя — поначалу-то ведь робела Государыня этой братии. Помню, такой у нас разговор был однажды:

— У многих из этих людей власть-то побольше, да и подольше царской, — говорит мне Государыня.

— Не согласен я, Государыня, — отвечаю. — Вас долго помнить будут...

— Будут — но как? «Опять по истории двойка? За что?» — «За Катерину тре-е-тью...», — смеется Государыня.

... А в тот раз, подхожу я к ним и слышу:

— Федор Михайлович подолгу за границей живал. По-французски говорил, как француз, знал и другие языки. А вот Антон Павлович — так ни одного и не выучил. Венские извозчики поразили его воображение — тем, что в ожидании

седока газеты читали...⁷ — улыбаясь, говорил молодой драматург Т.

...В конце разговора Государыня спрашивает:

— Может быть, вам неуютно без «идеологической установки»? Не с чем бороться? Не от чего оттолкнуться?

Безо всякой насмешки! — а, напротив, искренне так, сочувствующе спрашивает. И смотрит при этом так... (Не могу я, старый человек, сдержать слез. Только Она умела так смотреть!)

— Да ведь мы, Государыня, Вашу-то Идеологию знаем: славить Пушкина и — срамить беса жадности, дискредитировать «желтого дьявола» где только возможно, — с улыбкой отвечает известнейший детский писатель М., любимый у нас и детьми и взрослыми. (Сам я, бывало, не раз брался за его книги — уж будучи немолодым человеком. Целебнейший автор.)

...Вспоминается мне в связи с «идеологией» один курьезный случай.

С большим успехом прошла в обеих столицах, а затем и в провинции пьеса того молодого драматурга. (Она и до сих пор идет и успехом пользуется.) В пьесе этой директор крупного банка однажды собрал своих служащих и объявил им так: я, мол, отказываюсь от своего банка, ухожу странствовать по Божьему миру, ну и так далее...

— А вы тут выпутывайтесь, как знаете... — добавила Государыня по прочтении пьесы.

Ждали Государыню и на премьеру, и после. Однако не появилась Государыня ни на одном представлении. А побывала Она на концерте двух известных авторов-исполнителей. Но об этом после.

По поводу же той пьесы рассказал мне товарищ мой по прежней работе такую историю:

— Созвал наш директор общее собрание. Встает — помнишь ведь старика? — и начинает сурово: «Я собрал вас для того, чтобы объявить вам следующее...» и осекся. Потому что по залу какой-то непонятный шум пошел. А мы сидим в зале, корчимся — и смеяться нельзя, и удержаться невозможно. Пьесу-то многие смотрели. И герой-то ее чуть ли не с нашего директора списан. А главное — начал он теми самыми словами из пьесы. Ну, директор наш никаких этих современных пьес не признает. Народные песни да цыганские романсы любит. Помощник ему докладывает почтительно: вот, дескать, пьеса такая в театре идет... Выслушал старик, бровью не повел. Бросил только в зал: «Доканчивайте вашу девичью истерику. Не смею мешать». Ушел и дверью хлопнул.

11. НА КОНЦЕРТЕ

...На тот концерт с какой-то детской радостью Государыня собиралась. Княгиня Ольга вышила Ей маленькую корону серебряной ниткой — на синей джинсовой курточке. (Сама-то Государыня — не рукodelница.)

Правда, сразу-то отговаривал Ее начальник личной охраны:

— Не лучше ли, Государыня, их во дворец пригласить?

— Да что же я — халиф багдадский? — удивлялась Государыня. — Должна я уважение артистам оказать?

— Да ведь они... какие же они «артисты», Государыня? — настаивал начальник охраны.

— А такие, что... их песенок послушавшись, может, не один и не двое моих

⁷ H. Troyat. «Dostoevski». H. Troyat. «Tchekhov».

подданных раздумали под электричку-то бросаться... вот какие.

...Государыня с Супругом на этом концерте инкогнито присутствовали. (Так и стоит Она у меня перед глазами, Государыня Российская. Стойная, не маленького роста, с волной русых волос и детской прелести лицом... в джинсовой своей курточке...)

Но, как только появились Государыня с супругом в одной из лож, — как будто посветлело в зале: все лица сразу к ним обратились. Вся публика встала. Аплодисменты, а вскоре и овация начались.

Авторы-исполнители уж на сцене были. Пришлось одному из них объявить в микрофон: «Наш концерт почтили августейшим присутствием...» Ну, тут уж буря поднялась. Государыня с Супругом поклонились оба... ждут. Не стихает буря, усиливается только, что-то истерическое засыпалось в ее шуме... Смотрю я на Государыню — побледнела Она. Испугалась как будто.

Так и не дали Государыне концерт послушать. Супруг-то, вижу, встревожился, тихонько под руку Государыню взял, прошептал что-то... удалились Они.

12. К ДЕТЬЯМ

...По поводу личного, на диво оборудованного (вплоть до небольшого реанимационного центра) самолета Государыни следует сказать: не сразу Она с этим проектом согласилась, расходами постеснялась.

— Да ведь Вы, Государыня, не ради прихоти по стране путешествуете, чего же тут стесняться? — несколько раздраженно заметил Ей, помнится, полковник Р., командир авиаотряда.

— Можете считать и прихотью... ведь знаю же я, что и без меня все сделают, как нужно. А только не могу на месте усидеть.

Согласившись, оговорила Государыня, что и посланные Ее имеют право пользоваться этим самолетом. Обе фрейлины Государыни не раз на нем летали, и мне случалось, да и другим тоже. «Неотложкой» прозвало население этот самолет.

Несколько раз доводилось Государыне спешно, по тревожному письму вылетать — порою, в очень отдаленные места.

Помнится, было одно письмо такое. Пришло оно из родного Государыне северорусского города. А история такая.

Заметила соседка, что в квартире на первом этаже стали часто собираться дети. Шум, визг, магнитофон надрываетя. Позвонила она как-то в квартиру, открыли ей... Вот после этого и стала она хлопотать: и в Охрану детства, и в Городскую думу, и в милицию — никому-то до детей дела нет.

У отца работа разъездная, неделями его дома не бывает, да и выпивает изрядно. Мать этого семейства троих детишек бросила, исчезла с кем-то.

Вот и стали эти ребятки жить сами по себе: «Как змеенышы выползают на лестничную площадку, худо им — вином напьются, канюхаются ли чего. Посмотрите, мол, на нас, мы пропадаем, помогите!» — писала соседка, Надежда Семеновна.

— Еду, Виктор Алексеевич. Пожалуйста, предупредите только Надежду Семеновну, — просто сказала Государыня.

...Скорехонько мы долетели. Только приземлились (уж смеркалось), а нас и встречают: городской голова со всему свитою. А видать — не знают, зачем Государыня к ним пожаловала.

Городской голова — представительный седовласый джентльмен (тертый орех, между прочим) с выражением восторга бросился к Государыне: «Ваше Величество! Позвольте мне приветствовать...» и т.д. Государыня выслушала его несколько

иронически, сказала лишь: «Добрый вечер, господа», и поскорее в свою машину села. Те, смотрю, за нами следом поехали — целой вереницей.

Подъезжаем — а Надежда Семеновна нас у подъезда ждет, продрогла, бедная. Позвонили в квартиру. Стихло там все, потом детский голосок спрашивает: «Кто там?»

— Царица, — отвечает Государыня.

Немедленно нам открыли. Не приведи Господь еще раз увидеть... пьяных детей...

(«Именно чего-то в этом роде мы и ждали подсознательно. Чуда ждали», — так говорил мне много лет спустя старшенький, Володя.)

Сразу же узнали ребятишки Государыню, еще накануне, оказывается, детскую передачу с Ее участием смотрели. (Придется, видно, после об этой передаче немного рассказать.)

Человек семеро их, ребят, тут было. Конечно, врачебная помощь была им оказана. После этого «гостей» по домам развезли — «джентльмен» тут постарался. Начальница Службы охраны детства подоспела — позвонили ей, конечно. Пышная дама, в ушах — дырки от серег. Заторопилась сразу:

— Поверьте, Государыня, все переполнено. А дети не на улице все же. Не было никакой возможности.

Государыня, всегда приветливая, на этот раз смотрела без улыбки:

— Сударыня, в Охране детства мне нужны люди, готовые делать и невозможное.

После уж рассказали дети, что «тетя Надя» покупала им хлеб, варила суп — это из своего пособия-то безработной воспитательницы. (Кстати, она и сменила вскоре «пышную даму».) Детям Государыня так сказала:

— Володя, Саша, Ирочка, хотите лететь со мной, ко мне в гости? А папа ваш потом к вам приедет, когда захочет?

— «Не захочет», — прочиталось в детских глазах.

Однако бывают на свете чудеса. Не так долго погостили дети у Государыни — явился папа.

Смущенно протянул Государыне письмо Надежды Семеновны, в котором сообщалось, что папа этот бросил пить, поменял квартиру (с работой ему «джентльмен» помог) и вообще — взялся за ум. Дети отцу, конечно, обрадовались — дети ведь многое нам прощают. Так, все вместе (кроме Володи) и отбыли они домой. Старшенькому-то пришлось немного в Москве подлечиться.

... На аэродроме того северного города, при прощании, Государыня не сразу подала руку городскому голове. Взгляда Ее при этом я не видел. Видел лишь, как побледнел «джентльмен». За карьеру свою испугался или же — понял? Наконец, — Государыня протянула ему руку.

13–14.*

15. «ПРИДВОРНЫЙ ВЕСТНИК»

Хочется мне вместе с вами вспомнить историю появления на телевидении одной из любимейших наших передач — «Уроки».

...Как-то протягивает мне государыня небольшой список и говорит:

* В представленном в редакцию машинописном тексте отсутствует страница с главами 13 и 14. — (Ред.)

— Нельзя ли мне... побеседовать с этими людьми? Хочу свои мысли проверить. Душе урок нужен.

Просмотрел я список: историк, православный священник, искусствовед и Мария Степановна С-ова.

— А кто же эта госпожа С., Государыня?

— Пенсионерка-колхозница из Рязанской области. Помните — письмо ее нам понравилось? А чтобы не быть эгоистами — ведь какое блестящее общество соберем! — поделимся с читателями: отчет напечатаем в «Вестнике». Так и сделали. Ну, потом телевидение заинтересовалось. Правда, вначале они возражали против «бабушек» (Государыня-то постоянно старушек приглашала — и по письмам, и по старой памяти.) Только тут Она твердо на своем настояла:

— Поймите: бабушки — это же мудрость, это — теплота, а язык какой! — заслушаешься. Вот увидите — хорошо получится!

«Придворный Вестник» к тому времени несколько месяцев, как существовал, а уж немалую читательскую аудиторию завоевать успел. Идея такого издания как-то сама собой возникла. Помню, с будущим редактором у Государыни такой разговор состоялся:

— Ну, в добрый час да во святой! Только вот что меня беспокоит: как бы наш вестник в сплетника не превратился? Поэтому, договоримся, дорогой Семен Семенович: если не о чем писать, так не лучше ли стихи печатать?

Редактор — человек немолодой, вспыльчивый, с немалым опытом журналистской работы, — опешил:

— Да отчего же стихи? С чего бы вдруг — стихи, Государыня? Ведь должна же быть хоть какая-нибудь логика...

— А логика вот какая: пусть у вас будет постоянная рубрика... «По выбору Государыни», скажем. Можно, впрочем, и прозу печатать. Мне бы очень хотелось самой заняться подборкой, только боюсь — не всегда буду успевать к сроку... так вы уж, пожалуйста, сами. Мне только хотелось бы знать ваш выбор. И главное: слово ободрения и утешения должно звучать.

16. «УРОКИ»

Попросился как-то г-н Л. (тогдашний лидер крайне правых) на передачу.

— Храбрый какой. Ведь сам рад не будет — это не у себя на партийных митингах выступать, — сказала Государыня, подписывая приглашение.

Что же? — не успел наш гость не то что наговориться всласть, по своему обычаю, а даже и рта раскрыть, как в студию позвонила старшеклассница Н. из Петрограда. И высоким, взволнованным голоском провещала:

— Как же вы, г-н Л., называете себя «русскими националистами»? Ведь ненависть к другим народам, ведь это же черта самая не русская! И вообще — культурные люди любят всех людей. Вот я, например, Индию очень люблю — мы на факультативе санскрит изучаем. А мой... один знакомый — Китай очень любит: он ушу увлекается. Если знаешь культуру народа, так его и любишь. А вы, г-н Л., значит, не знаете русской культуры, раз так говорите. Значит, вы и русских не любите!

Сделаю небольшое отступление: как-то, на политическом банкете (тут уж легоньким пивом с бутербродами Государыня угощала) удостоила Она получасовой почти беседы г-на Л.

Смотрю — сели оба в сторонке и так-то увлеклись разговором. Мешать им, конечно, никто не смел. Ну, и я тоже — подойти не могу, а беспокойство меня

одолевает: боялся я, как бы Государыня по своей чистоте не разоткровенничалась. Разве можно — с таким человеком?

Мало я тогда знал Государыню! С Ее слов привожу заключительную часть их беседы:

— Я думаю, Иосиф Карпович, вам следует остаться в партии. Возможно, вам удастся ее преобразовать. Видите ли — я опасаюсь, как бы ваше место не заняла какая-нибудь вполне одиозная фигура.

— Так Вы меня, все же, кем-то вроде чудовища считаете, Государыня?

— Нет, не считаю. Только вот что хочу вам сказать: верю, что вы Россию любите. И верю, что не любите русских. Русские вам только мешают.

...Продолжаю о передаче. Вот несколько характерных сценок, взятых из выпусков разных лет (по отчетам «Вестника»);

«...Тут раздался в студии иной голос — жизнерадостный бас нашего известного хоккеиста Д.

— Я вот о чем хотел... Вот вы говорите: «Мы — молодой народ». Ладно. А ведь есть и помоложе нас. Я за океаном не раз бывал. Язык-то плоховато знаю, но общаться много приходилось. Так вот: мне там все простые, хорошие такие ребята попадались. Удивлялись еще на меня, что я читать люблю... Так вот, я только теперь понял: в них «детского» много!

Только, конечно, беда у них: этот ну, как там? — желтый бес, что ли? — живьем их ест. Читать-то не читают, а деньги ловко считать умеют. Крепко за деньгу держатся, что правда, то правда.

По обычая, в студии сидела старушка-одуванчик (рядышком с Государыней — тоже по обычая): лицо все в морщинках, а глазки голубенькие, веселые. И вступила она тут в разговор:

— Молодым, милые, мать нужна. Намаялись, поди-ко, по чужим рукам да по чужим дядькам... Вот, кабы была у них царица... Не то и нам-то всем — хоть пропасть с ими.

Тут внимательно слушавший профессор истории П. вдруг отколол такую штуку: подскочил груновато к «одуванчику» и крепко ее расцеловал: «Тележка с яблоками» — кричит.

— Позвольте, Павел Александрович, — ироническим тоном возразил ему искусствовед Т., — в пьесе Шоу все как раз наоборот... впрочем... Впрочем, возможно, вы и правы. Слово — оно живое. Вместе с нами живет и всякому времени по новому открывается...

17. «УРОКИ» (продолжение)

Самых брезгливых удалось Государыне привлечь себе в помощь, к делу государственного устройства. Из дальних иногда углов обширной страны. Что ж, поняли люди: об эту власть невозможно замараться. Зато уж и команда подобралась: лучшие умы России, благороднейшие сердца, бессребреники. Вот по поводу дальних-то углов хотелось бы один случай вспомнить.

Одна из передач посвящена была природе Зла. Кто-то из собеседников стал развивать такую мысль:

— Зло лишь видимая часть Тайны, та ее зыбкая грань, которая выходит в наш мир и которую дано нам осознать постоянно и повсеместно, вплоть до повседневности.

И тут как раз дозвонился до студии из сибирского села учитель истории Г.

И внушительным, строгим голосом (чувствовалась привычка к дисциплине в классе) отчитал:

— В состав нашего мироздания входит один полезный, но крайне опасный яд, имеющий свойство стремительно расти при малейшей возможности. Усилия светлейших гениев человечества, а также никому не известных подвижников упорно направлялись на сдерживание Зла, которое иначе захлестнуло бы нас с головой. Человечество имеет право гордиться тем, что даже и в этих условиях нами достигнут некоторый нравственный прогресс. Был, однако, такой момент в истории, когда мы чуть было не захлебнулись во Зле. Опасность была настолько грозной, что явился меж нами Тот, Кого мы называем: Спаситель. Думаю, явление нам Спасителя было связано с большим риском, возможно, ради этого пришлось на единий миг нарушить неизвестные нам «физические законы». И гибель Спасителя в этой связи, вероятно, была неизбежной.

Я осторожно взглянул на Государыню. Ее нежное лицо было необычайно бледно.

Думаю, всех нас, не исключая и проповедовавшего нам учителя, посетила внезапно некая мысль, тем более, что... впрочем, об этом после.

— Продолжайте, пожалуйста, — с улыбкой на бледном лице, теплым своим голосом нарушила молчание Государыня.

— Продолжаю. На наше время смотрю так: тени сгостились, но есть и просвет во мраке. Есть надежда.

(Как известно, ныне г-н Г. — государственный советник. Как-то при встрече я рассказал ему, каким он мне представлялся во время передачи: сидит, мол, возле жарко натопленной печки, в свитере и больших валенках, а за окошком — метель... Рассмеялся он на мои слова:

— Звонил я от друга, тоже учителя — у меня телефона не было. Пришел я к нему, точно — в валенках, но в прихожей ботинки обул: в доме дети — мои же ученики: неудобно, знаете ли, да и привычка.)

...А в последующие дни в различных государственных учреждениях раздавались телефонные звонки, приходили телеграммы с одним тревожным вопросом: «Хорошо ли нашу Государыню бережете?»

18. ПРЕДМЕТ ПОКЛОНЕНИЯ

— Мы в войну — траву ели, а все равно веселые были и песни пели — не то, что нынешние! — наседает бойкая бабуся в нарядной светлой блузке. А сосед ее вспоминает:

— Бывало, в сенокос так намашешься на жаре, что к вечеру и ноги не держат, а заиграет на деревне гармонь — всю молодежь соберет! Идем всей ватагой лесом, в другую деревню на гулянье: с гармоньей, девушки песни поют... А тишина в лесу-то, травами так и пахнет, ночи светлые... Слышно — нашему гармонисту другая гармонь откликается. По наигрышу узнавали: это, значит, из такой-то деревенки на гулянье идут...

— А у нас в деревне один паренек все девок боялся. Вот как-то подглядели за ним. Зашел он в амбар, снопы-то все рядом поставил, поклонился снопам да и говорит:

— Хм! И чего девок бояться? Здравствуйте, девушки хорошие!

(Это мы с Государыней чаевничаем в гостиной Дома отдыха номер 7 — со старичками, с персоналом Дома.)

Нынешние-то Дома отдыха не сравнить с «Домами престарелых» (так они

прежде назывались). Качество жизни совсем иное. Государыни не малая в том заслуга.

Портрет светлой памяти родителей Государыни мы в этот Дом привезли (с такой просьбой пансионеры к Государыне обратились).

...Приехали мы — а у них все давно готово: в гостиной по стенам полно портретов: лица всё больше серьезные, а — так и светятся молодым счастьем... (Государыня это придумала и старичкам предложила.) Тут и родителям Государыни место как раз пришлось: тоже молодые оба на фотографии, красивые...

Удивительное это поколение... За всю долгую, подчас очень нелегкую жизнь так и не растратили эти люди запаса любви и тепла душевного. По разным причинам оказались они здесь, без близких родных... Никаких просьб или жалоб у старичков не оказалось.

— На старость разве пожаловаться — да и то: старость тоже не навсегда дается!

...Вот за чаем и завязался общий разговор, в котором много было воспоминаний... чаще всего — о деревенской юности этих городских жителей.

...И Государыне было о чем вспомнить. Детьми-то они с сестренкой часто летом в деревне гостили.

Удивительные сказки рассказывали бабушка с дедушкой. Ни в одной книжке таких не встречала... А — лисичка? Придет дедушка с покоса — обязательно принесет веточки земляники, или — хлеб у него останется: «На-ко вот — лисичка тебе гостинца послала». И уж таким вкусным был этот черный «лисичкин хлебушек»!

— У нас говорили — «зайчик поедает».

— А у нас — «мишка»...

А Государыня продолжала:

— В субботу истопят баню. Бабушка меня зовет: «Катюшка! Баня простынет!» А я уж давно на черемухе сижу. Мне мыться не хочется... Высокая старая черемуха у бани росла, а сладкая.. Бабушка ладонью от солнышка закроется, поглядит вверх... «Ах, она негодница! Опять на черемуху забралась!» ...А потом, на даче у нас две рябинки росли: одна «Оля», а другая «Катя». Родители в нашу честь посадили... Тут и я словечко вставил.

— Рассказывает один писатель, сам из крестьян, что «дети в семье считались предметом общего поклонения».⁸

— ...Именно — «поклонения»... — прозвучал чей-то голос...

19. БЕЛЫЕ ЦВЕТЫ

Однажды, как обычно, приносит редактор «Вестника» подборку стихов, среди прочего — рукописный листочек. Прочла Государыня этот листочек — удивилась:

— Как же он такие стихи да в наш «Заповедник» прислал? (Известно — «Заповедником соцреализма» наш «Придворный вестник» прозвали.) — У нас ведь совсем другое направление. Молодой автор? — спрашивает Государыня.

— Автор — начинающий, думаю — молодой, Государыня.

— Свое ли у него горе, собственное? Нашу ли общую беду предчувствует... только не станет талантливый поэт ни с того ни с сего такие стихи писать. «И кровь — на белые цветы... — повторила задумчиво Государыня. — Вот что, Семен Семенович — печатайте в «Вестнике». Об авторе постарайтесь, пожалуйста, что-нибудь узнать. (Сказано это было с чуть заметной укоризной в голосе — но и

⁸ Василий Белов. «Лад».

этого было довольно: весь побагровел от огорчения наш славный редактор.) И передайте, пожалуйста, автору, что мне бы хотелось с ним встретиться.

...Оказалось — вполне благополучный и совсем молодой человек наш автор. Отца не бывало, зато — любящая мама, любящие бабушка с дедушкой. (Только вот встретиться им никак не удавалось: все Государыне спешные дела мешали.)

Однажды вызывает меня Государыня... и подает мне конверт, а в конверте — ключик и записка.

— Милый Виктор Алексеевич, не удивляйтесь. Это ключ от ящика в моем письменном столе. Сразу же откройте, немедленно — слышите? В записке все сказано.

Все я сразу понял. Сжалось у меня сердце. Стараясь выглядеть спокойным и уверенным, отвечаю Государыне:

— Слушаюсь, Государыня. Позвольте связаться со службой безопасности — я хотел бы немедленно заняться этим вопросом.

— Что же, займитесь, конечно, — ласково молвила Государыня.

После подробной беседы с начальником охраны полегче стало у меня на душе. Всего-то говорить не имею права, скажу лишь, что меры принимались строжайшие: надежные люди, новейшие достижения техники... Эшелонированная охранная зона, в радиусе многих километров, невидимая для непосвященных, окружала и подмосковный дом.

...Стояло ясное утро раннего лета. В то утро я, как и прежде случалось, приехал к Государыне на дом, чтобы потом вместе с Нею отправиться на работу, а по дороге — обсудить в машине спешные дела. В доме встретила меня молоденькая горничная Аньютя и доложила, что Его Высочество — уже уехал в Палату, Ее Высочество — в университете, на защите диплома, а Государыня в саду поэта ждет.

Поставив передо мной чашку горячего кофе, Аньютя указала мне в раскрытое окно: «Вон она — Государыня, видите?»

Я взглянул на часы: до назначенного поэту времени оставалось минут пятнадцать. Значит, Государыня вышла немножко погулять в саду. Я знал, что нельзя Ей мешать во время этих прогулок.

Присев у окна, я принялся просматривать взятые с собою бумаги, как вдруг послышался из сада возглас удивления... так мне в тот миг показалось. И тут — стукнуло в сердце: «Вот оно!» На ватных ногах кинулся я в сад...

...Трудно мне все по порядку вспомнить, хотя и сам я в тот час суетился, кому-то звонил, делал какие-то распоряжения, а как стану вспоминать — туман в голове. Яркие вспышки в тумане: начальник охраны руками машет, санитарный вертолет поднимается, заплаканное лицо герцога... что-то о «неблагодарных подлецах русских» он прокричал, бедный.

Цареубийца... сначала мы все подумали — охрана его застрелила. Экспертиза показала, что сам, из того же бесшумного пистолета. Глубокая печаль навсегда застыла на молодом лице. А кто он такой — кто же его знает: по виду — северянин, только это и можно было тогда сказать.

О поручении Государыни я все время помнил и собрался уж ехать, но задержало меня ненадолго небольшое происшествие: среди всей этой суэты объявился вдруг совершенно растерянный, бледный молодой человек в очках.

«Поэт!» — пронеслось у меня в голове. Его тут же окружили охранники. А он, ничего не замечая, дрожащим пальцем вниз, на траву показывает и бормочет, как в бреду:

— Эти цветы я видел... только тогда лунная ночь была... а людей тоже много, много...

А цветы... так, растеньца. Сплошная белая кайма мелких цветочков. В одном месте — кровь на них...

Похоронили царицу Екатерину, как и просила Она, в родном северном городе. Рядом-то с родительской уж другая могилка появилась — старишка одного. Старишка, конечно же, тревожить не стали, и упокоилась Катенька от родимых в сторонке несколько, а все же — недалеко.

20. АНАСТАСИЯ I

Глубокое потрясение мы все испытали. Был взрыв горя, но в целом, без отчаяния — это я хорошо помню. Боялись катастрофы, однако, милостию Божией все потихоньку на свои места стало. Было все же несколько самоубийств. Среди этих несчастных — Серёженка Веселов, адъютант.

Письмо Государыни нашей незабвеннной истинным «словом утешения» для нас явилось, хотя заслуженный диктор читал нам его нетвердым голосом, с повлажневшими глазами...

...В то трагическое утро, разбирая небольшой архив Государыни, поразился я ранним датам на черновых вариантах прощального письма. Неужели — баба Снежана Катюшу предупредила? «Смеялись с ней много...» Возможно ли?

Из Болгарии уже на следующий день пришла телеграмма: «Доброе семя. Пусть растет у вас».

...А над Поэтом чуть не стряслась беда: поначалу-то следствие совсем в тупик зашло... Но немедленно вмешалась княгиня Ольга:

— Не сметь! Убийцами стать не боитесь — карьеры своей пожалейте. Ведь этот мальчик не от допроса — от одного намека вашего в петлю полезет.

А с ним и без того нехорошо: какое-то нервное заболевание сделалось. Подлечился он — и сразу к тетке, в Устюжну уехал, родные отправили. Ну, а там — могучие сосновые боры, светлые воды... Пишет, любовь свою встретил — учительницу молоденькую. Стихи совсем перестал писать, а прозу его — задушевную, прозрачную — читать приходилось.

...Алешенька наш тоже не стихи, а небольшую статью воспоминаний написал.

— Только редактор печатать отказался, — пожаловался он нам.

— Почему!? — вырвался общий возглас (молодая Государыня, отец, тетушка, обе фрейлины в гостиной были).

— Наверное, из-за этого... вот это место: «Другого не послушают, посмеются только, ну а... восхлики ты твоими прекрасными стихами: «Долой монархию! Да здравствует Республика!» — пожалуй, по твоему слову исполнится? ...А если нет, если утратит Поэзия свою грозную власть над нами, тогда... тогда уж Господу нас не дозваться».

— ...Жаль, что я этого редактора уволить не могу, — сказала Анастасия I.

— А за что, Настенька? — спрашивал отец.

— За то, что — дурак. Или злодей: народ мой презирает, уму и сердцу его не доверяет.

— Наверное, карьерист просто, — промолвила Милочка.

— «Просто»? — сверкнула молодая царица на тихую Милочку.

— Да не горячись ты, Настя, — вмешалась тетушка, — напечатаем в «Вестнике». Так и сделали.

...Светлый образ Государыни незабвенной глубоко в моем сердце хранится. В

гордыне моей, за которую себя упрекаю, надеюсь я на близкую уж встречу с Нею.

А пока — любопытно мне, старому человеку, на этот мир посмотреть: что у нас дальше-то будет?

На молодую Государыню погляжу — тоже умница, с чуткой совестью, о красоте ее и говорить нечего — гордая, царственная красота! А — иной человек, земной. Без этой страшной «астральной связи» (не знаю, как понятнее-то сказать). И слава Богу. Значит — не требуется более.

...О сердечных своих делах она конечно, с отцом да с тетушкой шепчется. Только и мы кое-что примечаем. Присматриваются к ней, конечно: дипломаты, послы разузнают осторожно о намерениях молодой царицы. Только, думается, нет тут ее судьбы.

Бывает у нас один молодой человек — аспирант с кафедры космической биологии. Еще студентами они познакомились, когда царевна на математическом факультете училась (в русскую свою бабушку, светлой памяти, видимо, пошла). Это тот самый молодой человек, который «за зверей бы вступил». Приветала его Государыня незабвенная. Славный паренек. Все подшучивает над молодой царицей, да почтительно так по форме-то: «Ваше Величество», а у самого — бесенята в глазах скачут. Ну, молодая царица тоже в долгую не остается.

... Бывает, повернет она головку, рассмеется, гордый носик сморщится... и заболит, и защемит у меня сердце...

...Иногда захожу я в знакомый кабинет. Все здесь по-прежнему: настольная лампа под шелковым зеленым абажуром, рядом — фотографический портрет Януша Корчака...

А на стене — большое полотно. Копия картины «Христос в пустыне»,⁹ подарок Академии художеств.

...Подолгу иногда перед этой картиной стою.

* * *

Москва, Кремль

17 мая 2023 г.

Дорогие мои!

Вы читаете это письмо, и значит — я рядом с вами. Не совсем рядом, а чуть в сторонке. Но и отсюда я люблю и оберегаю вас. Да я здесь не одна, вас любящих и о вас заботящихся здесь много!

Молодую Государыню вашу Анастасию I берегите, помогайте ей. А уж она вам поможет, я свою дочку знаю.

Вот вам и совет мой.

Всякий раз, принимая решение, спросите себя: «А хорошо ли это детям?» Не «грядущим поколениям», а вот маленьким детям, которые вместе с вами живут...

Вот тогда все у вас и ладно будет.

Прошайте.

Екатерина.

⁹ Художник И. Крамской.

Мемуары

С Иваном Моисеевичем Ячменёвым жили мы в одном дворе на углу Бульварной и Ленина. Часто встречались и на работе. Но особенно дружески сошлись, когда он принес в литературное объединение, которым я руководил, свою повесть «Окольным путем», где он рассказывал о своей сложной и многоструйной жизни. В Череповец он был сослан на поселение после отсидки в лагерях за членство в НТС. Человеком он родился и прожил абсолютно честным и справедливым, по какой причине даже сталинские соколы не решились его расстрелять, после того как Ячменёв, в составе русского батальона, направленного немцами карать белорусских партизан, перешел на сторону Красной Армии, предварительно расстреляв фашистских командиров-эсэсовцев.

Литературная жизнь тех времен проходила под бдительнейшим контролем литераторов-дов в штатском, так что нынешней свободной молодежи просто не понять, каких мне стоило трудов поместить в газете «Коммунист» воспоминания Ивана Моисеевича, предлагаемые вашему вниманию. Доказательством тому служит

фотография из газеты «Ударная стройка», подпись утверждает, что рядом со мной «Неизвестный». Пусть теперь всем черепанам станет известен замечательный литератор Ячменёв Иван Моисеевич.

Александр Рулёв-Хачатрян

Снимок из газеты «Ударная стройка» за № 1 от 4 января 1979 года. Заметка Л. Бахвалова «Творческая встреча с литераторами». Подпись под снимком: «А. Неизвестный и А. Хачатрян».

Иван Ячменев

ДАВНИЕ И ДАЛЕКИЕ ВСТРЕЧИ

Можно ли писать воспоминания человеку, мало кому известному, не отличившемуся ни достижениями в искусстве, ни какими-либо особо славными делами? Автор этих строк, проживший долгую, нескладную, полную бесплодных исканий и ошибок жизнь, значительную часть которой провел за границей, в Югославии, долго сомневался, должен ли он взяться за перо, чтобы воскресить в памяти некоторые встречи с людьми замечательными и интересными.

Судьба моя сложилась так, что во время гражданской войны двенадцатилетним мальчишкой я оказался во Владивостоке, на Русском острове, в особом Омском кадетском корпусе. Осенью 1922 года корпус эвакуировали в Шанхай, а через два года вывезли оттуда — на французском пароходе «Портос» — в Югославию. Там я закончил среднее образование.

В 1928 году, приехав в Белград для поступления в университет, я оказался в городе, где ключом кипела литературная и театральная жизнь. Воспоминаниями о некоторых встречах и эпизодах моей жизни, связанных с литературой и театром, я поделился с молодыми череповецкими друзьями, членами литературного объединения, в работе которого принимаю участие, и они настойчиво советовали написать об этих давних и далеких встречах. Написать потому, что, дескать, в этой старине есть немало новизны.

И вот, отбросив все сомнения, на склоне лет (мне уже семьдесят) я решил поделиться этими заметками, штрихами из воспоминаний.

А. И. КУПРИН И ЕГО «СОФКА»

Осенью 1928 года, поработав на лесопильном заводе, а затем на строительстве железной дороги, я приехал в Белград, чтобы поступить в университет, и сразу, нежданно-негаданно, оказался в центре русской эмигрантской культурной жизни: в Белграде в это время проходил съезд русских писателей, бывших в эмиграции. На съезд, как я узнал, приехали многие знаменитости. Тут были Иван Алексеевич Бунин и Александр Иванович Куприн, Игорь Северянин и Константин Бальмонт... От этих имен, столь громких и известных, у меня от волнения кружилась голова. Неужели, думал я, мне действительно посчастливится увидеть писателей, которых я знал только по их книгам, их творчеству, заставлявшему меня страдать, радоваться, жить интересами их героев, неужели я увижу их живыми, как вижу окружающих меня обыкновенных людей?

В приподнятом, праздничном настроении я посещал заседания съезда, проходившие в аудиториях философского факультета. На заседаниях, в залах, переполненных публикой, царила торжественная тишина; речь шла о русской литературе. К сожалению, многое из того, что мне удалось увидеть и услышать в те дни, за давностью лет не сохранилось в памяти. Но некоторые моменты запечатились прочно.

...Александра Ивановича Куприна, которого я, как писателя, очень люблю,

«Поединком» которого увлекался еще в кадетском корпусе, в среде, близкой к героям этой повести, я видел на съезде только на заседаниях, в аудиториях университета, выступлений его не слышал, но он все-таки мне резко запомнился. Это был, казалось, типично русский человек по всему своему облику, по мужицкой или купеческой внешности, с усами и начинающей седеть бородкой, с выразительными темными, очень внимательными глазами, чуть-чуть по-татарски раскосыми.

Были в нем, уже далеко не молодом человеке, широкий размах, какая-то большая сила, что-то от русских богатырей, нечто родное, русское, что на чужбине особенно дорого и больно трогает душу.

Во время пребывания в Белграде Куприн много ходил по городу, наблюдал жизнь, а по вечерам часто бывал в «кафанах» (нечто среднее между рестораном и кабачком). В результате этих наблюдений появился его рассказ «Софка», героиней которого стала известная в то время в Белграде цыганка-певица.

Софка — это было ее настоящее имя — исполнением цыганских романсов и песен, темпераментным и увлекательным, вызвала в нем подлинный восторг. Описывая в рассказе цыганку Софку и ее выступление в сопровождении небольшого ансамбля во главе со старым усатым цыганом Николой, Куприн нашел такие яркие краски, вложил в свой рассказ о ней столько душевной боли, горечи, радости и восторга, как будто в ней, в этой цыганке, очаровывавшей сидевшую за столиками публику, глубоко отразилась его собственная бурная и тоже «цыганская», бродячая жизнь.

Рассказ Куприна «Софка» был напечатан в Белграде, в эмигрантской газете «Новое время», и, наверное, где-то затерялся. А жаль: рассказ замечательный, и я не могу о нем не вспомнить, тем более что его мало кто теперь знает.

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

Я знал старые, дореволюционные стихи Игоря Северянина. Но, услышав в Белграде его новые произведения в исполнении самого автора на заседании съезда писателей, а затем и на даче у знакомых (членов «Книжного кружка» Петровых), куда он был приглашен на «чашечку чая», я был просто поражен происшедшими в нем переменами. Казалось, это был совсем другой поэт и не тот человек, каким я его себе представлял.

Оказавшись после революции в эмиграции, в Эстонии, Северянин, приобретший в свое время громкую популярность своими «поэзами», «Ананасами в шампанском», «Это было у моря» и даже избранный на одном из вечеров поэзии в 1918 году «королем поэтов», оставаясь поэтом музыкальным, в корне изменил содержание и стиль своих стихов, стал проще, человечнее. От вычурности, манерности, ложного пафоса, которыми были насыщены прежние стихи, у него не осталось ничего. Его новые стихи были проникнуты чувством недовольства мещанской средой, чувством тоски по Родине, разлуку с которой он, по-видимому, переживал тяжело. Стихи были содержательны, богаты свежими рифмами. Поэт, отколовшись от былых излишеств в своем новаторстве, присущем его природе, нашел меру красоты, чувство гармонии, столь необходимые в подлинном искусстве.

Игорь Васильевич приехал на загородную дачку Петровых, в сущности, склоненную из досок комнатку с маленькой верандой, вместе с женой, эстонской поэтессой Фелисатой Круук. Мы, человек семь или восемь, пили чай на террасе. На столе стоял самовар, придававший нашей беседе домашний, семейный ха-

рактер. Разговаривали о жизни, о литературе. Вспомнили о России, говорили о горькой разлуке с ней. Игорь Васильевич, помню, поразил и порадовал своей простотой и сердечностью всех присутствовавших. В нем не было и капли зазнайства. И почему-то было больно глядеть на него — высокого, со смуглым удлиненным носом, темными волосами, серьезными умными глазами, читающего свои лирические напевные стихи.

Много лет спустя, после возвращения в Советский Союз, я стал жителем города Череповца, в котором жил и учился когда-то в реальном училище Игорь Северянин (Игорь Васильевич Лотарев). Его земляки, отмечающие в этом году 200-летие своего славного города, ставшего одним из крупнейших промышленных центров Северо-Запада нашей страны, очень интересуются всем, что относится к жизни и творчеству Игоря Северянина. Может быть, эти мои заметки о нем послужат дополнительным штрихом к познанию личности поэта, теперь и моего земляка.

Ф. И. ШАЛЯПИН В БЕЛГРАДЕ

Приезд Федора Ивановича Шаляпина на гастроли в Белград был, конечно, выдающимся театральным событием. Билеты на оперные представления с его участием были баснословно дороги, но публика стояла в небывало длинных очередях, лишь бы попасть на эти представления. Тем более, что вокруг гастролей некоторыми дельцами был создан нездоровий ажиотаж.

С грехом пополам мне удалось через одного знакомого артиста балета достать билет только на «Бориса Годунова». Сидел я в театре на галерке и смотрел на сцену, так сказать, с высоты птичьего полета. Описывать выступление Шаляпина в роли Бориса Годунова я не берусь: о нем сказано и написано очень много и хорошо...

Пребывание Шаляпина в Белграде во время его гастролей совпало с десятилетним юбилеем белградского отделения «Союза русских писателей и журналистов». В «Доме русской культуры» проходило торжественное собрание, посвященное этому событию. На этом собрании присутствовал как почетный гость Фёдор Иванович Шаляпин. Тут мне посчастливилось увидеть Шаляпина совсем близко, не на сцене, а в жизни, без маски, так сказать, в его настоящем облике.

Крупный, плотный, с гордо посаженной головой, с красивой осанкой, в которой было что-то барское, с гривой волос, с лицом умным, правильным, выразительным, Шаляпин произвел на меня впечатление могучего льва, человека, стоящего на несколько ступеней выше обычновенных людей. Мысль, что я вижу вблизи живого гения, как-то мгновенно озарила и поразила меня. Да, вот он, живой Шаляпин! И я его видел и запомню на всю жизнь.

В связи с этим торжественным собранием не могу не вспомнить и один комический эпизод. Руководители белградского отделения «Союза русских писателей и журналистов» устроили по случаю юбилея большой банкет в дорогом ресторане «Русский царь». Для участия в банкете члены союза вносили порядочные суммы (кажется, по 100 динаров). Я был в то время человеком безденежным, занимался репетиторством и не мог внести такой суммы. Но председатель союза, известный в Белграде журналист Алексей Иванович Ксюнин, выступавший с ведущими статьями в газете «Политика», уговорил меня непременно пойти на этот банкет, даже не внося положенной суммы.

— Приходите обязательно. На банкете будет Федор Иванович Шаляпин.

Соблазн был велик — увидеть еще раз Шаляпина, да к тому же в совершенно иной обстановке, за столом, на банкете, — и я в назначенное время, нарядившись, насколько позволял гардероб, отправился в фешенебельный ресторан, в который даже и не мечтал когда-нибудь попасть.

Гостей встречал сам Ксюнин. Банquet был роскошный. На столах, покрытых белоснежными скатертями и живописно сервированных, словно по какому-то волшебству появилась всякая редкая снедь, изысканные блюда и закуски, водка и вина. И все это поедалось и выпивалось под звон бокалов и гром «патриотических» речей и тостов «за освобождение России от большевиков», «за скороеозвращение на Родину» и т. п.

Все было на этом богатом банкете. Не было только Федора Ивановича Шаляпина. Оказалось, что он задержался на репетиции в театре и не смог приехать на банкет. А может, и не захотел? Кто знает...

Мои литературные друзья, зная, что я не вносил деньги на участие в банкете и что приглашенный на банкет Шаляпин не явился, потом долго смеялись надо мной, повторяя брошенную кем-то фразу: «Ячменев съел ужин Шаляпина».

«ПРОФЕССОР КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА»

Вспоминая эпизоды на театральной жизни, я как-то невзначай наткнулся на один курьезный случай, сохранившийся в моей памяти. О нем, пожалуй, можно рассказать: пусть он послужит в моих воспоминаниях маленькой разрядкой, если хотите, страничкой юмора. Я расскажу о том, как в Белграде мне пришлось самым неожиданным образом стать «профессором китайского языка». Произошло это так. Режиссер Юрий Львович Ракитинставил с «Русской театральной труппой» пьесу английского драматурга Сомерсета Моэма «Письмо». Действие пьесы происходит в одной из колониальных стран, в каком-то бунгало, и в ней есть несколько действующих лиц — китайцев, которые по ходу пьесы должны говорить между собой по-китайски. Зная, что я два года жил в Шанхае, Юрий Львович попросил меня подучить участников спектакля, исполнявших роли китайцев (а к ним относился и я сам, занимавшийся тогда в драматической студии), кое-каким китайским словам, чтобы создать впечатление, что разговор на сцене, когда это нужно, идет на китайском языке.

Китайского языка я вообще не знал и никогда не учил: в Шанхае, когда я там жил, вполне можно было объясняться по-английски. И вот мне по необходимости пришлось сделать набор из двух-трех десятков китайских слов, случайно сохранившихся в памяти, и организовать разговор на сцене на китайском языке. Это мне, как ни странно, удалось. Спектакль в исполнении русских артистов прошел с успехом.

Между прочим, на афишах, вывешенных по городу, перечень действующих лиц спектакля располагался в алфавитном порядке и по небрежности наборщиков заканчивался так: «...Ячменев и др. китайцы». Некоторые артисты долго потом смеялись надо мной, правда, весьма добродушно, встречая словами:

— А, Ячменев и другие китайцы!

Так как спектакль этот прошел на русской сцене с успехом, Ю. Л. Ракитин решил поставить его и на сцене Белградского национального театра. Когда вопрос о постановке пьесы был окончательно решен, он попросил меня помочь ему поставить сцены, в которых есть разговор на китайском языке:

— Пожалуйста, Иван Монсеевич, сделайте это для меня: обучите сербских

артистов говорить, где надо, по-китайски. У Вас же это получается, — сказал он, глядя на меня с надеждой. — И знаете, — продолжал он, — я должен представить Вас в театре как «профессора китайского языка». Иначе все может сорваться!

Надо сказать, я долго колебался, прежде чем согласился на эту авантюру.

И вот я — в театре, на репетиции «Письма». Ракитин представил меня, как договорились. АРтисты, исполнители ролей китайцев, оказались людьми весьма дотошными и спрашивали у меня, как сказать те или иные слова, а иногда и целые фразы по-китайски. Попав впросак, я был вынужден врать напропалую, а они записывали все мои слова, которые я им диктовал, всю мою тарабарщину в свои роли, чтобы выучить их. Можете себе представить, насколько некорошо и неуютно чувствовал я себя на этих репетициях, играя, хоть и вынужденно, роль профессора китайского языка.

Наконец, после пяти или шести репетиций с моим участием спектакль был подготовлен. Ракитин пригласил меня на премьеру. Я сидел в театре в пятом или шестом ряду партера, рядом с его женой, Юлией Валентиновной, и с большим беспокойством поглядывал на публику: нет ли в зрительном зале настоящих китайцев? А вдруг есть кто-нибудь из китайского посольства? Я, как преступник, боялся разоблачения, боялся скандала. Но, к счастью, все сошло благополучно. И сцены, где китайцы говорят между собой по-китайски, не вызвали у зрителей никаких сомнений. Я был необычайно рад: все мои волнения позади!

Через неделю или две Юрий Львович подошел во мне во время репетиции какой-то пьесы и, дружески улыбаясь, сказал:

— А ведь Вам, Иван Моисеевич, надо зайти в кассу национального театра: там Вам выписан гонорар за работу над спектаклем.

А потом, наклонившись поближе, шепотом добавил:

— За профессора китайского языка.

Заканчивая эти короткие воспоминания, скажу несколько слов о себе. По сложившимся жизненным обстоятельствам я не стал профессиональным актером, как не стал и профессиональным писателем. Работаю экономистом на одном промышленном предприятии Череповца. Но, горячо любя искусство, до настоящего времениучаствую в художественной самодеятельности: выступаю сам и руковожу, используя свой сценический опыт, драматическим коллективом завода, на котором работаю. Считаю, что труд по развитию художественного творчества народа — большое и полезное дело.

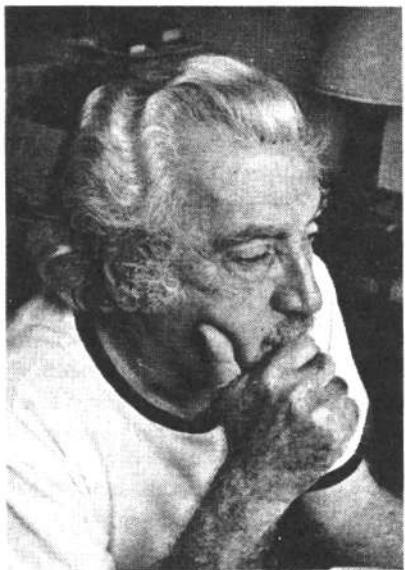
1977 г.

Перевод

Жоржи Амаду

ПОЛОСАТЫЙ КОТ И ЛАСТОЧКА СИНЬЯ (История одной любви)

Жоржи Амаду (родился в 1912 г.) - выдающийся бразильский писатель, член Бразильской академии литературы, лауреат Ленинской премии «За укрепление мира и дружбы между народами». Автор 30 романов, среди которых «Капитаны песка», «Подполье свободы», «Красные всходы», «Габриэла», «Пастыри ночи» и др.

Para Lena
um beijo
informal do
Jn 1 —
Londres 10 agosto 1976

БЕЛЯКОВА Елена Ивановна, переводчик с португальского. Переводила таких писателей, как Машаду де Ассиз (Машаду де Ассиз. Избранное. М.: Художественная литература, 1989). Жоржи Амаду, Э. Коутинью... В 1998 стала победителем первого конкурса переводчиков «Современная зарубежная художественная литература» и получила премию Фонда Сороса за перевод повести Клариси Лиспектор «Час Звезды». Живет и работает в Череповце, преподаватель кафедры иностранных языков Гуманитарного института ЧГУ.

На фото: Жоржи Амаду.

Надпись на обороте: «Дорогая Лена, неформальный поцелуй от Жоржи. Лондон, 10 августа 1976 г.»

От переводчика:

Сказку «Полосатый Кот и ласточка Синьй» Ж. Амаду начал писать в 1948 г., в Париже, где жил с семьей в эмиграции. Вскоре рукопись была потеряна и обнаружена только в 1976 году. Перевод этой сказки я сделала в 1978 году, и отрывки из него были напечатаны в «Вологодском комсомольце» (23 апреля 1978). В полном объеме мой перевод печатается впервые.

И станет мир другим,
Без горя и невзгод,
Коль этот день придет,
Когда бродяга Кот
В жены Ласточку возьмет,
И вместе отправятся в полет
Ласточка и Полосатый Кот

(*Стихи и мысли Эстевана да Ку-
ньи, народного поэта, обосновавшегося
в Башне на рынке Семи Ворот.*)

Глава I.
РАССВЕТ

Заря вставала медленно, с опозданием на три четверти часа, неисправимая копуша. Она задерживается в облаках, лентяйка, с трудом раскрывает глаза, ведь так хочется спать, спать пока спится! Если случится, что Заря найдет богатого мужа, она будет спать до одиннадцати часов — плотные занавески на окна и кофе в постель. О, сны созревшей девушки — уже иная сторона жизни этой мелкой служащей департамента Времени. Увы, пока она обязана вставать раненько, чтобы потушить звезды, которые зажигает Ночь, чтобы отогнать темноту. Ночь — ужасная трусиха, и так боится темноты.

Поцелуем гасит Заря каждую звезду на своем длинном пути к горизонту. Полусонная, зевающая, случалась, она забывала погасить некоторые из них. И они, бедняги, так и горели до самого вечера, понапрасну растрачивая свой блеск, какая жалость! Потом Заря будит Солнце (утомительное занятие, работа для великанов, а не для такой нежной девушки). Надо раздуть пылающие угли, когда Ночь уже уходит, получить первый, колеблющийся огонек, сохранить его и взрастить бушующее пламя.

Так, в одиночестве, Заря и проводила бы время, стараясь разжечь Солнце, но почти всегда Ветер, знаменитый горновой, прилетал ей на помощь. Только глупец будет утверждать, что они встречались всегда случайно: ведь все знают, что случайностей в таком деле не бывает. Да и кто не слышал о тайной страсти Ветра к Заре? Тайной? — Секрет на весь белый свет.

Репутация Ветра была подмочена слухами, подозрительными, двусмысленными и дерзкими: проказник, с которым надо держать ухо востро. Часто говорили о его обычных проделках: то потушит все фонари, лампочки и светильники, чтобы напугать Ночь, то сорвет всю листву с акаций, оставил их голешенъями — шутки явно дурного вкуса. Однако, хоть это и покажется невероятным, Ночь вздыхала о нем, и акации в лесу чувственно трепетали при его приближении, бесстыдницы.

Но излюбленной шуткой Ветра было спрятаться под женской юбкой и неожиданно поднять ее, обнажая ноги. Надёжнейший трюк в былые времена, сопро-

вождавшийся смехом, косыми и жадными взглядами и восторженными воскликами. Я говорю, в былые времена, потому что сейчас Ветру уже не добиться большого успеха подобными шутками. Что открывать, если и так все выставлено напоказ, а ведь только запретный плод бывает сладок. Кто знает, может быть, будущие поколения будут бороться против легкомыслия и доступности, требуя на митингах и демонстрациях скромности и приличия,

Он немного сумасшедший, наверное, этот Ветер, не будем скрывать его недостатки. Но почему бы не сказать о его неоспоримых достоинствах? Веселый, ловкий, темпераментный танцор, добрый и нежный, готовый прийти на помощь первому встречному, особенно если дело касается женщины или девушки.

В такую рань, из-за страшного холода, Ветер кружит по дальним, запутанным тропкам, а на рассвете направляется в дом Солнца, чтобы помочь Зореньке. Он дует изо всей силы своих легких, а как только тлеющие угли разгораются, Ветер позволяет легким бризам поддерживать огонь своими веерами, а сам начинает рассказы о своих приключениях, о том, что видел он, скитаясь по свету без всякой цели: о покрытых снегом горных вершинах, гораздо выше облаков, или о безднах, таких глубоких, что Заря никогда не могла бы заглянуть на их дно.

Забияка и храбрец, король скороходов, не признающий границы, пересекающей континенты, открывавший тайные клады, Ветер хранил целую котомку разных историй для своих слушателей.

Заря безумно любила интересные истории и поэтому опаздывала еще больше, не в силах оторваться от рассказов Ветра: то смешных, то печальных, то длинных, как роман с продолжением. Не имея никакой склонности к работе, Заря с удовольствием слушала эти истории, радуясь и печалясь, а иногда и рыдая над самыми лучшими, самыми волнующими из них. Эта Заря устраивала ужасный беспорядок в работе часов, которые обязаны были замедлять ритм своих маятников и бег стрелок, чтобы отметить приход Зари ровно пятью часами утра.

Некоторые часы просто сходили с ума и никогда не показывали точного времени: то отставали, то мчались вперед, путая день с ночью. Другие останавливались раз и навсегда. Всемирно известные куранты на башне всемирно известного завода (производящего самую точную продукцию в мире), эти олимпийские чемпионы точного времени, повесились на собственных стрелках, чтобы не расстраиваться впредь из-за медлительности Зари и снижения темпов производства. Это были швейцарские часы с образцовым чувством собственного достоинства и производственного патриотизма.

Да что там часы, даже петухи теряли голову, обрывая песню, возвещавшую восход Солнца, тогда как Заря еще и не думала будить его, внимая тирадам Ветра.

Часы и петухи как-то предъявили Старику-Времени, их общему начальнику, протест из 8 пунктов и 26 параграфов, но Время – существо безграничное, беспребедельное, не вняло их просьбе: часом меньше, часом больше, стоит ли расстраиваться из-за такой мелочи, когда впереди у тебя вечность. Беспорядок вносит даже некоторое разнообразие. Более того, Время не скрывало свою слабость к Заре. Веселая и легкомысленная, молодая и изящная, не признающая правила и законы, Заря заставляла его забыть иногда скуку вечности и хронический бронхит. Тем не менее, на этот раз лентяйка перешла все границы дозволенного: Ветер хотел было сократить очередную свою историю до нескольких эпизодов, но Заря потребовала повествования, полного и подробного, и зажгла Солнце уже после того, как они распрошались.

Одетая в платье из утреннего света, с отделкой из полевых цветов, Заря

проходит сквозь облака, задумчивая, рассеянная, вспоминая историю, которую ей вчера рассказал Ветер. Мечтательно, слегка смущенно думает она о том, в каком смятении чувств был тогда рассказчик. Как хотелось бы сейчас Заре забыть о своих нудных обязанностях, растянуться на этом предрассветном лугу и помечтать.

Почему Ветер выбрал именно эту историю? Имела ли она право относить ее на свой счет, или он сделал это без всякой задней мысли, из любви к искусству? Нет, Заря подозревала в этом какой-то тайный смысл, который она чувствовала и прежде, то в страстном взгляде своего приятеля, то в печальном вздохе в час расставания.

Правда ли, что Ветер влюблен в нее, как об этом судачат кумушки? Собирается ли он просить ее руки? Неплохая идея — выйти замуж за Ветра, хотя Заря и предпочла бы миллионера. Ветер помогал бы ей тушить звезды и будить Солнце, сушить росу и раскрывать цветок Лотоса, который Заря, исключительно из упрямства, в пику всем, раскрывает на полтора часа раньше положенного срока. Если она выйдет замуж за Ветра, она обойдет с мужем весь мир, пролетит над самыми высокими горными пиками, пробежит на лыжах по вечным снегам, проплынет вместе с волнами над зелеными подводными рифами, а когда устанет, отдохнет в подземных пещерах, где днем прячется мрак, чтобы выспаться и набраться сил.

Легкомысленный и непостоянный, закоренелый холостяк, действительно ли думал Ветер о женитьбе? Десятки раз они говорили о любви, о тех приключениях и скандалах, в которых принимал участие Ветер. Тут были похищения и погони, разъяренные и обманутые мужья и клятвы мести. Заря качает головой: Ветер и не думает ни о какой женитьбе, у него совсем другие, бесчестные намерения, как говорили в прежние времена. И, тем не менее, стоит помечтать. Погруженная в свои мысли, Заря идет совсем медленно, начисто забыв о времени. Часы, все как один, замерли в ожидании, петухи, все без исключения, охрипли от песни,озвавшей восход Солнца, а где оно?

Петушиное пение разбудило народ, и, взглянув на часы, стрелки которых застыли на цифре 5, люди подумали, что Солнце исчезло.

Тусклый предутренний свет смешался с пепельным шлейфом газового платья Ночи. Что это? Конец света? Началась невиданная паника.

Потом было получено столько жалоб из-за этого опоздания, что Старик-Время чувствовал себя обязанным хорошенько отругать Зарю, но, взывая к чувству долга и обещая самые страшные кары, Старик-Время, стараясь сохранить торжественно-важное выражение лица, прятал в усах и уголках губ улыбку заговорщика.

Заря призналась во всем:

— Отец мой, я слушала очень интересную историю. Вот и потеряла час.

— Историю? — заинтересовался Старик-Время, всегда мечтавший хоть как-то скрасить скуку вечности, — расскажи мне ее, и если это действительно хорошая история, я не только прошу тебя, но и подарю тебе голубую розу; она цвела много столетий назад, теперь уже нет таких, все изменилось, дочь моя, и к худшему, прошли прежние времена, — ах, какая тоска!

Заря уселась у ног хозяина, расправила складки платья и начала свой рассказ. Не дослушав до конца, старик заснул, но Заря не прервала эту историю, потому что, рассказывая ее, она, казалось, слышала ласковый голос Ветра, видела мольбу в глазах бродяги. Ах, Ветер, бесприютный скиталец, где ты сейчас?

В каком краю света кружишь ты, обнажая деревья, разгоняя облака, преследуя по небу Грозу, чтобы потом низвергнуть ее на зеленые пастбища? Близки, очень близки Гроза и Ветер, друзья по скитаниям. Только ли друзья? Эта неожиданная мысль омрачает чело Зари.

В скобках

(История, которую рассказала Заря Старику-Времени, чтобы получить голубую розу, была о Полосатом Коте и Ласточке Синьё. А Заре поведал эту историю Ветер, сопровождая ее загадочными восклицаниями и вздохами.

Я же передаю Вам то, что услышал от своего друга, знаменитой Жабы Куруру, которая живет на мшистом камне на берегу озера, в пустынном и негостепримном месте. Старая приятельница Ветра, знаменитая Жаба Куруру рассказала мне об этом случае, чтобы подчеркнуть легкомыслие Ветра. Он растречивает себя по пустякам вместо того, чтобы использовать долгие заграничные командировки для изучения международных отношений, санскрита или иглотерапии – полезных и благородных занятий.

Жаба Куруру – доктор философии, профессор лингвистики, специалист по поп-музыке, достойный и многоуважаемый член национальных и заграничных академий, знаменитый исследователь мертвых языков. И если эта история не покажется вам интересной, это вина не Ветра или Зари, а тем более не ученой Жабы Куруру. Просто в пересказе человека редкая история сохраняет свое первозданное очарование: теряется музыкальность и поэтичность Ветра).

ПРИХОД ВЕСНЫ

Когда пришла Весна, одетая светом, цветами и радостью, благоухающая тонкими духами, раскрывающая венчики цветов и одевающая деревья в зеленый наряд. Полосатый Кот потянулся всеми четырьмя лапами и протер свои бурые глаза, злые и некрасивые.

Да, некрасивые и злые – таково было общее мнение. Правда, говорили, что не только глаза Полосатого Кота выражали злобу, но также все его крупное тело, сильное и ловкое, желто-черной полосатой расцветки. Это был кот средних лет, уже не первой молодости, который любил побродить при луне под деревьями или по черепичным крышам, мурлыкая любовные песенки, конечно, насмешливые или дерзкие. Никто не мог представить его поющим нежные, романтичные мелодии. В округе не было существа более эгоистичного и необщительного, чем Полосатый Кот. Он не дружил с соседями и почти никогда не отвечал на редкие приветствия, которые из страха, а не из уважения, адресовали ему некоторые прохожие. Он только щедил сквозь зубы злые насмешки, как будто все вокруг раздражало его. А жизнь рядом с ним, то спокойная, то бурная, была поистине удивительна. Распускались благоухающие бутоны, превращаясь в лучезарные цветы, взмывали ввысь птицы, издавая радостные трели, голуби ворковали о любви, выводки новорожденных цыплят сбегались на зов гордой хохлатки, Черный Селезень, купаясь в прозрачных водах озера, ухаживал за красивой Белой Уточкой, шаловливые щенки резвились, прыгая по газонам. Но никто не подходил к Полосатому Коту: даже цветы закрывались при его приближении. Говорили, что он каждый раз сбивал с ног ударом лапы скромную белую лилию, в которую были влюблены все тюльпаны. Конечно, доказательств не было, но кто ставит под сомнение дурной нрав Кота?

Едва завидев полосатую кошачью спину, птицы взмывали вверх: ходили слу-

хи, что Полосатый Кот был тем самым злодеем, который выкрад из гнезда птенца Сабий.¹ Мамаша Сабий, не найдя в гнезде своего сына, покончила жизнь самоубийством, пронзив грудь колючкой мексиканского кактуса. Похороны были очень печальные, много проклятий было сказано в тот день в адрес Полосатого Кота.

Доказательств тоже не было, но кто другой мог сделать это? Достаточно взглянуть в глаза котенку, чтобы увидеть убийцу. Отвратительные животные!

Голуби никогда не любезничали вблизи того места, где жил Кот, они были почти уверены, что именно он съел самую красивую горлицу на голубятне, и с тех пор один почтовый голубь навек потерял интерес к жизни.

И на этот раз никто не мог представить доказательств, это правда, но, как сказал Преподобный Попугай, кто еще мог совершить подобное, как не этот злодей, нехристь, каторжник. Мамаши-курицы учили своих золотистых цыплят, как можно избежать встречи с Котом, в чьих преступных лапах — это все утверждали — погибало множество цыплят (не говоря уже о яйцах, которые он крал, чтобы насытить свою гнусную утробу.) Только Черный Селезень не очень-то боялся его, так как этот котище не любил озера, столь милого сердцам уток и селезней.

Щенки попытались было заигрывать с Полосатым Котом. Но он распарапал им морды, и они, оскорбившись, ощетинились и обругали его семью и род, всех близких и дальних родственников до десятого колена. Отвратительный Кот! Злой и эгоистичный. Под утро он ложился на траву, чтобы Солнце погрело его, но как только Солнце появлялось из-за горизонта, он тут же уходил куда-нибудь в тень, неблагодарный. Очень долго одна Гуява² с корявым стволом питала иллюзии, будто Кот любит ее, и бахвалилась этим перед всеми обитателями парка. Это пришло ей в голову только потому, что иногда он, гибкий, с чувственным телом, приходил и драл когтями ее сучковатый ствол. Гуява, слывшая оригиналкой, была польщена таким вниманием со стороны Полосатого Кота, личности сложной и довольно знаменитой. И вот она нашла хирурга, специалиста по пластическим операциям, и избавилась от всех сучков и наростов, покрывавших её ствол, чтобы стать красивой для Полосатого Кота. Она ждала его, любясь своим гладким и чистым стволом. Но когда Кот увидел, что не сможет теперь точить когти об этот гладкий ствол без сучков и наростов, он повернулся к Гуяве спиной и больше ни разу не взглянул на нее.

Некоторое время Гуява была излюбленной мишенью для глупых шуток всех обитателей парка. Даже Старая Сова, которая жила на жакайре³, рассмеялась, когда ей рассказали эту историю.

Чтобы быть до конца точным, должен сказать, что Полосатый Кот и виду не подал, будто знает, как к нему относятся обитатели парка. Если он и знал, то не придавал этому никакого значения, но вполне возможно, что он и не догадывался, сколь плохо отзывались о нем окружающие, так как ни с кем, кроме Старой Совы, не разговаривал. А Сова, мнение которой, по причине ее почтенного возраста, ценилось очень высоко, утверждала, что Кот вовсе не такой плохой, только никто не принимал этого всерьез: все слушали, качали головами, но, несмотря на уважение, которое они питали к Сове, по-прежнему избегали Полосатого Кота.

¹ Сабий — бразильская певчая птичка.

² Гуява — тропическое фруктовое дерево.

³ Жакайра - хлебное дерево.

Так он и жил, когда в парк пришла Весна, принеся с собой суматошное изобилие цветов, запахов и мелодий: цветов радостных, запахов пьянящих, мелодий звучных. Полосатый Кот спал, когда Весна неожиданно и властно вторглась в парк. И присутствие ее ощущалось так сильно, так будоражило кровь, что Кот пробудился ото сна, раскрыл свои бурые глаза и потянулся.

Черный Селезень, который был случайным свидетелем этой сцены, чуть не лишился дара речи от изумления, так как ему показалось, что Полосатый Кот... улыбается. Не отрывая от Кота удивленного взгляда, он позвал маленькую Белую Уточку посмотреть на это чудо:

- Тебе не кажется, что он улыбается?
- Господи! Действительно улыбается.

Никогда прежде не видели они ничего подобного. Маленькая Белая Уточка даже схватилась за сердце, так была она поражена этой улыбкой на хищной физиономии Полосатого Кота. Он улыбался не только губами, но, что было всего удивительнее, улыбались его бурые, обычно неприветливые глаза.

Неожиданно он принял катающийся по земле, как какой-нибудь молодой, несовершеннолетний котенок, издавая при этом странные звуки, очень похожие на мурлыканье.

Пестрая Курица, которая как раз проходила мимо с выводком золотистых цыплят, вскрикнула и упала без чувств на руки своих детей. Петух Дон Жуан де Род-Айленд, бежавший куда-то по своим делам, увидел происходящее и встал как вкопанный. Надо сказать, что Пеструшка была любимой курицей в его гареме. Поэтому он помог ей подняться и издал клич, воинственный и звучный, как гром фанфар.

В это самое время Кот в последний раз прокатился по траве имяукнул. Бог мой! Это было романтическое мяуканье. Невозможно! Род-айлендский Дон Жуан поперхнулся, и полная тишина воцарилась в парке в тот час, когда туда пришла Весна. Не было слышно даже нежного воркования голубок, так все были удивлены неожиданным поведением Полосатого Кота.

— Я думаю, он сошел с ума, — поставил диагноз Лист Подорожника, пользуясь репутацией известного врача.

— Он готовит какую-то новую подлость, — прокудахтала Пестрая Курица, уводя за собой цыплят и Род-айлендского Дон-Жуана.

Между тем Полосатый Кот поднялся, потянулся всеми четырьмя лапами, выгнув спину, поднимая дыбом шерсть, чтобы больше впитать солнечного тепла, такого ласкового, раздул ноздри, вдыхая новые запахи, носившиеся в воздухе, и даже не согнал со своей физиономии, обычно злой и некрасивой, добродушной улыбки, обращенной ко всему живому и неживому вокруг.

Да, он встал и пошёл. И тут началось великолепное бегство: Черный Селезень вынырнул вместе с маленькой Белой Уточкой на самое дно озера и затем, побив все свои прежние рекорды по подводному плаванию, выплыл у противоположного берега, где был со своей женушкой в безопасности.

Все голуби попрятались на голубятне, прервав любовные воркования ветвях деревьев, где набухшие зеленые почки прямо на глазах превращались в напоенную тенью листву.

Собаки перестали бегать и прыгать, делая вид, что они очень заняты поисками спрятанных костей. Распускающиеся бутоны мгновенно вновь сомкнули свои венчики, а одна чересчур торопливая роза, которая уже распустилась, сбросила все лепестки на землю, и только один, по воле ветра, все кружил и кружил в воздухе.

Конечно, эта суматоха подняла ужасный шум, который и привлек внимание Полосатого Кота. Он никак не мог понять, почему все куда-то бегут, когда так красиво вокруг в этот час, когда в парк пришла Весна. Ведь сейчас нет грозы, не дует холодный ветер, срывающий листья с деревьев, и дождь, рыдая, не обрушивается на крыши домов. Как можно убегать и прятаться, когда Весна принесла с собой радость жизни. Или это Гремучая Змея осмелилась приползти в парк? Он поискал ее глазами. Если это так, то он еще раз покажет ей, как воровать яйца, вытаскивать птенцов из гнезд, убивать цыплят и голубок! Но нет, Змеи нигде не было. Полосатый Кот задумался. И вдруг понял, что все убежали, потому что они испугались его самого, его улыбки, его мурлыканья. Печальное это было открытие. Сначала Полосатый Кот нахмурился, но потом лишь махнул хвостом, выражая полное равнодушие к происходящему. Это был гордый кот, не придававший значения мнению окружающих. Он даже подмигнул, немного неестественно, Солнцу, и жест этот, уж совсем неожиданный, так удивил огромный Камень, который уже несколько тысячелетий жил поблизости, что тот, не помня себя, скатился в заросли кустарника.

Полосатый Кот полной грудью вдохнул аромат молодой Весны. Ему было легко и радостно, хотелось смеяться, брести куда-нибудь наугад и даже... поговорить с кем-нибудь. Он оглянулся еще раз, но никого не увидел. Все убежали. Нет, не все. С ветки какого-то дерева на Кота смотрела Ласточка Синяя и улыбалась ему.

Издали Ласточку звали к себе ее родители, крича истощными голосами.

И, высунувшись из своих нор, все обитатели парка следили за Ласточкой, улыбавшейся Полосатому Коту. А вокруг была Весна, мечта поэтов.

Опять скобки, представляющие Ласточку Синю.

(Когда она пролетала мимо, веселая и шаловливая, то в парке не было ни одного пернатого существа мужского пола, достигшего совершенолетия, которое не влюбилось бы в нее. Она была еще очень юной, но, где бы она ни появлялась, тотчас разбивала сердца всем молодым обитателям парка. Ей делали предложения, посвящали поэма. Соловей, знаменитый трубадур, пел серенады под ее окном. А она только улыбалась им всем, дружила со всеми, но не любила никого.

Не зная забот, она порхала по деревьям в парке, любопытная и разговорчивая, чистая душа. По общему мнению, ни в парке, ни во всей округе не было ласточки столь красивой и милой, как Ласточка Синяя).

ВЕСНА В РАЗГАРЕ

Была Весна, мечта поэтов. И Полосатому Коту захотелось сказать что-то особенное, что-то очень хорошее Ласточеке Синяе. Он сел на землю, расправил усы и с трудом проговорил:

— Почему ты не убежала, как другие?

— Я? Убежала? Но я не боюсь тебя, а остальные просто трусы. Ты не сможешь меня поймать, у тебя ведь нет крыльев. Ты, котище, глуп даже больше, чем некрасив.

— Я некрасив? — Полосатый Кот рассмеялся смехом таким ужасным, что даже самые смелые деревья, такие как Красный Сандал, гигант, задрожали от страха.

— Она оскорбила его, и он ее убьет, — подумал старый Датский Дог.

Преподобный Попугай — преподобный потому, что одно время учился в семинарии, где зазубрил несколько молитв, да 2–3 фразы по латыни, чем заслужил лестную репутацию эрудита — зажмурил глаза, чтобы не быть свидетелем этой

трагедии. Он сделал это по двум причинам: во-первых, он был слишком возбуждим и не переносил вида крови, а крови такой красивой жертвы — тем более, а во-вторых, потому что не хотел выступать свидетелем, если дело дойдет до суда (ведь все знают: закон — что дышло) и ему придется выбирать между необходимости сказать правду и испытать на себе последствия гнева Полосатого Кота, как-то: привлечение за клевету; несколько оплеух, разбитый клюв и кто знает, что еще, — или солгать и гореть на вечном огне, как соучастнику преступления.

Трудное положение, гораздо лучше совсем не смотреть. Так он и сделал, и, помолившись за упокой души Ласточки, пришел к полному примирению со своей совестью.

Сама Ласточка подумала, что переборщила, и, вспорхнув под грузом этих сомнений высоко на ветку, принялась очень кокетливо чистить перышки.

Полосатый Кот все еще улыбался, хотя и чувствовал себя оскорблением. Но не потому, что Ласточка могла подумать о нем так же, как остальные обитатели парка, а потому что она назвала его некрасивым. А он-то считал себя красавцем-котом, элегантным к тому же.

- Ты находишь меня некрасивым? В самом деле?
- Безобразным! — издали подтвердила Ласточка.
- Я не верю. Только слепец может назвать меня некрасивым.
- Некрасивый и самонадеянный!

Но тут разговор прервался, так как прилетели родители Ласточки, поборов из любви к дочери свой страх перед Котом, и увлекли ее за собой, бранясь и читая нотации. Но Ласточка, улетая, еще успела крикнуть Коту:

- Пока, сеньор Страшила!

Вот с этого-то, немного глупого, разговора и началась история Полосатого Кота и Ласточки Синий. По правде, история эта, для Ласточки по крайней мере, началась гораздо раньше. И в первой главе мне следовало рассказать, хотя бы вкратце, как жила Ласточка прежде, до этой первой своей встречи с Полосатым Котом, но так как я этого не сделал, пренебрегши старыми, добрыми законами классического повествования, то мне остается лишь прервать свой рассказ и вернуться в прошлое. Конечно, я признаю, что это не лучший способ рассказывать истории. Но моя забывчивость может быть отнесена на счет того смятения чувств, которое начинается с приходом весны у котов и поэтов.

Но лучше уж я буду утверждать, что сделал это намеренно, совершив таким образом революционный переворот в форме и структуре повествования, что обеспечит мне поддержку официальной критики и легионов специалистов-филологов.

Глава первая, отставшая и потерявшая свое место.

Ласточка Синий, такая красивая, была немного сумасшедшей. Взбалмошной, лучше сказать. Хотя Ласточка еще посещала птичий университет — где Преподобный Попугай читал закон божий — и была столь юной, что ее уважаемые родители не разрешали ей гулять по вечерам с поклонниками, она уже считала себя достаточно взрослой и гордилась тем, что дружит со всеми обитателями парка: с цветами и деревьями, курицами и утками, собаками и камнями, голубями и озером. Она была со всеми очень приветлива, не отдавая себе отчета в чувствах, которые внушала мимоходом.

Сам Преподобный Попугай, который из кожи вон лез, превознося собственные добродетели, и считался чем-то вроде священника из-за своей учебы в семинарии, — даже он во время урока бросал на Ласточку похотливые взгляды.

Несмотря на все восторги и поклонения, в жизни Ласточки была какая-то тайна — это и есть причина того, что первая глава оказалась здесь, так как тайной этой был, безусловно, Полосатый Кот. Ее волновало это гордое и молчаливое существо. Она часто следила за ним, когда он спал или грелся на солнце в густой траве.

Спрятавшись в ветвях какого-нибудь дерева, она часами рассматривала его, думая о том, почему этот урод ни с кем не дружит. Конечно, она не раз слышала, что говорили о нем окружающие, но когда увидела его розовый нос и огромные усы, то (никто не знает почему) вдруг усомнилась в правдивости этих историй. Таковы ласточки, что уж тут поделаешь. И нет лучшего способа заставить их постичь истину, способа более простого и надежного, чем сомнение. Ласточки очень упрямые и руководствуются только своими чувствами.

Полосатый Кот был единственной тайной в спокойной и ясной жизни Ласточки Синий. Иногда Ласточка запевала одну из тех чудесных песен, которые она разучивала с Соловьем, и неожиданно прерывала ее, если замечала крупное тело Полосатого Кота (а иногда и предчувствовала его появление), бредущего в свой любимый угол. И тогда она тихонько следовала за ним, а однажды вечером, чересчур разыгравшись, стала бросать сухие веточки ему на спину. Кот спал, а Ласточка, надежно укрывшись в густой листве жакары, смеялась, когда веточки попадали в цель.

Полосатый Кот открыл один глаз и посмотрел вокруг. Но тотчас снова закрыл его, полагая, что это очередная дурацкая проделка Ветра. Уже давно понял Полосатый Кот, что нет никакого смысла гнаться за Ветром, пытаясь ударить его лапой. Гораздо умнее позволить ему наиграться вволю. Но сейчас шалость явно затянулась, и Кот решил уйти. Ласточка тоже улетела, взъявленная шуткой, которую она сыграла со злым Котом. В тот же день у Ласточки состоялся памятный разговор с Комолой Коровой. Я не случайно упоминаю здесь о Комолой Корове, так как речь идет об одной из самых замечательных обитательниц парка. Она пользовалась почти таким же уважением, как и Старая Сова.

Речь идет о персоне неторопливой, очень рассудительной и немного важной, что объясняется всеми теми внушительными титулами, которыми она обладала. Она происходила от быка аргентинской породы и звалась Рашиль Пусио. Кроме того, у нее был мстительный характер и непостоянное чувство юмора.

Она была очень приветлива с теми, кто ей нравился: четой уток, например, поддерживая с ними сердечные, дружеские отношения, но груба и резка с теми, кого не любила: Мясной Мухой, собаками и, конечно, с Полосатым Котом. Она не любила Полосатого Кота, так как, будучи лицом чрезвычайно важным, к тому же почти иностранкой, она считала себя оскорблённой этим жалким представителем породы кошачьих.

Надо сказать, что, несмотря на всю свою осторожность, Комолая Корова была склонна к иронии. Однажды, столкнувшись с Полосатым Котом на скотном дворе, куда он пришел, конечно, в надежде украсть немного молока. Комолая Корова сказала ему полуиронически-полупрезрительно, на смеси испанского с португальским:

— Un tipo tan chiquito y ya¹ с усами.

А Кот с явным и непростительным неуважением к такой известной персоне, имел наглость сказать:

¹ Такое маленькое существо и уже...» (исп.)

— Такая большая тетя и без лифчика!

Корова хотела лягнуть его хорошенько, но Кот уже ушел, зло смеясь в душе. Все в парке сочли, что Корова была ужасно оскорблена, и вечером ее посещали целыми семьями, выражая свою солидарность. Комолая Корова была безутешна и плакала навзрыд.

Душой общества был Преподобный Попугай, который в ту ночь основательно напился и забавлял всех анекдотами, которых он нахватался на кухне в семинарии. Даже Комолая Корова перестала рыдать и улыбнулась, правда, потом она опять заплакала, но уже не так горько.

Когда Ласточка рассказала Корове, каким образом она развлекалась в тот вечер, Корова пожалела, что вместо сухих веточек Ласточкине не подвернулся под руку хорошеный булыжник, чтобы раз и навсегда избавиться от противного Кота.

Но когда Ласточка ужаснулась подобной кровавой расправе и призналась, что бросала в него веточки только для того, чтобы завязать разговор с Котом, удивлению Коровы не было границ:

— Hablar con el gato? Piensas, loquita, en hacerlo, в самом деле? Por dios, no seas tonta!¹

Знание испанского не только создавало ей положение в обществе, но и утомляло. И как утомляло! Поэтому она продолжала по-португальски.

— Разве ты не знаешь, что он Кот, противный Кот, и что никогда ни одна ласточка не может, не компрометируя честь своей семьи, не только поддерживать какие-то отношения, но даже здороваться с котом? Разве не знаешь ты, что многие, очень многие твои родственники погибли в когтях таких же котов, как этот, полосатых или нет, — какая разница.

И она продолжала отповедь.

— Уж не собираешься ли ты, сумасшедшая Ласточка, нарушить давно учрежденные, веками освященные законы, нанести оскорбление друзьям, причинить горе родителям?

— Но он ничего мне не сделал...

— Он — кот, и к тому же полосатый!

— Ну и что, что кот, ну и что, что полосатый?! У него такое же сердце, как у всех нас.

— Сердце? — Комолая Корова завопила так, будто ее укусил слепень. — Кто сказал тебе, что у него есть сердце? Кто?

— Ну, я думала...

— Ты видела его сердце? Говори!

— Видеть не ви...

— Ах, так!

И она говорила еще очень, очень долго. Пересказала все слухи о Коте, вспомнила тот случай, когда он оскорбил ее, и еще раз прослезилась. И опять советы, предупреждения. Давать советы было одним из любимых занятий Комолой Коровы. Правила хорошего тона, законы здоровой нравственности и прочий хлам были ее коньком. Она объяснила, как надо вести себя молодой незамужней ласточке, что ей можно делать и чего нельзя. Выходило, что самое главное, чего делать нельзя, — это разговаривать с котами, тем более с Полосатым Котом. Ласточка выслушала ее, как примерная ученица, и опечалилась. Она не должна разговаривать с Полосатым Котом, она и так поступила дурно, думая об этом.

¹ Говорить с котом? Соображаешь, сумасшедшая, что ты делаешь? Господи, ну не дурочка ли!

Корова, должно быть, права, у нее такой опыт и такой внушительный и благородный вид. Только Ласточка, упрямица, так и не поняла, какой грех она совершила бы, поговорив с Котом.

Во всяком случае, она поклялась никогда больше не играть сухими ветками над желто-черной спиной Полосатого Кота и не думать о разговоре с ним. Но клятвы ласточек не дорого стоят, тем более ласточек молодых, пылких и любящих опасности. Я подозреваю даже, что, давая эту клятву, она уже знала, что не сдержит ее. Она по-прежнему следила за Котом, правда, не играла больше веточками, но ах! вовсе не из-за данного обещания, а из страха, как бы Кот не рассердился на проказницу.

Вот так и жила она до того самого часа, когда в парк пришла Весна.

Здесь-то и кончается первая глава, а мы вернемся к нашей истории, туда, где мы оставили ее из-за ошибки, вкравшейся в повествование, или, лучше сказать, из-за модного литературного приема.

КОНЕЦ ВЕСНЫ

Родители Ласточки хотели как следует отругать свою дочь. Но они были так взволнованы собственным героизмом, тем, что мужественно, лицом к лицу встретились с Полосатым Котом, чтобы спасти свое дитя — что не слишком бралились. И Ласточка-отец сказал Ласточки-матери:

— Мы любим нашу дочь, мы спасли ее.

И Ласточка-мать ответила:

— Мы хорошие родители, мы защитили нашу дочь.

Они смотрели друг на друга, не скрывая взаимного восхищения. Родители категорически запретили Ласточке приближаться к свирепому врагу.

Если уж клятвы молодой ласточки не имели никакой цены, то такие категорические запреты только будили в ней интерес и любопытство. Но не потому, что Синяя была одной из тех ласточек, которым достаточно сказать: «Не делай этого!», чтобы они немедленно это сделали. Напротив, нежная и послушная, она очень любила своих родителей. Это была хорошо воспитанная, вежливая и добрая ласточка. Она соглашалась, когда ее убеждали в чем-то хорошем и добром, но никто и никогда не смог бы доказать ей, что поддерживать добрые отношения с Котом — грех или преступление.

И поэтому, опустив свою красивую головку на лепесток розы, который служил ей подушкой, она решила продолжить завтра прерванный разговор:

— Он некрасивый, но симпатичный, — прошептала она, засыпая.

Что касается Полосатого Кота, он тоже думал о Ласточке Синеё в ту первую весеннюю ночь, положив голову на подушку. Но нет, как раз подушки-то у него и не было: кроме того, что кот был злой и некрасивый, он был еще и беден, как церковная мышь, и спал не на подушке, а на собственных лапах. Но Кот не страдал из-за отсутствия роскоши, потому что никогда и не знал ее. Ему не хватало совсем другого: любви, нежности и, иногда... сосисок.

В тот день он вернулся домой поздно.

До самого вечера он бродил по парку не разбирая дороги, рвал когтями кору на деревьях, мяукал какие-то странные мелодии и чувствовал настойчивое желание пуститься в странствие по черепичным крышам, как бывало в далекой юности.

Чудесный аромат земли щекотал ему ноздри, и его большие усы беспокойно двигались. Он чувствовал себя таким молодым, что готов был поиграть с собака-

ми. Он, наверное, так бы и сделал, если бы щенки, испугавшись, не убежали прочь. Желание это настолько выходило за рамки его обычного состояния скуки и равнодушия, что он прошептал самому себе: «Я болен».

Потом пощупал лапой лоб и заключил:

— У меня сильный жар.

А потом, уже ночью, улегшись наконец на старую бархатную тряпку — это и было его постелью — он посмотрел на какой-то цветок и в нем, как в зеркале, увидел огромные глаза Ласточки.

В лихорадочном бреду спустился он к озеру, чтобы напиться, и в водяных бликах он тоже увидел Ласточку, улыбавшуюся ему. Он узнавал ее в каждом листке, в каждой капле росы, в каждом луче заходящего солнца и в каждой тени надвигающейся ночи. И в свете полной луны увидел он Ласточку, одетую в серебро, и промяукал ей свою скорбную песнь. Только глубокой ночью ему удалось наконец заснуть. Он видел сон — впервые за много лет — и сон этот был о Ласточке Синьё. Неужели Полосатый Кот, этот общепризнанный злодей, влюбился?

Сейчас, когда он и Ласточка спят, и только Старая Сова бодрствует, позвольте мне пофилософствовать немного. Это — право, повсеместно признанное за рассказчиками историй, и я должен воспользоваться им, хотя бы для того, чтобы не нарушать заведенный порядок.

Я хочу сказать, что есть люди, не верящие в любовь с первого взгляда, другие, напротив, утверждают, что это и есть единственная истинная любовь. Доводы и тех и других не лишены здравого смысла. Дело в том, что любовь дремлет в сердцах людей, но однажды она пробуждается и расцветает, будь то весной или в разгаре зимы. Правда, весной это гораздо легче, но это уже совершенно другой вопрос, не будем обсуждать его здесь. И вот внезапно, от случайного взгляда другого существа, любовь пробуждается в нашем сердце, и мы будто в первый раз осознаем ее, потому и называется она любовью с первого взгляда.

Вот такой была любовь Полосатого Кота к Ласточке Синьё. Но не ждите, что я объясню Вам, что происходит в маленьком, но мужественном сердце Ласточки.

Я не настолько глуп, чтобы считать себя способным постичь сердце женщины, а тем более ласточки.

Подобные размышления, однако, вовсе не волновали Полосатого Кота в ту ночь. По правде говоря, он не считал себя влюбленным. Такая мысль просто не приходила ему в голову. В молодости он страстно влюблялся каждую неделю, в основном по вторникам и охладевая к пятнице, потому что он был очень ленивым котом и оставлял субботу, воскресенье и понедельник для отдыха. Он разбил сердца несчетному количеству кошеч всевозможных расцветок, одной серой крольчихе и одной молоденькой лисичке. Но это было так давно, что он не помнил уже ни имен, ни подробностей. Как я уже говорил, он одиноко жил в своем углу, нежась на солнце, наслаждаясь лаской легкого бриза или прохладой летнего вечера.

И вот пришла Весна и нарушила его покой. На следующий день, умываясь, он думал о Ласточке и вспомнил сон, который преследовал его всю ночь: он и Синьё обсуждают вопрос о красоте и уродстве. Он усмехнулся: «Просто вчера я был болен», и решил больше не думать о Ласточке. Он отправился в свой любимый уголок, погреться на солнышке на старой бархатной тряпке. Жизнь в парке потекла своим чередом.

А Полосатый Кот лежал, как всегда, вытянувшись, чтобы ласковое весеннее солнце обволакивало все его крупное тело. Но, как ни странно, на этот раз он не закрыл глаза, хотя опыт подсказывал ему, что с закрытыми глазами можно

гораздо полнее насладиться солнечным теплом и прохладой бриза.

Тем не менее, в этот второй день Весны глаза его были широко раскрыты и, более того, обращены к тому дереву, где накануне сидела Ласточка Синий. Когда Кот понял, куда он смотрит, он пришел в бешенство.

Он отвел глаза в сторону и, тихонько насвистывая, попытался сосредоточиться на чем-нибудь другом. Он понаблюдал за щенками, бегавшими друг за дружкой (эти идиоты и не способны ни на что другое), посмотрел на деревья, покрывающиеся листвой, и даже на Попугая, читавшего утреннюю молитву. Попугай стоял, прижав одно крыло к груди и закатив глаза.

Кот, увидев елейное, мистически-отрешенное выражение на его физиономии, не удержался и показал язык. Попугай, напуганный этим жестом, двусмысленным и грозным (а вдруг Кот облизывается?), прервал молитву и поприветствовал Кота:

— Добрый день, дражайший доктор Полосатый Кот. Как здоровье? Слава Богу, хорошее?

Кот не удостоил его ответом. Его глаза опять были прикованы к дереву, на котором вчера сидела Ласточка. И пока он смотрит туда, в надежде увидеть Ласточку, я объясню Вам этот некрасивый жест Кота. Дело в том, что Полосатый Кот не любил лицемеров, а Попугай был само лицемерие.

Сова, которая как свои пять пальцев знала жизнь всех обитателей парка, однажды рассказала Коту, что mestre¹ Попугай, прикрываясь своей набожностью, никогда не упускал случая порезвиться. Он делал неприличные предложения и маленький Белой Уточке, и Пестрой Курице, и одной голубке, которую обучал катехизису. Даже самой Сове, без малейшего уважения к ее возрасту, он нашептывал непристойности. А этот случай с Голубгаем? О, об этом стоит рассказать.

Однажды у Почтовой Голубки родился странный сын: голубь, говорящий человеческим языком. А ведь Почтовый Голубь (большим умом, кстати, не отличавшийся) постоянно бывал в длительных командировках, разнося корреспонденцию по парку. Официально сын считался его, но Сова утверждала, что тут дело нечисто. Кто, кроме Попугая, говорил человеческим языком? Собаки понимают его, но говорить не могут. Кроме того, Попугай не выходил из дома Голубки в отсутствие мужа под предлогом «морального утешения». К счастью, у Почтового Голубя был хороший характер.

Полосатому Коту не было никакого дела до похождений Попугая. Он никогда не принимал участия и в сплетнях о любовных приключениях Петуха, закоренелого многоженца и магометанина (которому тайно завидовало все мужское население парка), ежедневно пополнявшего свой гарем новой молодкой. Как голуби, однолюбы по убеждению, так и Чёрный Селезень, однолюб волею обстоятельств, потому что в парке была только одна утка, те и другие делали вид, что очень возмущены безнравственным поведением Петуха. Комолая Корова тоже не одобряла его поведения, осуждающе качая головой.

Только Полосатый Кот не придавал этому никакого значения. Он не испытывал отвращения к многоженцам. Но он был против лицемеров, таких притворщиков, как Попугай. Поэтому Кот и показал ему язык — оскорбительный и достойный осуждения жест.

Сообщая Вам такие подробности, я надеялся, что в это время к дереву приле-

¹ Mestre — учитель.

тит Ласточка и сидет как раз напротив кота. Но она не прилетела, неблагодарная. И, вернувшись в парк, мы найдем нашего друга, Полосатого Кота, в ином, совсем не радостном расположении духа, столь не похожем на то, в котором мы его оставили. Он утратил беспечный вид и легкость, которую чувствовал накануне, и его большие усы свесились печально и безвольно. (Опасный признак, если речь идет о Полосатом Коте. Усы были «барометром» его настроения.)

Он опять, в который уже раз, посмотрел на дерево, но не увидел Ласточку. И тут тень этого дерева накрыла его большое тело. Бурые глаза помрачнели. Почему так болит сердце? Ведь вокруг Весна.

И вдруг он поднялся. Зачем? – Этого он и сам не мог объяснить. Может быть, чтобы посмотреть на солнце? Он поднялся и пошел, сам не зная куда. Но вдруг он понял, что ноги – неужели они не слушаются его? – сами принесли его к тому дереву, где жила семья Ласточки (должен сказать, что дерево это росло в противоположном конце парка). Родители Ласточки как раз улетели за пропитанием. Ласточка издали заметила Кота и, улыбаясь, ждала его. Полосатый Кот остановился под деревом и уставился на Ласточку. Только тут он понял, к кому он шел, не отдавая себе в этом отчета. Он взбесился – что я здесь делаю? – и решил немедленно уйти (черт! его лапы будто свинцом налились). А Ласточка звонко прощебетала ему:

- Почему Вы не здороваетесь со мной, плохо воспитанный сеньор?
- Здравствуй, Синяя... – едва слышно пробормотал Кот.
- Сеньорита Синяя, прошу прощения.

Но тут у него сделалось такое несчастное лицо (он становился еще некрасивее, когда грустил), что Ласточка смягчилась.

– Ну ладно, можешь называть меня Синяя, если это тебе больше нравится, а я буду называть тебя... Страшила.

- Я же сказал тебе, что я не страшила.

– Вот это да! Какой самонадеянный! Да ты еще некрасивее, чем показался мне вчера. Рядом с тобой моя крестная мать, Сова, – настоящая красавица.

– В конце концов, что же мне здесь нужно, – думал Полосатый Кот, – эта молодая, едва достигшая совершеннолетия Ласточка не относится ко мне с должным уважением (неужели он хочет, чтобы Ласточка уважала его?) оскорбляет меня, называет уродом. Вот как доверять какой-то молоденькой Ласточеке. Неужели она, всего лишь школьница, ученица Попугая, думает, что может вот так разговаривать с ним, серьезным, много повидавшим, считавшим себя выше и образованнее всех остальных обитателей парка и даже, несмотря ни на что, красивым котом?

Он решил уйти и никогда больше не разговаривать с этой дерзкой Ласточкой. (Ах, ноги его, как свинец, словно тонны свинца привязаны к ним).

- Он еле выдавил из себя: «Пока...»

– Послушай, ты обиделся? Ты такой самовлюбленный, даже больше, чем некрасивый.

(Какого черта, почему я здесь стою?) Теперь не только ноги не повиновались ему, рот тоже неожиданно расплылся в улыбке, тогда как сам Кот хотел остаться серьезным и суровым. Это какой-то заговор против него, Полосатого Кота.

А Ласточка непрерывно лепетала что-то, милая провинциальная девочка, чья молодость подчинила себе все вокруг:

– Не уходи, не нужно. Я не буду больше звать тебя страшилой. Теперь я буду называть тебя только красавцем.

- Мне этого тоже не нужно.
- Тогда как же?
- Котом.
- Котом нельзя.
- Почему?
- Мне нельзя разговаривать с котом. Коты — враги ласточек.
- Кто сказал это тебе?!
- Это правда, я знаю.

У Кота сделалось такое несчастное лицо, несчастнее не бывает. Ласточка Синяя, которая любила радость и не выносila грусти, сказала тогда:

- Но ведь мы не враги, правда?
- Ни в коем случае!
- Значит, мы можем разговаривать. Но тотчас добавила:
- Сюда летит мой отец, уходи. Немного погодя я прилечу на сливу, чтобы поговорить с тобой, страшилище...

Кот засмеялся и забрался в густой кустарник, росший поблизости. Почему-то ему опять стало весело. Ловко пробираясь сквозь заросли кустарника, он вспоминал свой разговор с Ласточкой и будто вновь слышал ее мелодичный голос.

Она не может разговаривать с котом. Все коты такие плохие, некоторые были пойманы на месте преступления, когда пожирали ласточек, это правда. Но как можно быть таким злым, как можно съесть существо такое хрупкое и прекрасное, как Ласточка Синяя?

Он уселся под цветущей сливой, а вскоре появилась и Ласточка, исполняя в воздухе фантастичный и прекрасный весенний танец. Вдали Соловей, провожавший ее взглядом, запел песнь любви, заполнившую весь парк

Кот захлопал в ладоши, когда Ласточка села на самую нижнюю ветку, почти рядом с ним. И они продолжили прерванный диалог, но я не буду приводить его здесь. Все их разговоры были немного похожи (как, впрочем, и весь любовный лепет), немного скучны и стары, как наш мир. Скажу лишь, что они проговорили всю Весну, не испытывая недостатка в темах. Они постепенно узнавали друг друга, каждый день делая новые открытия.

Но они не только разговаривали. Вместе, он бежал по зеленой траве, а она летела по голубому небу, они блуждали по парку, отыскивая восхитительные укромные уголки, находили новые и новые нюансы в окраске цветов и в нежности ветерка, и радость всего мира поселилась в их сердцах, вернее, эта радость заполняла окружавший их мир, просто они не видели ее прежде. Потому что, уверяю тебя, читатель, — и зрячие иногда бывают слепцами, это зависит от того, какое сердце у каждого из нас. Ну, не хмурьтесь, может быть, к Вам это как раз не относится.

И вот однажды утром Кот спросил у Ласточки:

— Что изменилось в тебе со вчерашнего дня? Сегодня ты еще красивее, чем вчера, и даже красивее, чем все эти ночи, когда я видел тебя во сне.

— Расскажи мне твои сны. Я не буду рассказывать свои, потому что вижу все время одну и ту же отвратительную личность: я вижу во сне тебя...

И они рассмеялись. Глухой смех злого кота и серебристый голосок Ласточки слились в прозрачном воздухе. Вот так бывает Весной.

ЛЕТО

Это очень короткая глава: быстро промелькнуло лето, с его пылающим солнцем и полными звезд ночами. Счастье всегда быстротечно.

О, время — сложная штука. Когда мы хотим, чтобы оно подождало чуть-чуть, не бежало бы, не торопилось, оно несется во весь опор, обгоняя часы. Когда мы хотим, чтобы оно летело быстрее, чем мысль, потому что мы страдаем, потому что для нас настали черные дни, оно тащится, как на собственную казнь. Коротким было это Лето для Кота и Ласточки. Они заполнили его долгими прогулками, беседами в тени деревьев, улыбками, нежным шепотом, робкими, но страстью взглядами и даже... размолвками. Не знаю, были ли у них ссоры в полном смысле этого слова. Но иногда Ласточка находила Кота печальным, с поникшими усами, и глазами, как никогда бурыми. Причина была одна и та же: Ласточка уходила с Соловьем, разговаривала с ним или брала уроки пения — Соловей был преподавателем. Ласточка не понимала поведения Полосатого Кота, его грусти, его упорного молчания. Ведь она и Кот не обменялись еще ни единным словом любви, а с другой стороны, Ласточка относилась к Соловью как к брату.

Однажды, когда урок затянулся дольше обычного, а усы Кота поникли до самой земли, — Ласточка прямо спросила о причине его грусти.

— Если бы я не был Котом, я бы просил тебя стать моей женой... — ответил Полосатый Кот.

Ласточка не нарушила ответом тишину этой ночи. Что же, это было неожиданностью для нее? — не верю, она уже догадалась, чем стала она для Полосатого Кота.

Она была обижена? — Тем более не верю, эти слова были приятны ее сердцу. Она испугалась. Ведь он — Кот, а коты непримиримые враги ласточек.

Она летела рядом с Котом, слегка касаясь его левым крылом, и Кот слышал, как бьется маленькое сердце Ласточки.

И вот она набрала высоту и издали еще раз посмотрела на него.

Это был последний день лета.

Опять в скобках: сплетни.

(Шептала Комолая Корова на ухо Попугаю:

«Где это видано, ну где это видано, чтобы Ласточка из семейства пернатых любезничала с Котом из семейства кошачьих? Где это видано, ну где это видано?

И Попугай шептал на ухо Комолой Корове:

«Где это видано, о святой Отец, чтобы Ласточка ходила с Котом в укромные уголки; Пресвятая Дева Мария, это все говорят, но я не верю, не верю. Слава Господу нашему, но, может быть, может быть, спаси и сохрани Пресвятая Богородица, он хочет жениться на ней? Господи, помилуй, черт бы его побрал! Аминь».

И Голубь шептал Голубке: «Где это видано, чтобы Ласточка, красивая Ласточка, сумасшедшая Ласточка, гуляла с Котом? Ведь есть закон, старый закон: голубь с голубкой, селезень с уткой, птица с птицей, а кот с кошкой. Где это видано, чтобы Ласточка собиралась выйти замуж за Кота?»

И Голубка шептала Голубю: «Это конец света, как изменились времена. Нет уважения ни к одному закону».

И пес шептал на ухо своей подружке: «Бедная Ласточка, она дружит с Котом, она и не подозревает, что он только ждет удобного случая, чтобы съесть ее». И собачонка отвечала, качая головой: «Кот такой злой, он хочет съесть Ласточку».

И Селезень говорил Утке: «Я осуждаю поведение этой безумной Ласточки.

Это опасно, аморально и некрасиво. Она разговаривает с Котом так, будто он никогда и не был Котом. А ведь это Полосатый Кот, природный убийца». И Утка отвечала Селезню: «Утка с селезнем, голубь с голубкой, петух с курицей, ласточка с ласточкой, а кот с кошкой».

И деревья шептали Ветру: «Ну где это видано, ну где это видано, где это видано?»

И цветы смущались и лепетали на ухо земле: «Ласточка не может, не может выйти замуж, за кота замуж». И хором тянули: «Это страшный грех!»

Отец Ласточки услышал эти сплетни, и мать Ласточки услышала эти сплетни. И ласточкин отец сказал сердито ее матери: «У нас плохая дочь, она гуляет с Полосатым Котом».

И мать Ласточки ответила: «Наша дочь такая глупая, нужно выдать ее поскорее замуж».

— Замуж, но за кого? — спросил отец.

— За Соловья, он уже сделал нам предложение.

И весь парк одобрил этот выбор: «Отличная пара для Ласточки. Соловей благороден и красив, к тому же из семейства пернатых, вот за него Ласточка может выйти замуж. Но только не за Полосатого Кота: ласточка и кот — ну где это видано?» И Попугай сказал: «Трижды аминь!»)

ОСЕНЬ

На следующий день пришла осень, обнажая деревья. Ветру стало холодно, и, чтобы согреться, он шумно кружил по тропинкам парка. Осень притащила за собой целый шлейф облаков и раскрасила ими небо в пепельный цвет. И, что, конечно, понимает просвещенный и чуткий читатель, в парке не было ни одного уголка, который не изменился бы со сменой сезона. Также и отношение обитателей парка к Полосатому Коту претерпело заметное изменение. Не то, чтобы они перестали ненавидеть его, или простили ему прежние обиды, нет. Но теперь они не боялись его, потому что поведение Кота подтвердило все сплетни о его женитьбе на Ласточке, сплетни, которые из боязливого шушуканья выросли в настоящий ропот. Вспомним, как раньше все дрожали, едва Полосатый Кот открывал глаза. Почему же теперь они не боялись его и почти открыто обсуждали его прогулки с Ласточкой?

А дело в том, что Кот всю весну и лето жил спокойно и счастливо. Он больше не угрожал ничему живому, не сбивал лапой цветов, не ощетинивался, когда к нему приближался кто-нибудь посторонний, не отпугивал и не оскорблял собак. Он вдруг стал воспитанным и приветливым, первый здоровался с обитателями парка, он, который никогда раньше не отвечал на робкие «добрый день», адресованные ему.

Рискну даже утверждать, что в это время в его душе росли хорошие и благородные чувства. Это смелое предположение подтверждается отважным поведением Кота, который не сбежал, как все прочие, когда в парк заползла Гремучая Змея (это самое яркое, но не единственное доказательство).

Итак, когда Гремучая Змея появилась в парке, все живое попряталось, даже Датский Дог, который всегда бахвалился своей храбростью.

Только Полосатый Кот не спрятался. Он набросился на Змею, сумел уклониться от ее смертельного броска и надавал таких оплеух, что она убежала без оглядки и ни разу не вернулась в парк. Но только Ласточка превозносila подвиг

Полосатого Кота. Остальные утверждали, что он сделал это только для того, чтобы выделиться, покрасоваться своей храбростью. Комолая Корова пожалела даже, что у Змеи такой неточный удар. Попугай оценил поведение Полосатого Кота как «примитивную показуху». Итак, Кот по-прежнему считался существом злым и необщительным. Но, обсудив его необычное поведение, обитатели парка пришли к выводу, что опасным Кот уже не был. Он, должно быть, стареет, теряет силы и поэтому хочет реабилитироваться. У Попугая, корыстной души, появилась надежда стать близким другом Кота и использовать его против своих врагов, против тех, например, кто говорил гадости за его спиной. Полосатый Кот еще терпел присутствие Попугая (как-никак этот лицемер был учителем Ласточки), но не допускал никакой фамильярности. Тогда Попугай, оскорбленный поведением Кота, распустил слухи, объясняющие нынешнее благородство Кота: якобы тот страдает неизлечимой болезнью и, находясь у врат смерти, вымаливает прощение за свои грехи.

Но не следует расценивать поведение всех обитателей парка, как врожденную чёрствость души: дурная слава Кота была слишком давней и укоренившейся. Разве могли они понять, что Кот изменился потому, что в его жизнь вошла Ласточка? Им ли постыдиться, что под грубой оболочкой, под спутанной шерстью Полосатого Кота бьется нежное сердце?

Такое нежное, что тот, первый, только родившийся день Осени застал Полосатого Кота за необычным занятием: он писал стихи. Накинув толстый шерстяной плед (Кот сильно мерз), он считал по пальцам слоги и искал рифмы в большом словаре, составленном знаменитым грамматистом Муравьевом, лауреатом национальной премии и академиком. Да, Кот даже написал сонет. У меня есть копия этого единственного литературного произведения Полосатого Кота, существа всегда прежде стоявшего в стороне от подобных глупостей. Этот сонет, как пример наимерзейших вирш, какие только можно вообразить, дала мне Жаба Куруру, посвящавшая часы досуга литературной критике. Иначе говоря, Жаба Куруру обнаружила чудовищный plagiat в коротком произведении Полосатого Кота. Никто не подвергает сомнению утверждение Жабы Куруру, бесспорного авторитета, но чтобы читатель сам мог судить о достоинствах сонета и обвинении в plagiatе, выдвинутом против Полосатого Кота, я приведу ниже его стихотворение.

Однако я не могу сделать это в основной части моей истории, потому что это, в конце концов, не сборник стихов, тем более отвратительных plagiatов, а история, которую Ветер рассказал Заре, а Заря – Старику-Времени, чтобы получить голубую розу. Поэтому я опять открываю скобки, на этот раз – поэтические. Об одном прошу: не судите строго Полосатого Кота. Подумай, читатель, о том благородном порыве, который заставил его коснуться струн вдохновенной лиры, вопреки отсутствию таланта и литературного опыта.

Не только плед защищал от холода Полосатого Кота в то утро лирического вдохновения, его защищала любовь.

Поэзия живет не только в стихах, иногда она живет в сердце, а любовь не всегда можно выразить словами.

Скобки поэтические.

(Сонет несчастной любви
 Моей повелительнице Ласточки Синьё.
 О, Ласточка Синь.
 О, Ласточка Синьб,
 Ласточка взмахнула крыльями
 и улетела далеко.
 Печальна жизнь моя, печальна.
 Не умею я ни петь, ни летать,
 Ни сонеты сочинять.
 Очень Ласточку люблю я
 И хочу на ней жениться
 Только Ласточка не хочет,
 Выйти замуж за меня не может,
 Потому что я — Полосатый Кот, ай!
 Полосатый Кот).

Чтобы у читателя были основания для окончательного суждения, я опять открываю скобки, на этот раз — критические.

Возможно, читателю покажется странным, что мой рассказ так часто прерывается разного рода включениями, позволяющими автору в это время валять дурака: кто знает, спать или влюбляться — и в то же время получить славу и деньги, помещая в тех местах, где раздражение читателя мелким шрифтом или отсутствием всякого смысла достигает предела, глубокомысленные высказывания Жабы Куруру, академика, знаменитого критика, профессора социологии.

Местре, Вам слово.

Скобки критические.

Записка, полученная автором от Жабы Куруру, профессора университета.
 (Обсуждаемое литературное произведение чрезвычайно бедно в плане содержания и в то же время изобилует бесчисленными недостатками художественной формы. Язык произведения далек от литературной нормы; грамматические конструкции не подчиняются канонам высокой поэзии прошлого; стихотворный размер, чья строгость необходима, часто нарушается; рифма, которая должна быть миллионершей, — чрезвычайно бедна в тех случаях, когда автор предоставляет нам редкую возможность лицезреть ее. Особенно непростителен тот явно преступный факт, что первое четверостишие вышеупомянутого сонета — всего лишь жалкий plagiat вульгарной карнавальной песенки, которую я привожу здесь:

«Таракашка йайá,
 Таракашка йойб
 Таракашка взмахнула крыльями
 и улетела далеко...»

Плагиатор, которого я только что вытащила за уши и поставила перед судом общественного мнения как вора, коим он и является, не удовлетворился только списыванием, он подражает низкопробным виршам презренной черни.

Если уж умственные способности нашего «автора» настолько слабы, что он не в силах овладеть изысканными законами поэтического творчества, то списывал бы уж, по крайней мере, у таких великих мастеров как Гомер, Данте, Виргилий, Мильтон или Базилио де Магальянэнс.

Жаба Куруру, профессор)

ПРОДОЛЖЕНИЕ ОСЕНИ

Покритиковав, обсудив и оценив сонет Полосатого Кота, вернемся к нашей истории, но это вовсе не значит, что мы тотчас забудем о сонете. Ведь я процитировал его здесь не случайно, а потому, что он имеет прямое отношение к разворачивающимся событиям.

А случилось вот что: в последний день Лета, после той сцены между Ласточкой и Котом, свидетелями которой мы были, у Кота был длинный разговор с Совой. Как я уже говорил, из всех обитателей парка только Сова по достоинству ценила и уважала Полосатого Кота.

В тот вечер Ласточка больше не прилетала. Кот пытался понять, что происходит с ней, какие противоречивые чувства терзают ее маленькое сердце. Исполненный одиночества и печали, Кот решил посоветоваться со Старой Совой. Она только что очнулась от старческой дремоты и раскрыла глаза навстречу Ночи, своей верной подруги. Кот усился под веткой жакэйры рядом с Совой и поначалу поговорил о совершенно посторонних предметах. Но Сова, старая вещунья, сразу поняла, что привело к ней Полосатого Кота. Она была откровенна с Полосатым Котом и не только пересказала ему все сплетни (которые взбесили Кота до умопомрачения), но и выразила свое мнение по этому вопросу.

«Мой добрый друг, этого не может случиться. Как могло прийти в голову, что Ласточка примет тебя как мужа? Такого никогда не бывало. Даже если бы она любила тебя, но кто сказал тебе об этом? — даже тогда она никогда не вышла бы за тебя замуж. Так уж устроен этот мир: ласточкам запрещено выходить замуж за котов. Этот запрет — больше чем закон, он уже пустил глубокие корни в сердцах ласточек. Ты говоришь, она любит тебя, и все зависит только от твоего желания. Может быть, это и так, но закон ласточек все же сильнее ее, потому что закон этот живет в ней с самого древнего ее предка, с самой первой ласточки. И чтобы нарушить этот закон, нужна революция... — и заключила, качая головой, — А впрочем, хорошо бы произошла какая-нибудь ма-а-а-аленькая революция. Она нужна нам».

Полосатый Кот ничего не сказал на это. Ни того, как он любит Ласточку, ни того, как мечтал он долгими бессонными ночами, лежа на рваной бархатной тряпке, о ее близости и тепле.

Он совсем забыл, что ласточки спят в своих гнездышках на деревьях, а коты — на старых тряпках, положив под голову лапу. Кот простился с Совой и ушел, так ничего и не сказав ей. А вернувшись домой, он написал свой знаменитый сонет. За этим занятием он провел всю ночь и часть утра следующего дня. Результат этих трудов — произведение, которому мы уже вынесли свой приговор.

Несмотря ни на что, в тот первый день Осени Полосатый Кот встретился с Ласточкой. Она была очень серьезна, не улыбалась, будто разом утратила жизнерадостность, главную свою прелесть.

Полосатый Кот тоже не старался скрыть своей грусти: в самое сердце ранили его слова Сoves. Вот так, молча, вновь обошли они те места, где гуляли Весной и Летом. Иногда то он, то она роняли бессвязное слово, но у обоих был такой вид, будто они хотят избежать какого-то тягостного, но необходимого разговора.

И вот пришел час расставания. Кот вручил Ласточеке сонет. Она взмыла ввысь, но все оглядывалась и оглядывалась назад, будто хотела еще раз, последний раз посмотреть на него. И в глазах ее стояли слезы.

На следующий день — ах, это был самый длинный день Осени — Ласточка не появилась. Сначала он все ходил вокруг того дерева, где жила ее семья, но не

увидел ее. А вечером Кот вспомнил о парковых сплетнях и сперва разделся с Черным Селезнем, затем до полусмерти напугал Попугая (который как раз читал вечернюю молитву), расцарапал морду Датскому Догу, украл яйца из курятника, но не съел их, а — какая жестокость! — выбросил в поле. Ужас перед Полосатым Котом опять поселился в парке, и громкие сплетни заглохли, превратившись в робкое шушуканье. А еще через день Почтовый Голубь принес ему письмо (о, где взять силы, чтобы прикоснуться к нему?). Кот прочел его столько раз, что помнил уже наизусть. Печальное письмо, окончательное решение Ласточки Синий: «Ласточка не может выйти замуж за Кота». Она писала, что они не должны встречаться, но те часы, которые она провела с Полосатым Котом, были единственным счастьем в ее жизни, и закончила так: «Всегда твоя Синяя».

Она дала клятву не встречаться с ним больше. Но, как я уже говорил и повторяю сейчас, клятвы ласточек не дорого стоят. Они опять гуляли по парку, забредая в те укромные уголки, что открыли для себя этой Весной. Только теперь они почти не разговаривали, будто какая-то невидимая стена встала между ними. Вот так они провели эту Осень, время, окрашенное в серый цвет, когда деревья теряют листву, а небо — свою лазурь.

Так как все в парке опять сторонились Кота (он жил в уединении, ни с кем не разговаривая), то он и не знал, что в доме Ласточки работало шесть пауков — портных, готовивших приданое юной невесте. Бракосочетание Соловья и Ласточки было назначено на начало декабря. В последний день Осени, день дождливый и туманный, заполненный воющим от холода ветром, Ласточка захотела пройтись по всем местам, которые они полюбили за эту Весну и Лето. Она была необычно шумна и разговорчива, нежна и кокетлива, будто неожиданно сломала преграду, отделявшую ее от Полосатого Кота, будто исчезла вдруг пропасть между ними. Она стала прежней Ласточкой, какой была Весной и Летом, немножко взбалмошной, и Полосатый Кот не мог налюбоваться ею. Они гуляли до самой ночи. И вдруг она сказала, что выходит замуж за Соловья, потому что, ах.. потому что ласточка не может выйти замуж за кота. И, как это бывало не раз, Ласточка летела рядом с Котом, касаясь его левым крылом — так она ласкала его — но сейчас Кот не слышал биения ее маленького сердца, так слабы были его удары. Она улетела, не оглянувшись.

ЗИМА

Эта глава должна быть грустной, потому что начало Зимы стало временем скорби для Полосатого Кота.

Но к чему говорить о предметах печальных, о злости Полосатого Кота на весь белый свет, о чем сообщают письма жителей парка своим соседям. Эти новости дошли даже до удаленного жилища Гремучей Змеи, и она задрожала от страха. Все говорили о злости Полосатого Кота, но говорили и о его одиночестве.

Полосатый Кот не сказал никому ни единого слова. Такое полное одиночество взволновало Чайную Розу, которая сказала по секрету Жасмину, своему новому возлюбленному:

— Бедняга! Он так одинок, у него нет никого в целом мире.

Но Чайная Роза ошиблась. Напротив, у него был целый мир: мир воспоминаний, сладостных грёз, прошедших радостей. О нет, он не был счастлив, он страдал. Страдал, но еще не отчаялся, живя в прошлом, вспоминая то, что дала ему любовь раньше. Но счастье не может жить только воспоминаниями, ему нужна надежда на будущее.

И вот в середине декабря, в тот день, когда светило мягкое зимнее солнце, состоялась свадьба Соловья и Ласточки. Был большой праздник и богатое угощие, много сластей и шампанского. Гражданская церемония состоялась в доме невесты. Петух был судьей и произнес пламенную речь о добродетелях и обязанностях хорошей жены, особенно подчеркивая верность жены мужу. О верности мужа жене он не заикнулся. Он был магометанином, но не ханжой, все знали, что у Петуха целый гарем. Церковный обряд состоялся на апельсиновом дереве в самой красивой часовне парка.

Преподобный отец Урубу специально прилетел из далекого монастыря, чтобы совершить религиозный обряд. Попугай был ризничим и ночью напился до полусмерти. Проповедь Урубу была волнующей: мать Ласточки плакала на взрыд. В тот момент, когда свадебный кортеж всей стаей покидал часовню, Ласточка увидела Кота, такого одинокого в своем углу. Не знаю, как ей это удалось, но она изменила вдруг полет и бросила на лапу Полосатого Кота лепесток алой розы из своего букета. Лепесток упал ему на лапу, как капля крови.

Чтобы эта история закончилась счастливо, мой долг – описать праздник в честь Ласточки Синий. Может быть, даже пересказать все анекдоты, которыми Попугай развлекал гостей. Явились все обитатели парка, кроме Кота, конечно.

Заря описала Старику-Времени этот праздник в деталях: наряды гостей, угощения, украшения залы. Но все это читатель может вообразить сам, по собственному вкусу. Скажу только, что там был птичий оркестр, и его звучные мелодии достигли ушей Полосатого Кота, такого несчастного в этот час.

Теперь у него не было прошлого, не было будущего, не было мечты, не было любви. Ночь без звезд, свадебная ночь Ласточки. Лишь алый лепесток у сердца, капля крови.

НОЧЬ БЕЗ ЗВЕЗД

Музыка отзывается болью в его сердце. Для новобрачных – свадебный марш, для Полосатого Кота – погребальный звон. Не выпуская из лап лепесток розы, он в последний раз обвел взглядом зимний парк и медленно пошел туда, где его ждал вечный покой.

Кот хорошо знал то удаленное место, где жила Гремучая Змея, с которой не знался никто ни в парке, ни в поле.

Узкие тропинки вели Кота прямо на край света.

Когда он проходил мимо дома Ласточки, он увидел новобрачных, покидающих праздник. Ласточка тоже увидела его и поняла, нет! сердцем почувствовала, КУДА он идет.

Вдруг что-то упало сверху на лепесток розы, который Кот нес в лапах. На красном, как кровь, лепестке блестела слезинка Ласточки Синий, освещая одинокий путь Полосатого Кота той ночью без звезд.

Здесь кончается история, которую Заря услыхала от Ветра и рассказала Старику-Времени, за что он и подарил ей обещанную розу. Иногда весной Заря прикалывает древнюю голубую розу к своему блестящему платью. И тогда рассвет тоже становится голубым.

Аминь (подвел итог Попугай).

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ
МЭРИЯ ЧЕРЕПОВЦА
УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ КУЛЬТУРЫ

Издание подготовлено Литературным советом при Управлении по делам культуры мэрии г. Череповца (редактор-составитель – председатель Литературного совета доктор филолог. наук А. В. Чернов).

*Печатается по решению РИС
Гуманитарного института ЧГУ*

ВОСКРЕСЕНСКИЙ ПРОСПЕКТ:
Литературно-художественный альманах

Альманах составили поэтические, прозаические произведения, критические заметки, переводы, воспоминания череповецких авторов, большинство из которых публикуются впервые.

ЛР № 021316 от 25.12.98.

Оригинал-макет изготовлен
РИО Гуманитарного ин-та ЧГУ
(Е. Э. Кострико).

Оформление обложки – Д. В. Медведев.

Сдано в набор 07.09.99.
Подписано в печать 20.10.99
Формат 70x100/₁₆

Гарнитура Литературная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 11,7. Уч.-изд. л. 12,0. Тираж 500 экз. Зак. 6280

162600, Череповец, Советский пр., 8, ЧГУ.
Гуманитарный ин-т (оф. 701).

Отпечатано с оригинал-макета
ТОО ПФ «Полиграфист»
160001, Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

42-00

Художник считает, что литература и графика суть письма не есть самоцель и средств отвлечь на личные вопросы. Но нужно пытаться поглядеть в иное будущее. К ней стоит относиться как к мысли конкретного человека, написавшего ее, которую можно сопоставить со своим опытом и подумать: согласны вы или нет? Поэтому я говорю, что литература расширяет кругозор, заставляя нас воспринимать непривычные точки зрения на жизнь.